

Шопперт Андрей

Остров

дохлого дракона

Annotation

Давно хотел написать "доброе вечное". Попробовал. Что из этого получится вам судить.

Остров Дохлого Дракона

Событие первое

Гномы, можно сказать, знамениты своим чувством юмора. Указывая на них, люди, как правило, говорят: «У этих злобных дьяволят то ещё чувство юмора».

Терри Пратчетт, из книги «К оружию! К оружию!»

Гнома звали Ивашка. И был это не простой гном, а корабельный. Почему корабельный? Да потому, что он всю свою жизнь плавал на кораблях. Сначала юнгой потом матросом, а вот теперь стал боцманом. С одной стороны — радостное событие, всё-таки и каюта отдельная и рома кок выдаёт в два раза больше. Жалко было Ивашке только своего предшественника — боцмана по прозвищу Якорь. Он получил стрелу в живот в схватке с троллями Голубых островов и умирал долго и мучительно. Битва была страшная, бриг потерял мачту и половину команды. Тогда-то Ивашку и поставил капитан боцманом.

Сейчас Ивашка сидел в своей уютной пещерке и потягивал пиво из серебряной чаши, которая ещё досталась от деда. А дед говорил, что чаша — его доля добычи в битве гномов с троллями Западных пустошей.

Так вот, сидел себе Ивашка подбрасывал уголёк в камин и потягивал пивко из знаменитой чаши, и думать не думал, что сейчас начнутся всякие приключения. А приключения уже стояли на пороге его пещеры. Конечно, стояли на пороге не приключения, а стоял на пороге маленький гномик по имени Андрюшка, но так как он был ещё школьник, то звали его просто — «Дюшка».

Дюшка был другом Ивашки, и всегда, когда Ивашка приходил из плавания, малыш заходил к нему и подолгу бережно перебирал подарки, привезённые для него из разных заморских стран. При этом он то восхищённо стонал, то подпрыгивал от радости, а то просто замирал с открытым ртом. Ивашке так нравилось смотреть в это время на гномика, что он давал себе слово в следующий раз привезти, что ни будь ещё более необычное и редкостное.

И на этот раз Ивашке действительно повезло, он на базаре в Городе Семи Ворот стал обладателем говорящего попугая и серебряной таблички исписанной непонятными буквами.

Попугай услышал стук в дверь раньше Ивашки и заскрежетал: «Воры, воры, караул!». Гном аж подавился сухариком, которым закусывал.

— Вот, дурак, воры ведь не стучат, это свои, — Ивашка погрозил попугаю пальцем и двинулся к двери. Тут стук повторился и попугай, поняв свою ошибку, прохрипел: «Свои, свои, кто там?»

Ивашка открыл дверь и, увидев своего маленького дружка, схватил его подмышки и втащил в пещеру. Затем он стал кружить его и одновременно засыпать вопросами:

— Ну, как ты? Подрос, а подрос? А что не растолстел? Наверное, ешь мало? Или спишь много? Надо спортом заниматься. Как ты, плавать научился? Ну, вот, а я хотел тебя к себе на бриг юнгой взять. Теперь не выйдет.

Ивашка, наконец, поставил гномика на пол. Тот стоял задохнувшийся, покрасневший, хватал ртом воздух как вытасенный на берег пескарь.

— Ивашка, ты вернулся?! Я тебя так ждал, так ждал, — а сам боком, боком уже

подходил к клетке с попугаем.

— Ух, ты, попугай и говорящий, — и хитро сощутив крохотные глазки. — Это мне, да, мне?

— Воры, караул, жадный гном.

Дюшка даже присел, так неожиданно прохрипел попугай.

— Да не слушай ты его малыш. Это тебе в подарок, он хоть и крикливый, а умный страшно. Знаешь, он и не по-нашему может говорить. Только я не пойму что за язык, то ли баньшей, то ли гоблинов. Вот ты в школе учишься, языки, наверное, знаешь — переведи, что он кричит. Я заметил, если при нём на всеобщем сказать «дублины» он и начинает не по-нашему лопотать.

Попугай наклонил свою зелёную голову на бок, одним глазом посмотрел внимательно на мальчика, прокричал петухом и вдруг понёс такую тарабарщину и так громко, что Ивашка с Дюшкой, не сговариваясь, сдёрнули свои голубенькие колпачки с головы и отпрыгнули от клетки.

А попугай, прокричав какую-то ахинею, вдруг замолчал и, снова наклонив голову, внимательно стал разглядывать гномов.

— Ну, что слышал? Понял, что он сказал? — Ивашка переводил взгляд с попугая на гномика и обратно.

— Нет, но это язык баньши, только какой-то неправильный.

— Эх ты, грамотей, — Ивашка огорчённо вздохнул. — А я на тебя надеялся, думал, ты и вправду в свой школе учишься, а ты там, наверно, в носу ковыряешь, да на девчонок заглядываешься.

— Фу, девчонки, ничего я на них не заглядываюсь. А, язык баньшей, но какой-то не такой, непонятный. Слушай, Ивашка, а что если его к нашей учительнице сносить, может она переведёт? — Дюшка уже весь загорелся новым делом.

— К учительнице, говоришь? — Ивашка сморщил нос. — Наверно, какая-нибудь старая вешалка, ворчать будет.

— Сам ты вешалка, она молодая, красивая и у неё есть яхта, она одна в море выходит, — гномик жалобно смотрел на Ивашку. — Ну, пошли, она тут недалеко живёт, в пять минут дойдём.

— Хорошо, пойдём, я у того купца, что попугая продавал ещё и пластинку купил с какой-то надписью, может она и её переведёт, — и Ивашка достал из шкатулки серебряную табличку с непонятными письменами.

Дюшка тут же завладел пластинкой и впился в неё глазами.

— Нет, это не язык баньши, это какой-то другой, мы такой и не учили, и не видели даже, — гномик с сожалением отдал пластинку Ивашке.

— Да, это я тоже тебе купил, владей, — мальчик тут же выхватил пластинку и запрятал в один из своих бесчисленных карманчиков. Ведь все знают, что у гномов столько карманчиков, что их и не сосчитать. — Ну, пошли быстрее к учительнице, она знаешь, какая умная, все языки знает, у неё книг — целая стенка заставлена и на полу сложены и на столе, — Дюшка показывал руками, где у учительницы книги, а ноги его сами несли к двери.

Ивашка загасил камин, оделся в свой парадный мундир с новыми боцманскими лычками и свистулькой, надел самый голубой колпак, расчесал бороду, накрыл клетку с попугаем самой голубой скатертью (многие знают, что голубой — любимый цвет гномов).

— Ну, я готов, пошли, — Ивашка взял клетку и вышел из пещеры, подгоняемый

Дюшкой.

Наверное, с этого момента и начались их приключения.

Тропинка, по которой наши герои пробирались от пещеры Ивашки к пещере, в которой, по словам Дюшки, жила самая умная и красивая учительница, вела мимо порта и портовых кабачков, и бравый боцман зашёл в парочку из них: «Побитый тролль» и «Вонючий баньши», чтобы принять рюмочку горячего рома, для храбрости, или как он обманывал себя — «Для согреву — уж больно холодный был ветер».

Наконец, как не затягивал Ивашка, это путешествие, они подошли к пещере умной и красивой учительницы. Дюшка тут же выскочил вперёд и загрохотал в кованую железную дверь с якорями и штурвалом из меди. «Красивая дверь», — подумал Ивашка. — «Мне тоже такую надо себе сделать».

Тут дверь открылась. На пороге стояла маленькая девочка в матросском костюмчике. Увидев Дюшку, она вздёрнула свой носик пуговкой и фыркнула, а потом вдруг стремительно исчезла внутри пещеры.

— Пойдём, — гномик одной рукой взял у Ивашки клетку, а второй тянул своего друга за рукав. — Да, пойдём же — это Леночка — дочка учительницы. Задавала страшная.

Пещера была не большая, даже можно сказать, маленькая, и к тому же заставлена всевозможными морскими вещами. Даже у самого Ивашки, в его уютной пещере не было столько всякой морской всячины. Здесь же куда не кинь взгляд, он упирался или в штурвал, висевший на стене, или в макет бригантины, стоящий на каминной полке. И, конечно, сразу привлекал к себе аквариум. Огромный, литров, наверное, на триста или даже четыреста. Над аквариумом висела гнилушка, заговорённая баньши, и освещала это подводное царство.

Золотые рыбки, волоча за собой хвосты и плавники, как принцессы свои шлейфы, плавали вверх вниз, поднимая со дна песок и выплёвывая его у поверхности. Наверное, как и все представители семейства карасей, они любили мутную водичку. У самой поверхности весёлой стайкой мелькали данюшки. Степенно, как истинные хозяева аквариума, плавали скалярии. Ивашка любил этих рыбок больше всего. Они напоминали ему парусные корабли. Гном поправил свой голубой колпак и прильнул к аквариуму. Рыбки заморозили боцмана, и когда Дюшка стал дёргать его за рукав, Ивашке потребовалась целая минута, чтобы отвлечься от подводного мира и оказаться снова в пещере у учительницы. Та, как раз стояла перед ним.

Ну, что может сказать гном о гномихе, чтобы описать её красоту. У неё были прекрасные маленькие чёрные глазки, у неё были замечательные треугольные ушки с кисточками как у рыси (по новой моде). У неё был красивый носик пуговкой. И у неё были шикарные белые зубки (наверное, острые, острые). А на ней был, модный голубой комбинизончик с уймой карманов. Вообще, гномиха была хоть куда, а рядом с ней стояла уменьшенная копия. Леночка — вспомнил Ивашка.

— Здравствуйте, — наконец нашёлся бравый боцман. — Мы тут, вот с другом к вам по делу (Ивашка от волнения даже свой голубенький колпак стащил с головы — что гномы вообще-то не делают).

— А мы кофе с дочкой собрались пить, может, составите нам компанию, а потом и о делах поговорим, — учительница показала на столик у камина, где аппетитно дымился в чашках кофе, и лежали горкой в тарелочках самые разные печеньки. Были тут и любимые Ивашкины рыбки. Ну, как тут откажешь, тем более такой красивой хозяйке.

— Ну, что, Дюшка, попьём сначала кофейку, а уже потом и о делах, — простительно

взглянул на своего маленького друга боцман.

Кофе так аппетитно пах, что Ивашка не дожидаясь повторного приглашения и ответа гномика, быстренько уселся на самый близкий к камину стульчик и призывно оглядел всю собравшуюся компанию. Учительница уже доставала из буфета новые чашки с голубым узором. Леночка подкладывала в камин пахучие эвкалиптовые полешки (специально для гостей). Дюшка бочком пробирался к столу и наконец уселся на краешек стульчика рядом с Ивашкой.

За едой разговор не клеился. Учительница пыталась завести разговор про дальние страны, про путешествия, но боцман её не слушал и отвечал односложно и невпопад, да и рот у его был постоянно набит печеньками, а глаза выскивали на тарелке самых красивых, самых поджаристых.

Но вот кофе закончился, на тарелке сиротливо лежали три рыбки с отломанными хвостами. Ещё раз, оценивающе взглянув на инвалидных рыбок и тяжело вздохнув, Ивашка понял, то пора переходить к делу. Вытерев губы, голубенькой салфеточкой боцман снова вздохнул.

— Еда — что беда. Покудова перед тобой стоит сердце томит, а нет еды — нет и беды. А вот у нас с Дюшкой беда — не знаем мы с ним языков иностранных. А наш говорящий попугай почти только по-ихнему и лопочет, — и с этими словами гном кряхтя (отсидел ногу), поднялся со стульчика и внёс в комнатку клетку с попугаем.

Не спеша, водрузил её на освобождённый спешно Леночкой стол, и как фокусник красивым жестом «А-ля» снял голубую скатерть. Попугай пробудился от своего попугайского сна и, наклонив голову и распушив хохолок, проскрипел:

— Приветствую, милых дам!

Учительница с дочкой улыбнулись, было уже на комплимент, но тут попугай добавил:

— Как поживаете чертовки? — лица «милых дам» вытянулись, и они презрительно отвернулись от «галантной птички».

— Простите его, — вступился за попугая Ивашка, — он сто лет, наверное, с пиратами проплавал, от них чего не нахватается.

— Да, что вы хотели, — учительница обошла вокруг клетки с попугаем, при этом узник, оставаясь неподвижным, поворачивал голову вслед за ней, пока не закрутил шею на все 360°. Учительница заметила это и пошла в другую сторону. Шея попугая при этом стала раскручиваться как пружина.

— Есть будем? Есть будем? — спросил ходящую вокруг него учительницу попугай, призывно при этом подмигнув ей.

Леночка тут же взяла с тарелки оставшихся уцербных рыбок и подала их попугаю. Тот не стал ждать приглашения и сразу же занялся печеньками.

— Попугай этот, если при нем произнести слово «дублионы», начинает, что-то говорить на непонятном языке, — пояснил Ивашка, пока попугай набивал свой попугайский живот. — Вот мы и хотели бы с Дюшкой узнать — какие такие тайны он вещает. Дюшка пытался перевести да не смог — вот и затащил меня к вам, да ещё с попугаем вместе у купца я купил серебряную дощечку с непонятными письменами. Её бы тоже было интересно прочитать, — из бесконечных карманов гномика появилась серебряная табличка с письменами и перекачивала в руки учительницы. Попугай в это время, наконец, доел последнюю рыбку и удовлетворённо осмотрел всех присутствующих в комнате.

Дюшка сейчас же подсел к клетке и прошептал попугаю, как будто заклинание

произнёс: «Дублионы, дублионы».

Попугай, как всегда, наклонил голову на бок, прикрыл один глаз и, испытующе оглядев собравшихся, решил, наконец, и выдал тираду на своём тарабарском языке. Учительница быстро взяла карандаш и стала писать что-то на страницах, лежащей на столе, книге. Попугай закончил свою речь, а учительница все продолжала писать, затем отложила карандаш, взяла другую книгу и стала её перелистывать, что-то разыскивая.

— Это словарь, — шепнул Дюшка, наклонившись к уху Ивашки, — сейчас переведёт.

Но учительница отложила одну книгу и взяла другую. Ивашка с Дюшкой заворожено следили за всеми этими манипуляциями. У боцмана даже глаза устали от напряжения.

Наконец хозяйка отложила книгу и, задумчиво взглянув на попугая, повернулась к нашим гномам.

— Интересный у вас попугай. Он сейчас рассказал мне, где зарыт клад. Вот дословный перевод: «Большое сокровище зарыто в недра третьего холма от синей скалы на острове «Дохлого дракона». Опасайтесь северного ветра», — и сказал он все это на языке древних жёлтых баньши. Говорят, они уже давно все вымерли. Так что, отправляемся за сокровищами? — и она подмигнула. Ивашка подумал Дюшке. Дюшка подумал — Ивашке.

— Не слышал я никогда про остров «Дохлого дракона», — боцман пожал плечами, — наверное, где-то далеко, может даже за Тёплым океаном.

— Давайте теперь переведём вашу пластину, а потом обсудим сообщение попугая, — учительница взяла со стола серебряную пластину и начала вертеть её в руках. Наконец, видно выяснив, где у неё верх, а где низ она зашевелила губами, видно читая письмена. Это все продолжалось довольно долго, и Ивашка отвлёкся, пытаясь вспомнить что-нибудь про остров «Дохлого дракона». Но память оставалась, нема, несмотря на все его призывы. Толстун! — вдруг осенило Ивашку, он обошёл все моря и океаны и даже пять лет жил в плену у баньши. «Вот если его осторожно порасспросить, не выдавая тайны, может, удастся узнать про этот остров», — Ивашка уже строил планы похода к этому «Дохлому дракону». Скажем по секрету — не последнее место в этих планах занимала учительница.

А та в это время брала одну книгу за другой, перелистывала их и откладывала в сторону, убедившись в их бесполезности. Продолжалось это довольно долго, и в своих мечтах Ивашка уже благополучно сплавал на этот остров «Дохлого дракона», выкопал клад и, преспокойно вернувшись, домой, зажил счастливой богатой жизнью, рассказывая детям, а затем и внукам об удивительном приключении, произошедшем с ним и его друзьями.

— Итак, уважаемый моряк, — Ивашка очнулся от грёз, — не могу перевести я эту пластину. Она написана на каком-то древнем языке, на котором сейчас никто не говорит. И я выяснила лишь одно. Это не весь текст, а лишь маленький кусочек. Скорее всего, существует несколько таких пластин и чтобы их прочитать потребуется собрать их все и может даже воспользоваться магией.

Приключение нравилось Ивашке всё больше и больше.

— Давайте сделаем так, — после минутного раздумья предложила хозяйка. — Я перерисую эти значки или буквы и покажу одному старичку — моему учителю, может он что-нибудь посоветует, а вы попытайтесь хотя бы что-то узнать про этот остров «Дохлого дракона», и где он находится. А завтра в обед встретимся у меня и поделимся новостями.

Событие второе

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут.

Цитата из книги «Библия. Новый Завет»

— Давайте, давайте, — сразу согласился Ивашка и, схватив Дюшку за ручонку, потащил к выходу из пещеры. Ему не терпелось быстрее пойти к Толстуну и вывести у него дорогу к этому «Дохлому» острову.

— Так, завтра в обед, — напомнила вслед гостям учительница и закрыла дверку.

Пластина прямо притягивала её. Натали, а так звали хозяйку пещеры и Дюшкину учительницу, взяла листок рисовой бумаги и стала аккуратно перерисовывать значки с пластины. И тут убедилась, что это не так просто. Буквы или значки представляли собой целое произведение каллиграфического искусства, и точно перерисовывать их было трудно, а делать приблизительные копии Натали боялась, вдруг та или иная чёрточка имеют большое значение. И тут она вспомнила детский способ перерисовывания таких пластинок. Положив на пластинку чистый листок бумаги, учительница стала штриховать его карандашом, в результате, когда весь листок оказался заштрихованным, на нём отчётливо выделялись буквы, в точности повторяя своих сестёр на табличке.

— Смотри, Леночка, как здорово получилось, — дочка внимательно осмотрела табличку и листок.

— Мам, сделай мне тоже такой листок.

— Зачем тебе? — удивилась Натали.

— А, вдруг ты потеряешь, а у меня тогда останется, — вывернулась хитрая девчонка, просто ей тоже хотелось иметь кусочек тайны.

И тут Натали сделала то, что в последствии ввергнет наших героев в целый ряд опасных приключений, которые не всегда хорошо заканчиваются.

Натали взяла ещё одну бумажку и карандашом сделала ещё одну копию с Ивашкиной или точнее уже Дюшкиной пластины. Леночка бережно взяла копию загадочного кусочка текста и положила в свой сундучок, ну у какого же гнома нет своего сундучка. Пусть это даже не взрослый гном, просто дочь гнома, скажем так гномочка. Сундучок у Леночки был не большой, но с искусно вырезанной резьбой и к тому же музыкальный, когда крышку открываешь, льётся тоненькая музыка, напоминающая перезвон колокольчиков. Как это происходит, никто Леночке объяснить не мог, отговариваясь тем, что сундучок сделали не гномы, а хоббиты, а те знали с колдунами.

В это время Ивашка с Дюшкой металась по всем пивным, барам и маленьким ресторанчикам на побережье. Везде отвечали, что Толстун только что был здесь, устроил скандал и был удалён из заведения. При этом на Ивашу бросались неодобрительные взгляды, дескать: «А не собираешься ли и ты тут наскандалить тут». Под этими взглядами Ивашку так и тянуло последовать примеру своего старого друга, но отважный гном тут же одёргивал себя, вспомнив о цели своего похода. Наконец в «Оранжевой луне» наши искатели кладов

застали таки неуволвимога Толстуна. Тот стоял посреди бара и, угрожающе закатав рукава, надвигался на высокого худого гнома с бородой какого-то непонятного болотно-зелёного цвета, одетого как одеваются жители Надветренных островов в шорты и майку ярко-красного цвета. Крик при этом стоял невообразимый.

— Ах ты, дикарь неотёсанный, вонючка островная, да я уже плавал по южным морям, когда тебя ещё на свете не было! — Вопил Толстун.

— Сам ты вонючка! — Не уступал островитянин с болотной бородой. — Моряки не плавают, а ходят по морям, сразу видно какой ты моряк.

— Какой я моряк? Это ты дальше своей лагуны не заплывал.

— Я дальше лагуны? Да я весь Тёплый океан вдоль и поперёк обошёл.

И тут Ивашку осенило!

— А ты докажи, — встрял он в разговор, дружески хлопнув Толстуна по плечу. — Где находится остров «Дохлого дракона», ага?! — и Ивашка победоносно выпятил вперёд свою бороду, ещё раз хлопнув по плечу Толстуна.

Тот уже было, хотел ухватиться за добротную-болотную бороду соперника и таким образом выяснить, кто лучше знает моря, но, услышав вопрос Ивашки, отступил на шаг и сдвинул брови, усиленно пытаясь тоже вспомнить что-нибудь про этот остров.

Но островитянин опередил его. — Я там не был, но, где находится, знаю. Это за Тёплым океаном почти у моря Туманов, далеко на Юге. Маленький островок рядом с островом «Медузы».

— Да там полно маленьких островков! — снова взял инициативу в свои руки Толстун.

— Этот к юго-западу от «Медузы» и на нем три вершины почти одинаковой высоты, а средняя красного цвета, — зелёная борода победно вздёрнулась и оказалась перед лицом Толстуна. Забияка сразу прервал географический спор и ухватился за бороду знатока «Тёплого» океана, потом заехал тому крепким гномским кулаком в левое ухо. От неожиданности победитель в словесной перепалке резко дёрнул головой и оставил в руке Толстуна половину своей зелено-болотной бороды.

А Толстун, радуясь первой удаче, взвизгнул, как ужаленный тролль, и, схватив табурет, устремился на бывшего обладателя роскошной бороды.

Островитянин, обомлев от последнего аргумента Толстуна в географическом споре, пришёл таки в себя, и успел отклониться от летящей табуретки, и в свою очередь приступил к активной части спора, не долго думая, он пнул нынешнего хозяина бороды в живот, и когда тот согнулся от боли, заехал коленом в Толстуново ухо.

Ивашка тут же посчитал себя обязанным поддержать честь его родного города и опрокинул стол на теперь уже безбородого островитянина. Однако победитель географической полемики и тут оказался на высоте, падая вместе со столом, он умудрился ещё раз нанести Толстуну удар. На этот раз в лоб. Сидевший до этого на корточках зачинщик и теперешний обладатель зелено-болотной бороды крикнул, как дикая утка, и разбил головой зеркало. Безбородый гном пошатнулся, при падении ударился головой о стойку бара, и свалился на пол без чувств. Толстун тоже прикорнул в углу.

Ивашка победоносно оглядел оставшееся за ним поле битвы, но тут же прикинул в уме, сколько будет стоять разбитая мебель и посуда. Как всякий бережливый гном, он подхватил, с интересом наблюдавшего за географическим спором, Дюшку под мышки, и поспешил к выходу из разбитой «Луны».

Пробежав вдоль улицы до ближайшего угла, с гномиком болтающим ногами в руках,

Ивашка свернул за него и поставил Дюшку на землю, тут же взял его за тёплую маленькую ладошку и потащил к новому повороту улицы. И только здесь боцман позволил себе перевести дух и оглядеться. Погони не было.

— Ладно, Мальш, пойдём домой, или нет, пойдём-ка мы сначала в магазинчик к Обжоре Саньке, купим у него карту Тёплого океана, — Ивашка не мог сидеть на месте Сведения, полученные от бывшего обладателя грязно-болотной бороды, и жажда приключений прямо таки толкала его в спину. Дюшка, вдохновлённый победой своего старшего друга, охотно последовал за ним к новым свершениям.

«Обжора Санька» или для друзей — Саньч имел маленький магазинчик, торгующий всяким морским хламом.

Дюшка с Ивашкой любили заглядывать туда, чего там только не было. Не было там порядка, не было полок, стеллажей, витрин, как в других магазинах, не было там ворчливых гномих с тяжёлыми авоськами, не было ценников. Зато был запах моря, нет аромат моря. Все вещи, сваленные прямо на пол магазинчика были пропитаны морем, являлись его частью. Тут можно было, порывшись в куче всяческого хлама пылящегося в углу отыскать красивую раковину, или боцманскую дудку, или капитанские погоны, или даже настоящую, ржавую подзорную трубу самого капитана Угрюмого, того, кто вёл эскадру гномских судов в битву при острове «Лысого тролля» с эскадрой гоблинов. Вот это была битва!!! Вот это времена! Вот это были капитаны! Дюшка с Ивашкой всегда с благоговением осматривали весь этот мусор истории, или не мусор. «Может это даже музей морских странствий», — думал иногда бравый боцман. На этот раз искатели сокровищ пришли сюда не за раковинами, не за морскими звёздами, развешанными на стенах, они пришли за картой. Картой южной части Тёплого океана. Картой, где есть остров «Дохлого дракона».

Колокольчик, привязанный к двери, тихонько ойкнул, когда наши герои тихонько закрыли дверь, и из коморки в углу показалась заспанная, опухшая физиономия Саньча.

— Ага, я слышал тебя можно поздравить, — Саньч раскрыл свои могучие объятья и бросился на Ивашку. Тот еле устоял на ногах, но всё же выдержал этот наплыв эмоций или навал чувств.

Саньч тем временем разжал тиски дружбы и бережно поставил боцмана на пол, затем он всем корпусом повернулся к Дюшке и протянул тому свою огромную ладонь, пухлую с коротенькими, толстенькими пальцами и широченными перстнями почти на всех пальцах.

— Привет, юнга! У меня для тебя есть сюрприз, даже два, — беспечно махнул продавец чудес и извлёк из бездонных карманов комбинезона: серебряную табличку, при виде которой наши искатели озадаченно переглянулись, и штатулочку, сделанную из морской раковины.

— Вот дарю, — Саньч протянул эти сокровища Дюшке и любовался произведённым эффектом.

— А что это, — гномик сделал вид, что с удивлением разглядывает табличку, при этом он, однако успел подмигнуть Ивашке — «Молчи, мол».

— А, тролль, его знает! — «Обжора» пожал своими могучими плечами. — Вчера наводил порядок вон в том углу, — и он махнул рукой на заваленный почти до потолка угол — И вот нашёл, наверно ещё от моего отца осталось, я в тот угол лет десять не заглядывал. Правда, красивая. Я ведь знаю у тебя дома целый музей всякой всячины, когда будет столько же мусора, сколько и у меня, тоже магазинчик откроешь, — и толстяк залился пронзительным хохотом. Щёки его так и подпрыгивали при этом. Дюшке показалось даже,

что когда сам Саныч уже перестал смеяться, щёки его продолжали смеяться отдельно от хозяина. Гномик прижал драгоценную пластину и отошёл подальше от Обжоры, боясь, что его разлучат с подарком и тайна останется не раскрытой.

— Саныч, я к тебе по делу. Нет ли у тебя карты южной части Тёплого океана? — Ивашка решил, что пора брать инициативу в свои руки.

— Как же нету, почему нету? У меня всё есть, кроме жены и денег, — И Саныч полез в заваленный всяким хламом угол. На свет стали появляться по очереди, бескозырка, знаменитые погоны капитана Барата, боцманский свисток в виде дракона, чучело маленькой акулы и, наконец, стали появляться карты. Саныч мельком просматривал их, и всё, что касалось Тёплого океана, откладывал в сторону. Вскоре у ног Ивашки выросла приличная гора из карт самого различного формата. Обжора удовлетворённо крякнул и вылез из угла.

— Выбери, — сделал он приглашающий жест.

Теперь настала очередь Ивашки переключивать сокровища толстяка с места на место. Сначала боцман отложил в сторону все карты, где была северная часть Тёплого океана, затем забраковал те, где масштаб был слишком большой. В результате у него осталось пять карт. Одну Ивашка взял, так как она показывала течения и ветра, дующие в южной части Тёплого океана. Вторая представляла окрестности острова «Медузы». Третья изображала океан к юго-западу от «Медузы». Четвёртая показывал землю, начинающуюся за Тёплым океаном, и была с надписями на языке жёлтых баньши. А в пятую Ивашка так и впился глазами. Карта так же изображала окрестности острова «Медузы», а надписи на ней были или это Ивашке только показалось, сделаны на том же языке, что и загадочные пластины.

— Ну, вот эти я, пожалуй, куплю, — боцман поднял с пола выбранные карты и протянул продавцу.

Обжора Саныч внимательно их осмотрел и перевёл взгляд на моряка.

— Слушай, Ивашка, это, конечно, не моё дело, но странные ты выбрал карты. Уж не собираешься ли ты плыть на острова к югу от Медузы? Не хорошее это место, где-то там гнёзда драконов, ну да ты сам знаешь, — Саныч пощёлкал на счётах и подвёл итог. — Пятьдесят три дублона, сам понимаешь две карты очень древние, раритеты.

Цена была огромная — это было почти месячное жалование Ивашки, но деваться было некуда, все знали, что если Обжора назначил цену, сколько не торгуйся, он не сбросит не одного дублона. Боцман полез в кошелёк и расплатился с торговцем. Кошелёк при этом заметно похудел. Обжора свернул карты в трубку и засунул в неизвестно откуда вдруг появившийся тубус из кожи дракона, протянул его Ивашке.

— Чувствую я, ты далеко собрался моряк, и не в добрые края твой путь, пусть этот футляр из мёртвого дракона послужит тебе талисманом и защитит от драконов живых, — Саныч даже сам прослезился от такой проникновенной речи. Обняв на прощание Дюшку и, дав ему длинную сосательную конфету, он уплыл в свою каморку, оставив наших героев, одних в своём музее морских странствий.

— Пошли Дюшка, нам нужно зайти ещё в одно место, — боцман потянул гномика к двери.

— А Саныч? Нужно ему хоть спасибо сказать, он нам вон, сколько всего подарил, — Дюшка попытался высвободить руку.

— Не нужно ему сейчас нашего «спасибо» вот вернёмся и отблагодарим.

На улице вовсю светило солнце, весело барахтались в уличной пыли воробьи, устраивая ежеминутные драки из-за крошки хлеба, наверное, такой сухой, что не одному из них она

была не по зубам, или не по клювам. Постояв на крыльчке и понаблюдав за драчливыми воробьями, гномы почувствовали, как отступает атмосфера таинственности, недобрые предчувствия сменяются добрыми надеждами, а ожидание беды, ожиданием удачи.

— Слушай, малыш, пойдём вон в тот скверик и ещё раз внимательно посмотрим карты, — боцман облюбовал уже маленькую голубенькую скамейку, приткнувшуюся к огромному дубу.

Когда они удобно расположились на скамеечке, вытянув ноги, и даже, сбросив тяжёлые гномские сапоги, Ивашка изрёк:

— Тролли глупые твари и я только один раз слышал от них умную фразу: «Лучше идти, чем бежать, лучше стоять, чем идти, лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, а вообще-то гораздо лучше спать, чем просто лежать». — Правда, хорошо сказано — гораздо лучше сидеть, чем бегать по городу в поисках призрачного клада, — Ивашка подставил усталые ступни под освежающий ветерок и минуту сидел, закрыв глаза. — Знаешь, главный недостаток морской службы? — не открывая глаза, спросил он беззаботно болтающего ножками Дюшку.

— Неа, — мальчик остановил свои ноги и повернулся к боцману.

— Ноги отвыкают ходить по земле. Устаёшь быстро. По судну особо не разгуляешься, там всё больше, как гоблинам и обезьянам, по мачтам приходится лазить.

Ивашка открыл, наконец, глаза, ещё раз пошевелил уставшими ногами и приступил к детальному осмотру карт. Первой ему попалась карта с окрестностями острова «Медузы». Остров действительно напоминал медузу или там морскую звезду. Почти круглый и несколько длинных мысов тянулись почти перпендикулярно центру, как щупальца огромной медузы. Остров был довольно большой и находился на пересечении всех морских путей. К юго-востоку от него расположилась целая стайка мелких островков, как рыбки анемоны вокруг медузы. На карте не были приведены названия этих островов.

— Вот на одном из этих островков и зарыт клад, — боцман показал гномику на группу чёрных кружочков.

Дюшка и раньше видел морские карты. Он прикинул на глаз расстояние от этих точек и посмотрел на масштаб карты.

— Получается, что эти острова лежат между землёй баньши и островом «Медузы».

— Точно, малыш, плыть туда около месяца. А на эту карту взгляни, — и Ивашка положил наверх карту со значками как на пластинке. — Дай-ка сюда свой подарок, — Гномы склонились над картой. Несомненно, язык, на котором были сделаны надписи на табличках и на карте один. На карте острова были с названиями, и нашим кладоискателям одновременно пришла в их гномские головы одна и та же мысль.

— Если учительница сможет перевести с этого языка, то мы узнаем, который из этих островков наш, — хором произнесли они и хором же рассмеялись. Приключение нравилось Ивашке всё больше и больше. Этот клад на острове «Дохлого дракона» словно ждал, когда за его поиски возьмётся наш отважный боцман.

Событие третье

Кто хочет драться, тому надо с силой собраться

Кто кого смог, тот того и с ног

В доме драка — народ у ворот

— Слушай, Дюшка, а на чём мы туда поплывём. Если нанимать корабль, то все рано или поздно узнают, где клад и придётся делиться с командой. Вот если бы у нас с тобой была яхта, мы бы могли взять одного матроса и плыть, не сообщая об этом всему городу.

— Так ведь у учительницы есть яхта, вот на ней и поплывём, — как о чём-то для себя давно решённом заявил гномик, — а она матросом будет, вот только придётся с собой Леночку брать, с кем же ей оставаться. Она, правда, задавала страшная, и вообще, не люблю я девчонок.

— Стой, стой, стой. Вот это ты мне команду подобрал для двухмесячного путешествия. Женщину и двух детёнышей. Да мы потонем где-нибудь посреди Тёплого океана. Ты даже плавать, вон не научился. А бабушка твоя что скажет. Да и почему ты так уверен, что Натали с нами поплывёт на своей яхте через весь океан, — боцман и сам понимал, что плыть они будут на яхте учительницы, и что команду Дюшка назвал правильно, вот только знаменитая гномская осторожность мешала решиться в душе на такое путешествие. А хотелось. И страшно. Вот так всегда. И хочется и колется.

— Ладно, дружище, — Ивашка скатал карты в трубочку и сложил их в тубус, — давай по домам, завтра утром заходи, пойдём к учительнице, пластинку и карты ей покажем и поговорим насчёт яхты и всего остального.

Гномик помялся, не хотелось ему уходить, когда приключения в полном разгаре.

— Иди, иди, бабушка, наверное, потеряла, смотри уже луна на небе, скоро темнеть начнёт, — и Ивашка, развернув легонько Дюшку, подтолкнул его в спину.

Нечего делать, тот пошёл домой. Сам же боцман, вспомнив, что сегодня так толком и не ел, поспешил в свой любимый ресторанчик «У трёх дубов». Почему он так назывался, никто не знал, никаких дубов и в помине не маячило у входа в ресторанчик. Хозяин же ресторанчика, когда его спрашивали о названии новые посетители (завсегдатаи давно привыкли к этому названию) отвечал, что купил ресторанчик и не стал менять старое название. А потом добавлял, наверное, дубы сгорели в год «Зелёной змеи» лет сорок назад, когда на город напали драконы.

Ресторанчик был тихий, уютный, с большим камином и тёплым жёлтым светом заколдованных баньши гнилушек, стоящих на каждом столике.

Сейчас, ранним вечером, он был почти пуст, только за столиком у камина сидели два незнакомых Ивашке гнома за кружками грога и пьяно доказывали друг другу, что гоблины хуже троллей, тролли хуже баньшей, баньши хуже эльфов, а эльфы хуже гномов, и что из этого следует, что гномы лучше всех, а они Петруха и Витюха самые лучшие гномы. Хозяину, скучающему за стойкой, очевидно, нравились логические цепочки «лучших гномов», так как он внимательно прислушивался к их несколько несвязным откровениям.

Стук двери отвлек всех троих от философских изысканий. И они с неудовольствием

посмотрели на вошедшего Ивашку. Хозяин по прозвищу «Дубок», должно быть, из-за названия заведения, узнав Ивашку, приветливо ему улыбнулся. А «лучшие гномы», сбитые на апофеозе своего умозаключения, угрюмо уткнулись в кружки с остывшим грогом.

— А вот он не лучший гном, — указал Петруха на Дубка своему товарищу по философии, — за холодный грог слупил с нас два дублона.

Дубок, ругнувшись, махнул на них полотенцем и поспешил к Ивашке.

— Вернулся, значит, о да я смотрю, ты в боцманы выбился. Молодец, помнишь, ты ещё юнгой был, а я всем говорил, что этот парень далеко пойдёт, — хозяин протёр один из столиков и, усадив посетителя, поспешил на кухню.

— Яичницу тебе, а кальмаров хочешь? У меня сегодня кальмары объедение, — Дубок погладил себя по животу.

— Давай, всё давай, целый день на ногах, голоден как тролль, — Ивашка удобно расположился за столиком, вытянув ноги к камину.

— А вот он тоже не «лучший гном», — раздалось за соседним столом.

— Он тролль.

— Как тролль?

— Да он сам щас сказал.

— Дак, ты тролль? — уставился один из «лучших гномов» на нашего бравого боцмана.

— Нет, брат, это ты, скорее, — дракон. Вон грогом так накачался, что у тебя изо рта аж пламя пышет.

— Это я — дракон! — «лучший гном» угрожающе привстал.

— Да, нет, ты и на дракона не похож, — презрительно махнул рукой Ивашка.

— Что, это я-то на дракона не похож?

Дубок, подошедший со сковородкой, и Ивашка аж согнулись от хохота. Впрочем, смех их сразу оборвался. «Лучшие гномы» вытаскивали из-за пояса тесаки.

Дубок поставил на стол сковороду и приподнял за ножку массивный табурет. Ивашка привстал со стула, тоже было, потянулся за табуретом, но тут увидел на столе сковороду с длинной ручкой и взялся за неё.

Но «лучшие гномы» словно не замечали приготовления своих соперников. Они угрюмо пододвигались, размахивая тесаком.

— Эй, ребята, хватит! — попытался остановить их Ивашка, — Поспорили и довольно, зачем же за тесаки сразу хвататься.

Однако слова Ивашки произвели противоположный ожидаемому эффект. Обладатели тесаков устремились на Дубка и моряка, как подстёгнутые.

Дубок явно не впервой участвовал в подобных переделках, он подпустил своего противника на расстояние в пару шагов и запустил в него табурет. «Лучший гном» попытался, было увернуться, но выпитый грог крепко ударил ему в голову, движения были замедленные. И тут в эту же голову врезался табурет. «Непохожий на дракона» гном крутанулся, как юла, и с каким-то металлическим звяканьем закатился под стол.

Ивашкин соперник был покрупнее и потрезвее. Он сделал выпад, орудуя тесаком как шпагой, однако боцман сковородой отразил его удар. Яичница при этом отлетела прямо в лицо нападающему. Взбешённый последним унижением незадачливый фехтовальщик ринулся, словно бык, на Ивашку, выставив нож перед собой. Наш боцман отступил в сторону, и когда бык проносился мимо, он со всего размаха заехал ему сковородой по заднице. Бык взревел и, крутанувшись на месте, снова бросился на Ивашку. Но добежать не

успел, его товарищ в этот момент очнулся и попытался подняться, тут на него с разбегу и наткнулся любитель корриды. Столкновение было ужасным, «лучшие гномы» летели, опрокидывая столы и стулья до самой стены, и улеглись там под обломками мебели. С минуту в ресторанчике стояла тишина, затем раздалось причитание Дубка.

— Разорили, бродяги, всю мебель испортили, а кто рассчитываться будет. Пойду, проверю у них карманы, да вызову стражников, — и хозяин «Трёх Дубов» двинулся к баррикаде у стены. Ивашка чувствуя и долю своей вины, стал поднимать столы и стулья и целые ставить на место. У самого камина его внимание привлёк металлический блеск. Это была серебряная пластина с письменами. «Быть этого не может», — подумал озадаченный кладоискатель — «третья». Одна у учительницы, одна у Дюшки, а эта видимо выпала из одного из бесчисленных карманов «дракоши».

Ивашка молча поднял пластинку и оглянулся на Дубка, тот вытряхивал содержимое карманов организаторов погрома. «Ну что ж», — решил моряк, — «это мне за моральный ущерб». И сунул пластинку в карман. Если б он знал чем, в конце концов, кончится его поступок, то сто раз бы подумал.

Дубок к этому времени закончил «взимать плату» и позвал боцмана помочь ему вытащить бузотёров на воздух освежиться.

Взвалив одного на плечи, наш герой выволок его на улицу и усадил около стены дома. Дубок пристроил своего рядом и поспешил к площади позвать стражников.

— Ну, их этих блюстителей порядка, — решил Ивашка и направился к своей пещерке.

Утром чуть свет в дверь постучали, боцман спал чутким сном моряка и, сразу проснувшись, открыл дверь. Дюшка ураганом вторгся в мирное жильё холостяка, на ходу бросив своему старшему другу его комбинезон.

— Одевайся, сходим куда-нибудь поесть, а потом в порт посмотрим яхту учительницы, а там и к ней уже пора. Пластины покажем, — и он уселся в кресло, нетерпеливо подрыгивая маленькими ножками.

— Ну, я смотрю, ты время зря не терял — такой план разработал, наверное, всю ночь потратил, — Ивашка взъерошил юному кладоискателю волосы.

— Одевайся, ну что ты, — заканючил гномик.

Ивашка уже натянул комбинезон и тут почувствовал в одном из карманов вчерашнюю пластинку.

— Слушай, карапуз, дай-ка я посмотрю подарок Саныча.

Дюшка вытащил из кармана серебряную пластинку и, протерев, протянул моряку, а тот в это время вытащил свою, и положил их рядышком на стол. Без сомнения пластинки были похожи, вот только значки на обеих стояли в разном порядке. Значит, и текст был разным.

— Ух, ты, а это откуда, — Дюшка уцепился за новую пластинку.

— Нашёл вчера, — откликнулся Ивашка.

— Не ври! — не поверил гномик.

— Да говорю, нашёл, в ресторанчике у Дубка, пойдём-ка туда.

Дюшке особого приглашения делать не нужно было. Он уже стоял на пороге.

— Дак может, это Дубок потерял? — допытывался мальчик дорогой.

— Нет, дракон.

— Что за дракон? — выпучил глаза гномик.

— Потом расскажу, пойдём же, на самом деле, перекусим.

Наши друзья вышли на улицу и направились к ресторанчику. У входа была небольшая

толпа.

— Не может быть, в такую рань и уже столько жаждущих, — Ивашка ускорил шаг.

Гномы у входа в царство Дубка громко переговаривались, слышались призывы наказать каких-то виновных. Ивашка крепко держа тёплую Дюшкину ладошку, протиснулся к двери.

— Что там? — обратился к стоящему у порога здоровенному гному в форме стражника Ивашка.

Стражник молча уставился на боцмана, как бы желая взглядом вывернуть его наизнанку и узнать — «А с какой целью ты интересуешься?»

— Дубка убили, — пробурчал кто-то сзади.

Ивашка заглянул в полуоткрытую дверь ресторана. Дубок был привязан к стойке в центре помещения и был весь чёрный от свернувшейся крови.

— А что убийц поймали? — моряк искал глазами знакомых в толпе.

— Да нет, мы пришли, а он уже остыл давно, — откликнулся один из завсегдатаев «Трёх дубов». — Все перевёрнуто, видно искали, что-то, а денег не взяли, по полу разбросаны.

И тут Ивашка понял — искали пластинку, а Дубка убили — «лучшие гномы».

— Пойдём-ка, Дюшка, отсюда — это не место для гномиков, — боцман вытащил своего маленького друга из толпы и двинулся к порту, поминутно оглядываясь.

И не напрасно. Вскоре он заметил, что за ним следит кто-то, стараясь держаться подальше, и не попадаться на глаза.

Ивашка не на шутку испугался, не за себя, конечно, за Дюшку, за Натали, за Леночку. Эти «лучшие гномы» видимо ни перед чем не остановятся, чтобы вернуть пластину, а когда узнают про две другие, их не остановит и то, что это дети и женщина. Нужно было что-то делать. Как-то обезопасить всю свою команду, да и расквитаться за Дубка.

— Слушай, Ивашка, а куда мы идём? — напомнил о себе гномик.

— В порт, посмотреть яхту учительницы, — И тут Ивашка нашёл выход. Лучший способ избавиться от преследователей — это уплыть за кладом. И как можно быстрее. Вот только нужно постараться не навести бандитов на яхту и учительницу.

— Знаешь, пацан, что-тоу меня в горле пересохло, да и подкрепиться надо. Пойдём, зайдём в ресторанчик, тут недалеко — «Жёлтая Луна».

Народу было немного. Ивашка с радостью это отметил, здесь незаметно следить за ним было невозможно. Усевшись за стол так, чтобы за спиной была стена, а перед глазами дверь, боцман подозревал хозяина.

— Мы с приятелем, — он указал на смиренно сидевшего Дюшку, — проголодались и с удовольствием съели бы по три-четыре жаренных яичка и по паре салатиков. А мне кружечку пивка похолоднее.

— А мне сидр, — крикнул вслед удаляющемуся хозяину гномик. Тот улыбнулся и понимающе покивал головой. «Ох уж эти взрослые, себе пива не забывают заказать, а про сидр для гномиков постоянно».

— Яблочный?

— Яблочный, яблочный, — утвердительно замотал головой юный кладоискатель.

— Всё будет в лучшем виде, — заверил хозяин и отправился выполнять заказ.

Ивашка меж тем не спускал глаз с двери. «Хвост» показался в дверях, увидел Ивашку с Дюшкой и, сделав вид что, интересуется меню, отвернулся. Моряк сразу узнал своего вчерашнего соперника. Итак, сомнений не осталось, Дубка убили из-за пластины, а теперь его, Ивашки, очередь.

Надо что-то делать. И тут кто-то больно хлопнул боцмана по плечу, затем ухватил за бороду и обдал таким перегаром, что сразу захотелось закусить.

— Попался, гоблин косопузый!

Ивашка с облегчением узнал Толстуна.

— Садись, бродяга, здорово мы вчера этому красному врезали, — Ивашка высвободил свою бороду из толстых культияпок заменявших Толстуну пальцы.

— А знаешь, во что мне обошёлся этот триумф, — толстяк почесал затылок, — хозяин слупил с меня за разбитую мебель и посуду пять дублонов.

В это время хозяин ресторана принёс яичницу и пиво, пообещал Дюшке, что сейчас будет сидр, и улетучился, было, но Толстун ухватил его за фартук, дохнув на беднягу перегаром, пропыхтел:

— Две кружечки пива, и колбаски там пожарь.

Белоснежный, белый фартук хозяина «Жёлтой Луны», когда его выпустили культияпки Толстуна, стал, каким-то сморщенным и каким-то жёлтым то ли от грязи, то ли от испуга. Его обладатель скоро вернулся, поставил на стол сидр, пиво и сковородку со скворчащими в сале кружочками колбасы. Толстун плотоядно облизнулся и, пробурчав что-то типа «приступим, господа», набросился на колбасу, запивая огромными (по полкружки) глотками пива.

Дюшка некоторое время заморожено смотрел за исчезающими в пасти Толстяка кружками колбасы, затем перевёл взгляд на Ивашку, тот с не меньшим аппетитом поглощал яичницу. Гномик решил поддержать своих взрослых друзей и принялся за салаты и сидр.

Ивашка при всем этом не выпускал из виду «лучшего гнома». Тот повертелся возле меню и уселся за столик недалеко от наших друзей, вполборота к ним, время, от времени бросая нетерпеливые взгляды на Ивашку. «Спешись укокошить меня, «дракончик» — подумал боцман. — Ну что ж, а вот мы не спешим на тот свет», — и Ивашка продолжал невозмутимо уписывать свою яичницу и отхлёбывать пивко. Однако это спокойствие было чисто внешним. Мысль же напряжённо работала. Нужно вывести из-под удара Дюшку и учительницу с Леночкой. Второй «дракончик» скорее всего, находится за дверью, а, может, наблюдает за черным ходом.

И тут Ивашке повезло. Хозяин ресторана подошёл к «лучшему гному» и поинтересовался, что тот желает, заслонив собой наших героев. Ивашка сразу передал Дюшке обе пластины и шепнул на ухо, чтобы он их убрал в карман и не доставал. Когда Ивашка снова оказался в поле зрения сыщика любителя, пластины надёжно лежали у гномика в кармашке. Теперь настала очередь выводить на арену Толстуна. Толстяк уже расправился с последним кружком колбасы и допивал вторую кружку пива.

— Слушай, Толстун, ты уже знаешь, что Дубка убили?

— Дубка? — челюсти перемальывающие колбасу захлопнулись.

— Да, вчера вечером я ещё ужинал у него, а утром мы вот с Дюшкой пришли перекусить, а там толпа народа, а Дубок привязан к столбу и весь изрезан ножом, — Ивашка и сам ужаснулся, снова представив себе виденное утром.

— Да ну! — только и вымолвил Толстун. Затем одним глотком выпил оставшееся в кружке пиво, вытер голубым платочком губы и, нагнувшись над столом, прорычал, обдавая боцмана перегаром.

— Эх, попадись мне эта сволочь, я бы её на колбаски изрезал, — и Толстун продемонстрировал своими культияпками, как он рубил воображаемого преступника на

колбаски.

— Уймись-ка на секунду, — Ивашка остановил нарубающего колбаски толстяка. — Я знаю, кто убил Дубка, и знаю, что он сейчас находится в двух — трёх шагах отсюда. Более того, он здесь для того, чтобы и меня укокошить, так что давай, приступай, а я пока Дюшку через чёрный ход выпущу.

— Где? — Толстун привстал, засучивая рукава.

— Вон, — и Ивашка очутился прямо перед «лучшим гномом», схватил его за шиворот, и пока тот соображал, что к чему, выдернул «дракончика» из-за стола и запустил в сторону Толстуна. Сам Ивашка, не дожидаясь продолжения, и будучи уверен в толстяке, подхватил Дюшку и потащил его на кухню ресторана. Растолкал сгрудившихся там поваров и мойщиков посуды он добежал до двери и вытолкал гномика наружу.

— Беги к учительнице, и сидите там тихо, меня ждите, — прокричал боцман, уже закрывая за гномиком дверь.

Событие четвёртое

Надеяться доказать нашему суду свою невиновность — это, мягко выражаясь, головоломная затея.

Фридрих Дюрренматт

Когда Ивашка протискался назад в ресторан, драка была в самом разгаре. Однако преимущество было не на стороне Толстуна. Он отбивался от обоих «лучших гномов». Отметив это, Ивашка обрадовался — значит за Дюшкой, никто не проследит. И тут в руке одного из бандитов блеснул тесак. Ивашка вспомнив вчерашний бой, схватил стул и запустил в вооружённого «дракончика». Однако на этот раз тот был трезв и легко уклонился от летящего стула. Оставив приятеля одного, разбираться с Толстуном, он, угрожающе помахивая полоской сверкающей стали, направился к моряку. Ивашке неоднократно приходилось вступать в поединок с оружием в руках, поэтому он ничуть не испугался блеска клинка в руках соперника. Отступая, боцман старался подойти к камину, и когда это ему удалось, он ногой поддел кочергу и ловко поймал её правой рукой.

— Ну, что, дракончик, сейчас ты мне ответишь за Дубка! — и Ивашка рубанул кочергой как мечом. Тесак звякнул и вывалился из рук бандита. Воодушевлённый первым успехом боцман ещё раз рубанул кочергой, но промахнулся, его противник успел отскочить. А так как он остался без оружия, то решил проделать то же, что и Ивашка. Бандит подбежал к камину и схватил вторую кочергу. Однако ему повезло меньше, чем Ивашке — кочергой видно только что пользовались, и она оказалась горячей. Взвыв, «лучший гном» выпустил далеко не «холодное» оружие и в это время Ивашка огрел его кочергой по плечу. Взвыв ещё раз, бандит бросился к двери. Опрокидывая на ходу столы и стулья, Ивашка преследовал своего противника до самого выхода и всё же настиг его на пороге, кочерга смачно брякнула по черепу, и, гном обливаясь кровью, вывалился наружу. Весь ещё разгорячённый схваткой боцман вернулся в ресторан, чтобы посмотреть, как Толстяк управился со вторым бандитом. Увиденное сильно огорчило нашего моряка. Толстун без сознания лежал на полу, а «лучшего гнома» нигде не было видно.

Пока Ивашка возился с Толстуном, приводя его в чувство, помещение заполнилось стражниками. Толстун, наконец, пришёл в себя и Ивашка пошёл к их командиру объяснить, что тот гном, которого они сейчас подобрали в дверях и есть убийца Дубка.

Однако стражники не стали никого слушать, и, скрутив Ивашку и Толстуна, вывели их на улицу. «Дракончик» был уложен на носилки, и вся компания двинулась к мэрии.

Ивашке впервые в жизни связали руки, он брёл по знакомой улице и удивлялся, за что вдруг такая несправедливость. Он защищался от вооружённого бандита, который перед этим убил Дубка. И его честного гнома ведут по родному городу со связанными руками под стражей. «Ничего», — думал Ивашка, — «будет суд, и суд разберётся кто прав, кто виноват — его, Ивашку, оправдают и извинятся перед ним».

А пока наши герои добрались до мэрии. На ступеньки, ведущие внутрь пещеры, взойшёл судебный чиновник и, мельком взглянув на лежащего, на носилках «лучшего гнома» спросил о чём-то командира отряда стражников. Тот ткнул копьём в сторону Ивашки и Толстуна и,

сказав пару слов, ещё раз указал копьём на Ивашку.

Судья подошёл к боцману. Был он не стар, примерно такого же возраста как Ивашка и только колючий взгляд чёрных бусинок выдавал в нём представителя богини правосудия.

— Значит, это ты убил того гнома, — судья, не оборачиваясь, указал пальцем на носилки.

— Как убил? — Ивашка аж присел.

— Да так, что он мёртв. Так ты? — бусинки прямо впились в моряка.

— Выходит я, вы разберитесь сначала. Он на меня напал с тесаком в руках, и я заявляю, что это он убил Дубка и хотел и меня тоже, а мы с Толстуном только хотели за него отомстить.

— С Толстуном, значит! — судья вперил свои бусинки в не совсем ещё пришедшего в себя толстяка. — Стража, в камеру их обоих, на подземный уровень.

Толстун пришёл в это время в себя окончательно, оглядел стражников сверху вниз и ... пнул ближайшего в пах. Стражник не ожидал такого поворота событий, выпустив копьё, он, скрючившись, свалился на мостовую. И пока остальные наблюдали за ним, Толстун, разбежавшись, заехал головой в живот второму стражнику. Ещё один поверженный. Но тут, наконец, вмешались остальные стражники. Командир ловко развернул в руках копьё и его древком ударил разбушевавшегося толстяка в лоб. Затем подбежало сразу два стражника, и стали пинать ногами и бить руками сваленного Толстуна. Толстун же со связанными за спиной руками оказать им сопротивление не мог. Судья, надо отдать ему должное, быстро прекратил избиение арестованного и наших героев повели в камеру.

Так Ивашка впервые оказался в тюрьме. Камера куда их вдвоём с Толстуном впахнули, развязав руки, была совсем крохотной и под самым потолком маленькое зарешечённое отверстие, через которое проникало немного света. В этом тусклом освещении была видна двухэтажная деревянная кровать, и в углу стояло небольшое ведёрко, от которого гнусно пахло. Воздух в камере был спёртым и каким-то кислым.

Толстун, не говоря ни слова, покряхтывая, залез на кровать и, отвернувшись к стене замер. Ивашка же успокоиться не мог, он нервно ходил из угла в угол маленькой камеры, три шага туда, три назад и с каждым поворотом горестно вздыхал.

В двери вдруг открылось окошко, и чья-то рука сунула в него две миски с кислой капустой и два куска хлеба.

— Эй, друг! — Позвал боцман в окошко, принимая еду. — Эй, друг, позови судью, это несправедливо, за что нас посадили, мы ни в чём не виноваты.

— Все так говорят, — фыркнули в ответ, и окно закрылось.

— Толстун, а Толстун есть будешь? — затормошил Ивашка своего товарища по несчастью.

— Не, они мне все зубы выбили, — и толстяк опять запыхтел в стенку.

Ивашка взял ложку со стола, сейчас же из-под неё побежали во все стороны жирные противные мокрицы. Есть бедняге, сразу расхотелось. Но, всё же подумав и вспомнив, что он не ел с самого утра, боцман стал отламывать от куска хлеба крошки и бросать их в рот. Хлеб быстро кончился, а пузо у Ивашки как урчало, так и продолжало урчать.

За окном совсем стемнело, и в камере повисла липкая тишина, прерываемая только вздохами Толстуна и попискиванием мышей. Наш гном устал ходить из угла в угол. Он залез на верхние нары и вплотную придвинулся к окошку. Там было чуть прохладнее и было видно три звёздочки. Так глядя на них, Ивашка и заснул. Приснился ему сон, что он дерётся на

мечах с дюжиной гоблинов. Дерётся совсем один, весь израненный и никто не приходит ему на помощь. Ивашка кричит: «Помогите». Но только эхо отвечает ему. А гоблины всё наступают на него. Вот один бросил меч и, упав Ивашке пол ноги, схватил своими ручищами (или лапами) правую ногу Ивашки и дёрнул изо всех сил.

И тут Ивашка проснулся.

Толстун дёргал его за ногу.

— Что это ты раскричался?

Боцман приподнялся, стряхивая сонную одурь. В пещере был полумрак, но на улице уже расцвело, был виден клочок синего неба и быстро бегущие облака.

— Слушай, Ивашка, — Толстун снова подёргал его за ногу. — Я знаешь, что думаю — бежать надо!

— Да, сбежишь здесь — вон какие замки и решётки кругом, — Ивашка подёргал решётку на окошке — та сидела намертво.

— А я все равно убегу, — прорычал Толстун и снова завалился на свои нары лицом к стене и захрапел.

Время тянулось ужасно медленно. В обед опять принесли по миске кислой капусты и по куску хлеба. А когда Ивашка спросил у подававшего еду в камеру гнома, насчёт чаю или кофе, тот аж на пол покатился со смеху.

Дни были похожи один на другой, еда — сон, хождение по камере. Иногда, правда, почти все время молчащий Толстун подбегал к двери и принимался барабанить в неё, требуя свободы. Тогда в камеру заваливалось несколько стражников, и принимались методично деревянными дубинками избивать обоих бедняг.

Ивашка, чтобы не потерять счёт времени стал рисовать на стене палочки. Количество полочек все росло, а наших друзей ни куда не вызывали, ни кто к ним не приходил и ни о чем не спрашивал, и вот когда на стене появилась двадцать седьмая палочка, дверь неожиданно распахнулась и хриплый голос потребовал:

— Выходи по одному.

В коридоре, куда вышел Ивашка, ему два здоровенных стражника связали руки за спиной, и повели вверх по лестнице.

— Куда идём то? — спросил Ивашка у шагавшего рядом стражника

— Известно куда, на суд, — нехотя процедил тот. — Вот и пришли, — он распахнул дверь и пропустил наших бедолаг вперёд.

После почти месяца проведённого в сумраке камеры Ивашка в первое время почти ослеп. В окна ярко било солнце. Понукаемые стражниками Толстун с Ивашкой прошли к углу, где для них были поставлены два стула, и сели там, протирая глаза и часто моргая.

Наконец, Ивашка утёр слезы, набежавшие на глаза и осмотрелся. Зал, куда их ввели, был не очень большой, прямо перед ними было кресло для судьи. А вдоль стен стояло несколько стульев для зрителей. С радостью Ивашка различил среди них Дюшку и учительницу, были там и капитан его корабля, и почти вся команда. В сумме, гномов тридцать. Они о чем-то оживлённо переговаривались, и в зале стоял гул от множества голосов.

Но вот из задней двери, находившейся за судейским креслом, показался невысокий гномик в ярко-синей мантии и такого же цвета колпаке. «Судья» — понял Ивашка. Тот прошёл к своему креслу и, расправив мантию, основательно на него уселся.

— Начинается судебное разбирательство по обвинению жителей нашего города именуемых Толстун и Ивашка в убийстве неизвестного, — судья осмотрел зал и продолжил:

— Как показывают свидетели, подсудимый устроил драку с двумя неизвестными гномами, очевидно не из нашего города, так как убитого никто не опознал. Второй гном пойман не был, но как показывают свидетели, он и не пострадал. Зато у нас есть труп и есть признание подсудимого Ивашки, что это он ударил потерпевшего, — Судья ещё раз обвёл взглядом зал. Все внимательно слушали. Тогда он повернулся и осуждающе покачал головой и продолжил:

— Вам слово подсудимый.

Ивашка целый месяц думал над своей речью, а здесь растерялся и стал переступать с ноги на ногу.

— Суд слушает вас, подсудимый.

— В общем, а начну я с вечера накануне. Зашёл, значит, я вечером перекусить к Дубку, а там эти двое уже пьяные были, когда Дубок принёс мне поесть, они полезли на нас с ножами, но были слишком пьяны и мы их оглушили и выволокли на улицу. Потом я пошёл домой, а утром ко мне пришёл гномик Дюшка, и мы решили с ним перекусить у Дубка. Когда мы подошли, то увидели толпу у ресторана и обнаружили, что Дубок убит. Я повёл мальчика подальше отсюда и вдруг обнаружил слежку, тогда я решил зайти в первый попавшийся ресторан, что бы проверить, кто за мной следит. Это оказался один из вчерашних бандитов. На счастье — или на несчастье в ресторане оказался мой друг — Толстун. Я попросил его помочь мне, а сам, спасая гномика, выпроводил его через заднюю дверь ресторана, а когда зашёл назад, то увидел, что два вчерашних бандита с ножами нападают на Толстуна. Ну, я схватил кочергу у камина и поспешил на помощь другу. Вот и всё.

— Свидетель, Дюшка, что вы можете добавить к сказанному, — обратился судья к гномику. И Ивашке вдруг показалось, что вот сейчас Дюшка подтвердит его слова, перед ним извинятся и отправят на свободу и поедут они вместе с пацанёнком и Натали за кладом. Боцман даже заулыбался своим мыслям.

— Так все и было, — пролепетал гномик, он явно был взволнован, тем, что был «свидетелем Дюшкой», что вокруг столько взрослых гномов, что от его слов зависит судьба его друга Ивашки.

— Что все? — повысил голос судья. — Вы рассказывайте, что видели сами.

Дюшка совсем смешался.

— Ну, пришёл я к Ивашке, пошли мы к Дубку, а он убит, и Ивашка вытолкнул меня и мы пошли в другой ресторан, а в том выгнал меня через чёрный вход и говорит, беги к учительнице и всё.

— Садитесь свидетель. Подсудимый, Толстун, что вы можете добавить?

— Да, это они на меня напали с ножами и стулом мне по голове заехали, а потом стражники начали бить, все зубы выбили, а затем в тюрьму посадили. За что? За что, я вас спрашиваю? — уже гневно выкрикнул толстяк. — Свободу заключённым.

Гномы, находящиеся в зале, зашумели, зацыкали на Толстуна. Стражники окружили кольцом бедных подсудимых.

Судья поморщился на всё это. И, видимо, желая прекратить шум, похлопал в ладоши. Как ни странно это возымело действие. И через пару минут в зале действительно установилась относительная тишина.

— Объявляется перерыв до завтра, продолжение заседания в это же время, — и судья быстро вышел через ближнюю к нему дверь.

Стражники повели наших героев назад в камеру. Ох, как метался Ивашка в её стенах. Он делал несколько шагов, пока не упирался в стену, разворачивался на одной ноге и так же быстро шёл к другой стене. И так пока Толстун не попросил его «не маячить». Тогда Ивашка набросился на своего сокамерника.

— Слушай, Толстун, он нам не верит, думает, что мы с тобой бандиты какие-то.

— Знаешь, что я думаю, Ивашка. Сошлёт он нас завтра лет на пять в рудники, — и толстяк горестно засопел. — Пять лет солнышка не видеть, не ходить под парусом, — Толстун лёг на своё обычное место и отвернулся к стене.

— Да брось ты, не может такого быть, чтобы за одну бандитскую голову давали пять лет рудников, — Ивашка продолжал бегать от стены к стене.

Тут окошко в двери открылось, и им просунули их всегдашнюю капусту.

Эту ночь Ивашка не спал, всё ходил из угла в угол «тусовался» как говорят заключённые со стажем.

Первые лучи солнца, проникшие в маленькое окошечко под потолком, осветили Толстуна. Он лежал на спине с руками под головой и не спал.

— Знаешь, что Ивашка, когда освобожусь, я больше вообще пить не буду, только молоко. Ведь если бы не пиво и ром разве я бы сюда попал?

— Извини, Толстун, это я тебя втянул.

— Да причём здесь ты, я каждый день, как напьюсь, обязательно в какую-нибудь драку влезу. Рано или поздно всё равно убил бы кого или изувечил. Нет, всё больше, кроме молока ничего не пью.

— Я тогда тоже не буду, — Ивашка слез со своих нар и предложил Толстуну:

— Давай поклянёмся, что больше не будем пить.

— Клянусь, — Толстяк поднял руку.

— Клянусь, — поднял руку и Ивашка.

— Лишь бы теперь дали не много.

В это время лязгнул замок и стражники повели наших гномов на суд. Судья уже сидел в своём кресле и нетерпеливо постукивал карандашом по столу. Зрителей в зале было ещё больше, чем вчера. Пришли очень многие горожане знавшие Ивашку и Толстуна.

Едва появились подсудимые, и поднялся страшный шум. Все старались хоть парой слов подбодрить своих друзей.

— Внимание, — закричал судья, — продолжается судебное заседание!

Зал напряжённо затих.

— Слушайте приговор. Ивашку, учитывая все обстоятельства дела и принимая к сведению свидетельские показания, приговорить к одному году галер. Разъяснив, что если галера участвует в военном походе или в битве с неприятелями, то один день засчитывается за три. Толстуна, за участие в пьяной драке, нападение на стражников и неуважение к суду, также приговорить к одному году галер и разъяснить, что участие галеры в боевых действиях снижает срок в три раза. Если есть вопросы к суду, прошу задавать.

Толстун вскочил, было со своего стула, но махнул рукой и сел.

Тогда встал Ивашка.

— Будет ли мне позволено попрощаться с друзьями?

Судья захлопнул папку, в которой лежал приговор и нехотя кивнул.

— Вообще-то, разрешается свидание только с родственниками, но, учитывая, что родственников у вас нет, можете поговорить с двумя друзьями по вашему выбору. С кем вы

желаете поговорить?

Ивашка оглядел зал, тут были и члены его команды и соседи по улице и друзья с детства, однако Ивашка выискивал в зале не их. Дюшка и Натали сидели в самом углу и со слезами на глазах смотрели на боцмана.

На свидание их завели в маленькую комнату со скамейкой вдоль стены и одним стулом посередине, на этот стул усадили Ивашку и по бокам встали два стражника. На скамейке уже сидели Натали и Дюшка.

Моряк хотел поговорить о кладе, о новых пластинах, о загадочной карте, но по бокам стояли стражники, и говорить при них обо всём этом было неудобно, да и нельзя, наверно. Ивашка долго сидел молча и смотрел на своих друзей. Дюшка был серьёзный насупленный и не глядел на боцмана, а разглядывал носки своих башмачков. У Натали были красные глаза, плакала, наверно, и подрагивали кисточки на кончиках ушей, что у гномов свидетельствовало о сильном волнении.

— Дюшка, — наконец решился заговорить боцман. — Ты сильно не расстраивайся. Я ведь моряк. Уйду в какой-нибудь военный поход и через пять-шесть месяцев вернусь уже свободный. И мы поплывём куда договаривались. Ты знаешь что? У меня в пещерке, под кроватью лежит тубус с картами, ты его возьми и отдай вон учительнице, там помнишь, есть карта на этом непонятном языке, — и уже обращаясь к Натали. — И вы тоже не расстраивайтесь, ну откладывается наше путешествие чуть-чуть. Вы пока готовьтесь, переведите пластинки и карту. Наметьте маршрут. Да, вот Дюшку плавать научите, с парусами управлять и будьте поосторожней, а то второй бандит ещё жив и на свободе.

— Время, — стражник положил руку на плечо Ивашке, — пойдём.

Дюшка бросился к моряку, обнял его за пояс и, шмыгнув, пропищал:

— Ты смотри, береги там себя, не лезь под стрелы, — и снова шмыгнул носом.

Натали молча сидела на скамейке и кивала головой на слова Ивашки, быстро встала, подошла к боцману и чмокнула его в щеку.

— Возвращайся живым, мы подождём тебя.

Стражник подтолкнул Ивашку в спину и вывел его на улицу. Пока тот сидел в тюрьме, на свободе оказывается, уже заканчивалось лето.

Событие пятое

*Не важно в какую ситуацию вы попали, только вы решаете, как она повлияет на вас.
Сандей Аделаджа*

Стоял август месяц и лето начало сдавать вахту своей более степенной товарке — осени. Увядание начинало чувствоваться во всём: в запахе трав, в желтизне отдельных листьев, в самом воздухе. Он стал неуловимо густым и ленивым, пронизанным духом зрелой и сытой природы.

Эти признаки близкой осени были ещё почти не заметны для глаза. Всё так же как до тюрьмы, зелёная трава, и так же стрекотал в поле кузнечик. Но всё-таки что-то неуловимо и безвозвратно изменилось, какая-то лёгкая грусть легла на эти спокойные и плавные изгибы холмов, грусть о невозможности сохранить без изменений это чудесное время, была неизъяснима, хотелось плакать, что покидаешь всё это.

За Ивашкой и Толстуном шло два стражника, а за ними с боков провожала до порта целая процессия друзей наших моряков. Они подбадривали заключённых, пытались сунуть им в руки мешочки с едой, и стражникам приходилось копьями отталкивать наиболее ретивых.

Тюрьма находилась недалеко от порта, и вскоре показалось море. С какой радостью подходил раньше Ивашка к воде, втягивал носом запах соли и йода, тропических стран. Сейчас же словно заложило нос, исчезло обоняние или всё же не совсем, просто любимые с детства запахи заменили другие: гнили, пыли, пота.

Галера стояла в самом конце порта. Её охранял отряд стражников. Шла оживлённая погрузка. Толстуна и Ивашку отделили от провожающих и по узкому, качающемуся трапу, завели на галеру. Ивашка опытным взглядом оценил судно. Сразу видно, что ему предстояло первое плавание. Всё блестело от свежей краски и начищенной меди. Яркий, алый ещё не выцветший парус был аккуратно свёрнут на палубе, канаты, шкоты, гитовы — всё было белым, новым. И даже цепи, которыми гребцов приковывали к вёслам, сверкали начищенной медью. Наши бедные гномы были не первыми, взошедшими на галеру. По обоим бортам уже было приковано примерно по десятку заключённых. Они понуро сидели на своих скамейках, сложив скованные руки на коленях.

Ивашку провели к левому борту, а Толстуна к правому.

Здоровенный, зверского вида гном с молотом в руках указал Ивашке на скамейку и тут же двумя хлёсткими ударами приковал цепи от наручников, к цепи, закреплённой на весло.

Подёргав цепи и удовлетворённо хмыкнув, кузнец подбадривающе подмигнул нашему боцману и прогудел как кузнечный мех.

— Ничего, бедолага, зато моря повидаете.

— Да я вроде бы с детства на кораблях. В последнем плавании даже боцманом был.

— Ты моряк? А срок, какой? — кузнец поставил молот на палубу и внимательно осмотрел Ивашку.

— Дали год, но я уже больше месяца в тюрьме отсидел, так что осталось одиннадцать месяцев, даже меньше. Да обещали день за три засчитывать, если военный поход.

— Я пожалуй пойду, скажу капитану, что ты моряк, и что срок у тебя маленький, может он тебя и расковать разрешит, а то команду всю из новичков набрали, никто ничего не умеет, да отправляют к островам у «Медузы». Бывал там?

Ивашка тоже внимательно присмотрелся к кузнецу и даже подивился, почему это он сначала показался ему страшным. И вовсе нет, просто два шрама обезображивали его добродушное лицо.

— Я внимательно изучал карты окрестностей «Медузы» и даже наметил самый оптимальный маршрут с учётом ветров и течений, — Ивашка с теплотой вспомнил о своих картах и о Саныче.

— Ну, я пойду к капитану, да только твоего друга прикую. Как тебя зовут то?

— Ивашка.

— Слушай, Ивашка, а твой друг он тоже моряк? — уже на ходу обернулся кузнец.

— Да, моряк, и он плавал в окрестностях «Медузы».

— Это же здорово. Пойду я расскажу о вас капитану, — кузнец ушёл, помахивая молотом и броня на ходу какого-то матроса.

Ивашка посидел с наслаждением, вдыхая, наконец, солёный морской воздух, и огляделся по сторонам. Впереди него был прикован гном с рыжими всклокоченными волосами в рваном грязном и совсем вылинявшем комбинезоне, ставшим от всего этого грязно-серым. Он сидел, опустив голову на весло и, по-видимому, спал. Ивашка оглянулся — сзади сидел эльф. Этого не могло быть. Гномы так редко встречались с эльфами, что мало кто из Ивашкиных друзей мог похвастать, что видел эльфа. Боцман тоже в первый раз увидел живого эльфа. Он видел их нарисованных на картинках в книгах и только. А тут живой эльф, да ещё в цепях на галере.

— Ты говоришь на общем? — поинтересовался он у эльфа. Но тот никак не отреагировал на вопрос Ивашки, продолжая разглядывать что-то в открытом море.

Эльф был высокого роста, гораздо выше самого высокого гнома, нос как у орла с горбинкой, яркие, казалось излучающие свет синие глаза, остроконечные ушки, золотые, спутанные в кудри волосы.

Ивашка попытался припомнить, что он знает об эльфах. Жили они в лесах на западном материке за Тёплым океаном, умели немного колдовать, как и баньши, воевали с гоблинами и драконами. Да вот, пожалуй, и всё.

В это время к Ивашке подошёл молодой гном в морской форме.

— Это ты Ивашка? — глаза гнома как буравчики впились в боцмана.

— Да.

— Я, капитан этой галеры. Филипп говорит, что ты вроде бы моряк?

— Да, я уже много лет плаваю на разных судах, а в последнем плавании был боцманом.

— Твой друг тоже?

— Мы с ним не плавали вместе, но я ручаюсь, что Толстун отличный моряк.

— А кто поручится за тебя?

— Да вон на пристани мои друзья, можете поговорить с моим капитаном.

— Хорошо. Я поговорю с ним, причём немедленно, и если он даст тебе хорошую рекомендацию, то с вас обоих снимут цепи, потом я всё объясню. Покажи, который из них ваш капитан?

— Да вон он стоит рядом с гномиком в тёмно-синем колпаке.

— Хорошо. Я сейчас поговорю с ним, и после решим, что с вами делать, — капитан

спустился по трапу и направился к гномам, провожающим Ивашку и Толстуна.

Ивашка с тревогой наблюдал за ним, всё-таки сейчас, в какой-то мере решалась его судьба. Однако в глубине души Ивашка понимал, что его капитан должен дать о нём хороший отзыв. Капитан галеры не торопился возвращаться. Он затерялся в толпе провожающих и боцман снова увидел его, когда оба капитана уходили из порта.

— Куда это они? — прошептал Ивашка.

Капитаны скоро скрылись из вида, и наш каторжник стал оглядываться по сторонам. Когда голова его опять повернулась к эльфу, их взгляды встретились. Синие лучистые глаза эльфа светились неистребимой злобой, но тут же словно погасли. Эльф отвернулся и опять уставился в море.

Ивашка очень устал за этот день. Он положил голову на весло и задремал. Ему приснилась его уютная пещерка с горящим камином в углу и удобным качающимся креслом. На столике дымился чай в стаканчиках, и аппетитно пахли печеньки в форме рыбок. Ивашка аж проснулся от этого запаха. Но и после этого запах печенья не исчез. И тут гном вспомнил, что пока они шли, учительница сунула ему сумочку с чем-то. Сейчас эта сумочка лежала у него под ногами. Ивашка, не долго думая, достал её и вытащил оттуда пакетик с печеньем в виде рыбок. Они тут же аппетитно захрустели у него на зубах, распространяя по всей галере запах жареного миндаля. Наш гном так увлёкся этим, что чуть не поперхнулся, когда его кто-то сзади задел за плечо. Ивашка резко обернулся и тут же в это мгновение вспомнил: «ведь за ним эльф». И действительно тонкая, но сильная жилистая рука эльфа отдёрнулась от плеча Ивашки и указала на рот, а потом на печенье, лежащие на коленях у гнома. Боцман, подумав, пересыпал часть печенек из кулька эльфа в руки.

— Ешь на здоровье, это мне друзья на дорогу собрали.

— Азон, — прошептал эльф на непонятном, наверное, эльфийском языке, и принялся за еду.

Это позволило Ивашке внимательно осмотреть своего соседа. Эльф был очень худ, кости так и выпирали у него сквозь вылинявшую одежду. Огромный нос заострился и был действительно похож на клюв хищной птицы. Живые синие глаза впали. Не сладко, видно, жилось обитателю лесов на этом судне, да и кормили здесь, наверное, не очень.

Ивашка заглянул в свою сумку и достал пару больших красных яблок, одно протянул эльфу.

— Азон, — опять шепнул тот.

Это «спасибо», наверное, по-ихнему догадался боцман.

— А я даже не успел Натали спасибо сказать за эту сумку, — ни к кому не обращаясь, пробурчал он себе под нос.

Вернулся капитан галеры, проходя мимо Ивашки, похлопал его по плечу, но ничего не сказал. По лицу же его нельзя было понять, чем закончились переговоры с бывшим капитаном. Последствия не заставили себя ждать.

Филипп опять пришёл со своим инструментом и в считанные секунды вернул Ивашке свободу.

— Ну вот, не всё так плохо, не дрейфь дружище. Пойдём, капитан зовёт. А я пока твоего друга раскую.

Ивашка не спеша, вдыхая воздух свободы, расправил руки и ноги и пошёл на корму к каюте капитана, за спиной он слышал, как расковыивают Толстуна. Надо же, как по-разному могут звенеть кандалы. Зло и тревожно, когда их надевают и весело как колокольчики, когда

их снимают.

Дверь была не закрыта, а сам капитан стоял, ожидая Ивашку, на пороге.

— Ну, заходи, боцман, поговорим, — он пропустил Ивашку в каюту и плотно прикрыл дверь, даже запер её на щеколду. — Разговаривал я с твоим капитаном, он о тебе очень хорошо отозвался, так что не плохой ты оказывается малый, — капитан улыбнулся Ивашке и жестом пригласил его к столу. Там уже дымились чашечки кофе, и стояла бутылка рома.

— Садись, поговорить надо. Насчёт плавания. Филипп говорил, что ты знаком с окрестностями «Медузы». Так вот, мы плывём к островам юго-западнее «Медузы». И в нашу задачу входит, обнаружить на каких островах есть гнёзда драконов. И если удастся, уничтожить их яйца. Ну, как тебе задача, — капитан уже не улыбался.

— Но ведь это самоубийство. Драконы очень сильно охраняют свои гнёзда. И пытаться уничтожить яйца, да это невозможно, — Ивашка, обрадовавшийся было, что с него сняли наручники, сразу помрачнел.

— Ну, почти что так. Поэтому и в команде одни преступники. Наверно, многие погибли. Зато остальные озолотятся, за каждое разбитое яйцо награда в сто дублонов. И, кроме того, сама скорлупа, сам знаешь, стоит по двадцать — тридцать дублонов за небольшой кусочек, то есть всё яйцо стоит дублонов триста.

Ивашка почти не слушал этой бухгалтерии, он думал о судьбе. Буквально недавно он собирался в эти же места за кладом, и вот снова туда же и опять за золотом. Значит, так хотят боги. А против их воли не попрёшь.

— Покажите мне ваши карты, — прервал он капитана, всё ещё подсчитывающего будущие барыши.

Капитан открыл свой сундучок и выложил перед Ивашкой карту Тёплого океана. Насколько же хуже она была тех, что продал ему Обжора Саныч. Ни течений, ни ветров, да и островов было явно маловато.

— Плохая карта.

— Сам знаю, но других нет.

— Дайте-ка мне карандаши, я по памяти нарисую тут кое-что.

А надо отдать Ивашке должное, он выучил карты Саныча наизусть и мог с закрытыми глазами перерисовать их. Когда, высунув от усердия язык, он, наконец, закончил трудиться над картой, это была уже не карта, а произведение искусства, пусть только картографического. С такой картой можно было попытаться преодолеть Тёплый океан.

— Этому можно верить? — капитан внимательно осмотрел так не похожую на бывшую у него карту.

— Я старался.

— Вот что, боцман. У меня нет помощника. Доверю тебе эту должность. Иди, займи каюту, как устроишься, приходи, поговорим.

Ивашка, всё ещё обалдевавший от неожиданного повышения из арестантов в штурманы, спустился в указанную Филиппом каюту. По сравнению с камерой тюрьмы она была верхом роскоши. Да судьба вроде бы улыбнулась нашему гному и даже навесила ему на плечи золотые эполеты, но ведь судно плыло за яйцами драконов.

Событие шестое

Желающего судьба ведёт, не желающего — влачит.

Клеанф

Ветер был северным. Нагонял тяжёлые стальные тучи и нагонял тоску на команду. Берега были уже далеко, «Ястреб» — галера, на которой отправились в поход Ивашка с Толстяком, уже неделю шла на юго-запад к «Медузе». Через пару дней должны были показаться «Подветренные острова», если верить той карте, что изобразил наш штурман.

Сейчас приближались места, где плыть следовало особенно осторожно — сплошные рифы и мелкие островки, остатки, как говорили легенды, великого материка, на котором жили легендарные племена людей. За своё богатство и зазнайство эти люди были наказаны богами. Весь их материк утонул за одну ночь и не один человек не уцелел. Ходили слухи, что гоблины иногда навещают сюда, чтобы понырять за затонувшими сокровищами, но Ивашка неоднократно бывавший в этих местах, гоблинов здесь не встречал, слишком далеко на юге были их владения.

Ветер крепчал, из умеренного он уже превратился в сильный, и солёные брызги всё чаще долетали до капитанского мостика, где стоял Ивашка.

— Пора бы паруса зарифить, — спеша от кормы, прокричал капитан, только что высунувшийся из своей каюты и сразу окаченный холодной волной.

— Рановато, судя по карте, до рифов ещё миль пятьдесят, — против ветра и солёных брызг во всё горло прокричал штурман.

Но слова, подхваченные очередным порывом ветра, вместе с капельками воды видно отнесло прочь. Видя, что капитан не услышал, Ивашка спустился с мостика и, пробравшись мимо отдыхающих гребцов, добрался до капитанской каюты. Зайдя вслед за хозяином и плотно прикрыв дверь, он охрипшим от солёной воды и ветра голосом пояснил.

— Да островов и рифов, ещё миль пятьдесят, наверное, а ветер попутный, я думаю пару часов можно плыть, если ветер конечно не усилится.

— А если мачту сломает? — капитан отхлебнул разогретый ром и протянул стаканчик Ивашке.

— Я же не пью, клятву дал. А мачта должна выдержать, я Толстуна поставил смотреть за парусами и мачтой, если, что он не прозевает.

— Парус, вижу парус, — раздалось в это время с вершины мачты, где, несмотря на погоду, сидел наблюдатель.

Капитан с Ивашкой поспешили на нос галеры и внимательно оглядели море, там, куда указывал матрос.

— Зелёный, — ледяным, как пронизывающий их ветер, тоном произнёс капитан.

— Зелёный, — как эхо произнёс Ивашка.

— Гоблины, — капитан повернулся к своему помощнику. — Далековато забрались, не слышал я, чтобы они заплывали так далеко на северо-восток.

— Идут нам наперерез и наверняка нас заметили, говорят, у них есть такие штуки, подзорная труба называется, через которую вдаль видно всё как на ладони.

— Я тоже об этом слышал. Что будем делать? — капитан оглядел галеру, как бы оценивая её боеспособность.

— У них же просто парусник, а у нас галера, может, попытаемся уйти против ветра на вёслах, — Ивашка кивнул на гребцов, — а затем взять западнее, прямо к рифам.

— Решено, — и капитан поспешил на мостик.

— Спустить паруса. Левый борт гребёт, правый гребёт в обратную сторону, — галера, повинувшись ударам вёсел, в считанные минуты повернулась на месте, парус, потерявший ветер затрепетал и упал на палубу.

— Ей у штурвала, курс прямо на ветер. Боцман, самый быстрый ритм гребцов. Начали.

Заухал барабан в сумасшедшем ритме, и десятки вёсел разом врезались в воду, толкая судно против волны. Галера, медленно, зарываясь носом в высокую волну, поплыла на север, прочь от корабля гоблинов. Те не могли двигаться против ветра и стали маневрировать, пытаясь галсами приблизиться к кораблю гномов. Но уже через час стало видно, что при таком сильном ветре и высокой волне попытки гоблинов ни к чему не привели. Расстояние между судами увеличилось. А ещё через час зелёный парус исчез в пучине волн. Для безопасности гребли ещё пару часов, но уже в более медленном ритме, галера шла на север.

Капитан с Ивашкой всё это время простояли на мостике, напряжённо вглядываясь в свинцовый горизонт. Зелёный парус не появлялся.

— Ну, теперь можно повернуть и на запад, — Ивашка подождал, что скажет капитан, но тот молчал. — Поворачиваем? — ещё раз спросил капитана наш штурман.

— А может не надо, ветер не утихает, обойдём, рифы с востока, уже темнеет и гоблины не должны нас заметить, не хочется мне лезть в рифы. По преданиям все эти люди были колдунами и ночью там страшновато, наверное, — капитан повернулся к рулевому. — Курс на восток, — и уже к Толстуну. — Ставим парус.

— Иди, Ивашка, отдохни, а я постою здесь. Через два часа меня сменишь.

Только тут Ивашка почувствовал, как устал, ноги затекли свинцом, от солёной воды постоянно слезились глаза, промокшая одежда стояла колом. В каюте он первым делом разделся и насухо вытерся полотенцем, затем надел чистую сухую одежду и блаженно растянулся на кровати, изредка приподнимаясь, чтобы отглотнуть горячего кофейку, принесённого коком.

Через пару минут глаза его стали слипаться, и Ивашка погрузился в сон.

Событие седьмое

Йо-хо-хо! И бутылка морковного сока!

Цитата из мультфильма «Ледниковый Период 4: Континентальный дрейф»

Во сне Ивашка увидел эльфа. Тот что-то говорил на своём гортанном языке и показывал на море. А Ивашка ничего не видел и сердился на эльфа. Тогда он стал колдовать, и всё заволочло туманом. Чем там всё закончилось, наш гном разобрать не успел, пришёл капитан и разбудил его.

— Иди, подежурь, — капитан был весь мокрый с кончика его колпака, поникшего от брызг, на бороду сбегали капельки воды и, не задерживаясь, падали на пол. — Рифы, наверное, уже прошли, можно брать юго-западнее. Иди под парусом, гребцы пусть отдыхают.

Ивашка выглянул на палубу, огромные волны перекатывались за бортом. Ветер свистел в снастях, навевая тоску и тревогу, блеклый рассвет всё не мог пробиться сквозь завесу туч. Только белые барашки волн и больше ничего не видно.

Поплотнее закутавшись в водонепроницаемую накидку, наш гном пошёл на капитанский мостик и приказал развернуть корабль по ветру.

— Табань вёсла. Курс юго-запад, — тяжело заскрипел разворачиваемый парус, разом вздохнули вымотавшиеся гребцы. Галера рывками поймала ветер и понеслась, обгоняя, барашки волн. Бортовая качка тут же прекратилась, и волны перестали захлёстывать капитанский мостик. Ивашка поудобнее устроился у штурвала и позвал Толстуна. Тот весь мокрый и ещё разгорячённый после несколько часовой битвы с ветром и волнами тяжело поднялся на мостик.

— Слушай, Толстун, ты бы прошёлся по гребцам и узнал, кто из них луком хорошо владеет. Слишком уж легко мы от гоблинов избавились, боюсь, на рассвете опять на них натолкнёмся, и проверь гарпунную пушку, да кормовую катапульту.

Толстун молча ушёл, Ивашка видел сквозь предрассветную хмарь, как он пробирается между гребцами, пригибаясь поочерёдно то к одному, то к другому.

Ветер стихал, солёные брызги больше не долетали до мостика, но на душе у штурмана было не спокойно. «Подольше бы не светало, может в сумерках, и проскочим», — думал он. Медленно в постоянном ожидании зелёного паруса прошли два часа вахты. И Ивашка послал матроса будить капитана. Совсем рассвело, и видимость была отличная.

Появился капитан и внимательно осмотрел горизонт.

— Иди отдыхать. Тяжёлый был денёк. Ну, выспись, я теперь до обеда один постою.

Но поспать не пришлось.

Только Ивашка в каюте стянул с себя колпак и повесил его сушиться, как по кораблю засвистели — пропела тревогу боцманская дудка.

Ивашка выскочил на палубу. Боцман бегал, поднимая гребцов, а капитан и Толстун стояли на корме рядом со штурвалом и смотрели, прикрываясь ладонями от пробивающегося сквозь разрывы облаков восходящего солнца, на восток.

Так и есть — гоблины. Штурман не пошёл на корму, бросился назад в каюту, где

несколько минут назад он спокойно нанёс на карту их примерное местонахождение. Ещё нанося эту точку, Ивашка обратил внимание, что в милях сорока к западу проходит мощное встречное течение, если, конечно, карты Саныча не врут. Едва он увидел гоблинов, ему сразу пришло в голову, что их галера будет гораздо проще бороться на вёслах с этим течением, чем громоздкий двух мачтовый корабль гоблинов. Ещё раз, внимательно рассмотрев карту, Ивашка поднялся на мостик и, понимая, что время терять нельзя, послал матроса за капитаном, а сам скомандовал: «Табань вёсла, все к парусу, курс запад».

Капитан с Толстуном и Филиппом не заставили себя ждать.

— Ну, говори, — капитан от нетерпения аж переступал с ноги на ногу. Как бы готовясь броситься куда-нибудь.

— К западу, идёт мощное встречное течение, мы на вёслах и парусах можем по нему идти сносно, а вот гоблины завязнут. Только бы добраться до него. Оно в милях тридцати — сорока.

Капитан оглянулся назад. Зелёный парус за те десять минут, как его заметили, вроде бы не приблизился, всё так же почти сливаясь с чёрным небом.

— Ну, что ж давай попробуем. Идея вроде хорошая, только почему и на вёслах бы не идти.

— Гребцы должны быть свежими, течение очень сильное. Там успеют вымотаться. Ещё бы ветер чуть стих, — Ивашка оглядел горизонт. Но серые тучи по-прежнему плыли на юго-запад, обгоняя корабль, клубясь низко над головой.

Подошёл Толстун. Он не спал уже почти сутки, и тёмные глаза его ввалились, синяки под ними занимали пол лица.

— Курс, точно запад, идём со скоростью семь миль в час, — доложил он капитану и уже к Ивашке. — Кормовая катапульта заряжена. Гарпунная пушка перенесена с носа на корму и тоже заряжена. Да, я тут поговорил с гребцами — есть пара неплохих лучников, если не врут, конечно.

— Этих двоих накормить и уложить спать. Пусть отдохнут. Чтоб руки не дрожали. — Ивашка вопросительно глянул на капитана. — Раскуём их?

— Попозже, посмотрим, как дела пойдут.

Они, не сговариваясь, поглядели назад. Зелёный парус был на месте.

— Боцман, накормить команду. Пойдём, Ивашка, тоже перекусим, а то стоим тут, гипнотизируем его, как будто мы баньши, а не гномы.

В каюте им принесли жареные овощи и кофе. Но хлеб не лез в горло. Они молча сидели, прихлёбывая ароматный напиток. Ивашка вспоминал Дюшку, Натали, свою уютную пещерку с весёлым потрескиванием дровишек в камине. Где всё это сейчас? Чем гномик занимается? Смогла ли учительница перевести значки на табличках? Кофе стыл, а капитан со штурманом всё сидели за столом, свесив головы. Нет ничего хуже, чем ждать.

Прошло ещё пару часов, прежде чем стало понятно, что гоблины заметили гномское судно и неумолимо приближаются к нему. Зелёный парус заметно вырос в размерах. Стало очевидно, что преследует их двухмачтовое судно. Но оснастка его несколько успокоила Ивашку. Паруса были прямые, так что галсами им будет ходить трудновато. Надежда, что с помощью течения удастся уйти от корабля, вновь утвердилась в сердцах гномов. По их подсчётам, до этого течения осталось ещё миль двадцать. При нынешнем ветре это часа три хода. А ведь гоблины уже не далеко, какие-то две мили. «Успеем ли»? — прикидывал штурман.

Время упрямая штука, когда его не хватает, оно бежит, словно быстрая горная речка и низменно заканчивается водопадом, то есть бедой. Когда же хочется, что бы оно прошло быстрее, время тянется и течёт медленно, как широкая река перед впадением в море, сознавая своё величие.

Сейчас нашим гномам времени явно не хватало, подгоняемый попутным ветром, имеющий большую парусность корабль гоблинов вырос на глазах. И часа не прошло, а уже чётко вырисовался его хищный нос с драконьей головой и даже фигурки гоблинов, размахивающие абордажными крючьями.

— Пора и гребцам поработать, — не выдержал капитан.

— Да самое время.

Забил барабан, все ускоряя темп, и вёсла вспенили воду за бортами. Гребцы успели за несколько часов отдохнуть и поесть и сейчас вкладывали в гребки все силы, понимая, что если гоблины захватят корабль, то не посмотрят, кто здесь узник, а кто нет, всех ждёт одна судьба рабство или смерть. Скорость судов, казалось, уравнились. Прошло уже полчаса, а гоблины ни на кабельтов не приблизились. Взошло солнце, небо очистилось от туч, и теперь можно было внимательно осмотреть корабль противника.

Выгоревшие зелёные паруса, почерневшее от времени и морской воды дерево, заплатки на бортах — это был не новенький корабль, а ветеран, закалённый в походах и боях.

И тут счастье изменило гномам — ветер стал усиливаться, и расстояние между судами сразу стало сокращаться. Вот уже пять кабельтовых, четыре, три.

— Готовьте гарпунную пушку и катапульту, лучники на корму, — капитан сразу же преобразился: от ожидания и неуверенности он в секунду перешёл к действиям.

Матросы вложили в катапульту горшок с зажигательной смесью, и Толстун, запалив фитиль, спустил затвор. Огненный горшок рванулся навстречу кораблю гоблинов и врезался в голову дракона, вырезанного на носу, сейчас же огненные брызги разлетелись по всему носу судна и язычки пламени побежали по доскам. Но гоблины видно были опытными воинами. Тут же появились вёдра с водой, и не прошло и нескольких минут, как огонь был погашен. Однако гномы могли гордиться столь удачным выстрелом, огонь пережёг один из канатов удерживающих парус на передней мачте, и он теперь полоскался на ветру как огромный флаг. Скорость судна резко уменьшилась и идущая под всеми парусами и на вёслах галера гномов стала заметно отдаляться то преследователей. Не менее получаса потребовалось гоблинам, чтобы починить снасти и ещё столько же, чтобы вновь нагнать галеру. И вот тут казалось, удача отвернулась от гномов, посланные подряд два горшка с зажигательной смесью плюхнулись в воду.

Гоблины бесновались по носу своего судна, в руках сверкали кривые мечи, и в воздухе свистели абордажные крючья, которыми они размахивали, грозя гномам.

Толстун сам нацелил гарпун, и когда толпа гоблинов особенно плотно облепила нос корабля, спустил тетиву. Стрела со свистом вылетела и понеслась навстречу врагам. Выстрел оказался очень удачным. Вой и проклятья раздались в стане гоблинов. Трое из них были насажены на этот вертел. Кровь хлынула рекой. А гномы уже успели снова зарядить гарпун, и вот вторая стрела врезалась в ряды чудовищ, окружающих раненых, и снова крики. Ай да Толстун, ай да стрелок!

Ивашка радостно похлопал друга по плечу. Расстояние между тем продолжало сокращаться. И тут вступили в дело стрелки из лука. Четыре гнома прицелились, и четыре тоненьких стрелы свиснув, унеслись к гоблинам. И снова крики и проклятья.

Больше стрелять было не по кому, гоблины отнюдь не глупцы. С носа фрегата они скрылись за фальшбортами, за каюты, за мостиком, за мачтами.

Теперь настала очередь Ивашки проявить себя.

— Спустить паруса, поворот на девяносто градусов, курс на юго-запад, — правые гребцы продолжали грести, а левые замерли с опущенными в воду вёслами. Парус упал, и корабль почти под прямым углом развернулся.

Судно гоблинов при этом продолжало идти прежним курсом. Увидев манёвр гномов, они бросились, было к парусам, выполняя команду капитана, но стрелы, полетевшие с корабля гномов, вновь заставили их укрыться.

Корабли расходились. Не меньше десятка минут понадобилось гоблинам, чтобы развернуть судно и снова начать преследование, но как только расстояние сократилось, Ивашка повторил манёвр, при этом он лёг на прежний курс, ведь течение должно быть где-то рядом. И снова гоблинам потребовалось не меньше десятка минут, чтобы развернуть корабль. И столько же, чтобы догнать беглецов. На этот раз разворачиваться было уже нельзя, Ивашка всей своей морской душой чувствовал, что течение совсем рядом и боялся его прокараулить.

Да и легко сказать «обнаружить течение в океане», это ведь не ручеек, бегущий среди зелёных полей. Вода она и есть вода и чёткой границы, конечно, быть не может, нужно забраться в самый центр течения, где скорость воды максимальная. По изменившемуся направлению волн, по неуловимому отличию в цвете воды, Ивашка понял — они уже идут по течению, но всё медлил поворачивать галеру. Наконец, дальше тянуть было нельзя. Судно гоблинов буквально повисло над галерой. Выстрел катапульты ещё на несколько минут замедлил нападение, зажигательная смесь разлилась прямо под грот мачтой, и все гоблины бросились гасить очередной пожар.

— Право руля, — скомандовал Ивашка и с надеждой глянул за борт в воду, конечно, течение было, это было видно по бурунчикам вокруг вёсел, по плеску воды о корму.

Теперь ветер был встречный, к тому же он явно усилился, было слышно, как этот озорной мальчишка посвистывает в оснастке и хлопает флагом и вымпелами. Вёсла ритмично вспенивали воду, вторя учащённому ритму барабана.

Гоблины, прокараулившие из-за пожара очередной поворот гномов, развернули, было судно, но паруса захлопали от встречного ветра, и под крики ярости судно вновь развернулось, пытаясь уйти вперёд, и обогнать гномов под острым углом. Но Ивашка уже отметил, что паруса у гоблинов были прямые, а идти под такими парусами галсами задача не простая, а тут ещё сильное течение. Паруса у гоблинов хлопали, судорожно хватая порывы ветра, а течение сводило все попытки на нет.

Гномы, столпившиеся на корме, от радости сплясали свой любимый танец «Весёлый гном». Они обхитрили гоблинов, галера под мерные гребки быстро удалялась от преследователей.

Ивашка в позе победителя принимал поздравления друзей.

— А ведь мы раза два были на волосок от гибели, — сияющий капитан похлопал штурмана по плечу. — А всё вы с Толстуном! Молодцы! Хорошо, что вы попали к нам на корабль.

И тут такая тоска навалилась на Ивашку, что аж горло перехватило. За вечной суетой, за однообразными проблемами моря он почти забыл о том, что на галеру его послали как преступника, что дома остались Дюшка и Натали, серебряные пластинки и мечты о кладе.

Слезинки навернулись на глаза, и Ивашка заморгал и отвернулся, делая вид, что смотрит на гоблинский корабль.

Расстояние между тем продолжало увеличиваться. Наконец, гоблины поняли всю тщетность попыток настичь быстро удаляющуюся галеру и, подняв паруса, двинулись на юго-запад.

— Течение уводит нас несколько в сторону от маршрута, — наконец, справившись с собой, произнёс Ивашка, — но я думаю нужно несколько часов следовать ему, оно удачно огибает рифы.

— Да, три дня этим маршрутом, а затем на юг и мы у цели, — капитан блаженно потянулся. — Всем отдыхать, гребцам по чарке рома. Ивашка, пойдём и мы с тобой пропустим по стаканчику.

Пока они переодевались в сухую одежду и расставляли стаканы и бутылки на столе, появился кок и принёс кофейник горячего кофе и булочек, посыпанных сахарной пудрой.

Приятно было сидеть на койке и под мерное покачивание палубы наслаждаться земными радостями: кофе и сдобой.

— Давай, Ивашка, выпьем за удачное сражение, я, честно говоря, совсем пал духом, когда они стали нас догонять.

— А, я сильно перетрусил, когда Толстун два раза подряд промахнулся, — Ивашка отклонил предложенный ему капитаном стакан рому и потянулся к кофе.

— Не пью я, клятву мы с Толстуном дали, не пить больше, когда в тюрьме сидели. Ведь из-за рома проклятого мы здесь с ним оказались.

Капитан покровительственно улыбнулся и отхлебнул из своего стакана.

— А знаешь, может и правильно, я тут разговариваю иногда с попавшими на галеру и все до одного здесь из-за пьянки.

— Слушай, я всё спросить хотел и забывал, а как сюда эльф попал, — Ивашка даже кофе отставил.

— А вот про эльфа я ничего не знаю, хотя знаю, что он переведён с другой галеры, наверное, давно уже плавает.

Солнце, наконец, пробилось сквозь тучи и осветило море, то заискрилось, посветлело, стало на взгляд приветливое, тёплое. Ивашка любил такое море, он стоял на корме и взгляд его скользил по убегающей назад пене в кильватерном следе. За кораблём увязались дельфины, они устроили игру в догонялки по правому борту, обогнали его, а потом чуть снизили скорость и плыли вровень с кораблём, высоко выпрыгивая из воды, и с плеском снова погружались в неё. «Дельфины — предвестники суши». — Подумал наш штурман и как бы в подтверждение увидел чаек, этих маяков суши.

Сзади подошёл капитан.

— Чайки. Я тоже обратил внимание, где-то не далеко земля.

— Справа по борту остров «Медузы», но мы пройдем мимо, не будем заходить.

— Конечно, конечно. Я же говорил, нам свою экспедицию афишировать не стоит, — капитан бросил в воду корочку хлеба, и сейчас же десяток чаек бросились вниз, и одна даже на лету умудрилась подхватить кусочек.

— Дня через три — четыре будем на месте, — Ивашка посмотрел на трепещущий гномский флаг, — ветер как на заказ.

— Слушай, Ивашка. Я тут посмотрел на личное дело этого эльфа, оказывается, его пытались задержать как шпиона, а он вызвал молнию и поубивал несколько стражников,

пока его не схватили.

— Дак он колдун?

— Точно, но говорят, силы эльфов на воде сильно уменьшаются из-за этого его и держат на галерах.

— Капитан, пока всё спокойно, можно я с ним поговорю, поизучаю язык эльфов и попытаюсь узнать кто он такой, — Ивашка прямо чувствовал тут тайну и даже больше, он чувствовал, что этот эльф как-то связан с его кладом и серебряными пластинами.

Событие восьмое

*И снова концерт громогласно ревёт,
Потанцуй со мной, ибо шторм грядёт*

— Валяй, только будь осторожен не вызови гнев этого колдуна, я и сам дал надсмотрщику и боцману команду обходить его стороной. Не буди лиха пока оно тихо, — капитан бросил ещё один кусок хлеба, и чайки опять устроили в воздухе целый концерт.

Ивашка больше не стал оттягивать и направился к правому борту, где был прикован эльф. Тот сидел у борта, и так как судно шло сейчас под парусами — отдыхал, привалившись к веслу. Ивашка, конечно, по несколько раз в день проходил возле эльфа, но почему-то особенно к нему не приглядывался, а сейчас снова, как и в первый раз внимательно осмотрел его. Эльф был сильно измождён, кожа на его лице сморщилась и как-то позеленела. Глаза были тусклые, запали. И сам он сильно исхудал.

Гном присел на свободную скамейку перед эльфом, и чтобы привлечь его внимание похлопал по плечу. Тот вздрогнул, но, увидев Ивашку, расслабился, и подобие улыбки отразилось на его сморщенном лице. Поток незнакомых слов на птичьем языке эльфов выплеснулся, было на штурмана, но так же внезапно прекратился. Эльф замолчал, глаза его стали меркнуть, и он как-то съёжился весь.

Ивашка сбегал на камбуз и взял свежий выпеченный только что хлеб и засахаренный лимон, вернулся к эльфу и протянул тому.

— Пожалуйста, ешь.

Эльф не заставил себя ждать.

— Наверное, тебя плохо кормят, — решил Ивашка. — Я коку дам команду, и тебе будут давать офицерскую еду.

Эльф кивнул, видимо понял, и снова подобие улыбки расправило морщинки у него на лице.

— Земля, земля, мне нужна земля. Эльф нужно земля, эльф нельзя вода, — коверкая слова и строя при этом уморительные рожи, скороговоркой заговорил эльф. — Нельзя вода — умирать сила, — эльф изобразил, что умирает.

Ивашка и сам знал, вернее, слышал, что если эльфа оторвать от его лесов, от земли и поместить надолго в море, на корабль, то сила его убывает. Он начинает чахнуть и умирать. И самое главное — эльфы не могут колдовать на воде. Желая успокоить эльфа, он показал три пальца и, тоже для чего-то коверкая слова, произнёс.

— Три дня. Три дня и земля. Приплывём. — И снова показал эльфу три пальца.

Тот понял, показал три пальца и изобразил, как солнце проходит по небу. Ивашка закивал головой. Подтверждая, что эльф понял правильно.

Эльф аж засветился от радости, даже кожа его зеленоватая, казалось, приобрела прежние розовые тона.

— Язык, учить язык, хочешь? — предложил наш штурман чуть ожившему эльфу.

— Да, язык учить хочешь, — утвердительно прочирикал эльф.

Несколько часов занимался Ивашка со своим учеником. Эльф схватывал всё очень

быстро, да и нельзя сказать, что он совсем не знал гномского языка. Всё, что связано с морем и кораблём он отлично понимал. Они прерывались только для того, чтобы поесть.

На следующий день Ивашка продолжил урок. Он выяснил, что эльфа зовут Оуэн. И что он путешественник, исследователь, которого король эльфов отправил составить карту островов в тёплом океане и Восточного материка. Не зная ещё, друг этот эльф или враг гномам, штурман не стал говорить ничего о цели их путешествия и о карте островов вокруг «Медузы». Однако это совпадение очень заинтересовало Ивашку. И что это вдруг всех сразу заинтересовали острова?

Остров увидели на рассвете третьего дня. Голая скала, камень серый, уже весь выветрившийся от времени. Он показался с востока, на фоне только что взошедшего солнца, и оттого ещё более мрачным выглядел. Высокая, но будто отпиленная вершина горы почти касалась облаков.

Для начала решили обойти его со всех сторон и в полдень точно определить его долготу и широту, чтобы сверить с картой. Как раз до обеда провозились с обходом, остров оказался не так мал, как выглядел со стороны. На его северной оконечности нашли небольшую бухту. Выслали шлюпку с лотом для измерения глубины. И пока те проверяли глубину бухты, Ивашка с капитаном определили координаты и сверились с картой. Капитан ещё раз поразился удивительной памяти Ивашки.

«Скалистый» — так назывался островок, и находился он почти в том месте, где нарисовал его Ивашка. Ошибка была всего в пару миль. Штурман поправил карту, и они с капитаном и Толстуном обсудили детали вылазки. В первую очередь — пополнить запасы пресной воды, её осталось совсем не много. Затем — выслать штурмовую группу в поисках гнезд драконов. Если таковые найдутся нужно организовать охрану от нападения сверху этих злобных тварей и заняться погрузкой скорлупы на борт.

Вернулась шлюпка, бухта оказалась слишком мелкой. Это значительно усложняло операцию. Придётся её проделать с помощью лодок.

В первую группу набирали добровольцев. И, несмотря на опасность экспедиции, дракон он и есть дракон, желающих нашлось достаточно, гномы соскучились по земле, да и цена скорлупы была очень велика, кто же не хочет разбогатеть.

Набрали охотников на две шлюпки и сразу после обеда отчалили. Тучи чаек, альбатросов и других морских птиц встречали их. Даже на корабле хоть уши затыкай от их гомона.

Ивашка остался за капитана. Вдвоём с Толстуном они обошли корабль и проверили всё имеющиеся на борту оружие. Зарядили гарпун самой тяжёлой стрелой — может и пробьёт чешую дракона. Натянули до отказа катапульту, приготовили горшки с горючей смесью, сменили тетивы на всех луках.

Солнце клонилось к горизонту, на берегу всё было тихо. Ивашка подошёл к эльфу и в очередной раз пообещал, что завтра они с утра вместе спустятся на берег, а эльф в очередной раз, наверное, десятый за этот день, раз вежливо кивнул и улыбнулся. Затем они вместе стояли у борта и смотрели на остров.

Заходящее солнце окрасило мрачные скалы в кроваво-красный цвет, а длинные тени от больших валунов на берегу были просто малиновые. Красиво. Если бы не тревожные ожидания, и зловещие крики испуганных птиц.

Наконец, показались шлюпки. Начавшийся отлив обнажил рифы в бухте и лодки, огибая их, описывали сложную кривую. Приближались медленно. Видно было, что едут не пустые

— шлюпки глубоко сидели в воде. Минуты тянулись очень медленно, Ивашка старался глазами подгонять гребцов, гипнотизируя их.

Когда лодки подошли поближе, все ожидающие на корабле по всполохам света поняли, возвращаются с добычей. Последние лучи заходящего солнца алыми вспышками отражались от граней скорлупы драконьих яиц.

— Надо же, — удивился, стоящий рядом с Ивашкой Толстун, — как всё просто, съездили и разбогатели и ни каких тебе драконов, а все опасности — глупые гоблины.

— Слишком просто, — пророчески проронил справа от Ивашки эльф.

Поднимать шлюпки на борт не стали, на завтра решили сплавать ещё раз. Когда драгоценную скорлупу подняли на корабль, все буквально ослепли от блеска. Солнце почти село, лишь половина диска ещё выглядывала из воды. Но и в этом уже не ярком свете грани переливались всеми оттенками красного, от нежно-розового до почти чёрного с кровавыми проблесками.

Капитан чувствовал себя победителем, ещё бы такая груда богатства. Он выбрал огромный кусок скорлупы и бережно вращал его в руках, пуская малиновых зайчиков.

Да, что кривить душой — все радовались как дети. Ивашка набрал целую пригоршню мелких кусочков и пересыпал с одной руки на другую. Звон как у хрустальных бокалов. И красотища какая.

Красное солнце на закате к ветру. А на море ветер к буре. Ну и буря не заставила себя ждать, ветер навалился с севера, навалился сразу всей силой, так, что такелаж засвистел, а мачта закрипела, вызывая зубную боль. Длиннее и круче стали подошвы волн. Неожиданно резко потемнело, а галера стала сильно крениться от бортовой качки.

Гномы постепенно приходили себя. Мир богатства, мир грёз не отпускал. Первым опомнился Толстун.

— Ставь брамсели, с якоря сниматься, — и первым же бросился к лебёдке вытравляющую якорную цепь.

— Всем по местам. Ставь брамсели, — капитан оторвался от драгоценной скорлупы и бросился к мостику.

— Курс на юго-запад, — включился в общий переполох и Ивашка.

Мачта так наклонялась, что казалось она, касается барашков волн. Мощные валы воды перекатывались через палубу. Кого-то снесло водой, и несколько гномов бросились кидать ему спасательные круги с привязанными к ним длинными верёвками.

Ивашка не отвлёкся на это. Не до того было. Шквал, буря налетели так стремительно, что приходилось думать о судьбе всего корабля. Самого штурмана волна два раза тоже пыталась утащить, но многолетние плавания научили его бороться с волной, и Ивашка благополучно добрался до штурвала.

Корабль руля не слушался, нос рыскал по ветру, подставляя борт под удары волн. Вдвоём с матросом Ивашка налегал на штурвал, но его буквально вырывало из рук. Сквозь ветер, брызги и темноту не было видно, как идут дела с установкой парусов. Однако после нескольких минут борьбы за жизнь корабля Ивашка, наконец, почувствовал, что штурвал перестало дёргать, а галера повернула к волне кормой и заскользила по воде, прочь от острова с его рифами и мелями.

Передав управление подоспевшему боцману, штурман поспешил на нос посмотреть, что там с парусами. Брамсели набрали ветер и буквально рвались вслед за ним. Мачта гнулась от нагрузки, такелаж был на пределе, вот ещё бы чуть-чуть и канаты полопались как нитки.

Подошёл капитан и хлопнул нашего гнома по плечу.

— Выровнялся! — крикнул он в самое ухо Ивашки. — Да пронесло, хорошо, что всё новое, а то бы конец. Давно такой бури не видел.

А ветер крепчал, если такой шквал можно назвать «ветром». Судно буквально несло над волнами, перелетая с одного гребня на другой.

Так прошёл час, гномы буквально валились с ног. Смыло за борт ещё одного зазевавшегося матроса. Толстун увёл всех лишних с палубы. Не так и дёшево досталась драконья скорлупа. И всё-таки буря выдохлась. Шквалы налетали всё реже. Вот ещё бы чуть-чуть и пронесло. Да куда там. Оборвало бом-брамсель, парус затрепетал на ветру и буквально через пару минут был унесён ветром. Галера зарыскала снова, норовя подставить борт под удар волны. Вдвоём капитанс рулевым вцепились в штурвал, рвущийся из рук. Удержали. Толстун с ещё двумя матросами, рискуя в любую секунду оказаться за бортом, полезли устанавливать новый парус. Ивашка снизу помогал им, как мог, вытравливая канат из бухты. И в спокойную погоду на эту операцию уходило до получаса, а тут такая болтанка.

«Все-таки, какое счастье, что с нами Толстун». — В который уже раз за последние несколько дней подумал Ивашка.

Поставили парус, корабль перестал зарываться в волну. И ветер ещё ослаб. Но буря ещё долго не давала гномам расслабиться. Лишь серый нерешительный рассвет заставил ураган уняться. Устало перекачивались ещё громады волн. И любая могла захлестнуть небольшой гномский кораблик, но злости уже не было у ветра. Устал. И направление поменял. С северо-запада подул, и сразу похолодало.

Ивашка с капитаном обошли корабль, оценивая урон, нанесённый бурей. Унесло обе шлюпки, сломало двенадцать вёсел, унесло в море двух матросов, несколько гномов ранено. И самое, наверное, неприятное — в трюме открылась огромная течь.

Четверо гномов поставленные на ручную помпу не справлялись, вода потихоньку прибывала. Выстроили цепочку и передавали друг, другу вёдра, вычерпывая воду.

— Да это капля в море.

Ивашка с капитаном склонились над картой, прикидывая, куда их занесла буря, и нет ли поблизости острова, чтобы в спокойной тихой бухте заняться ремонтом. Выходило, что их могло унести миль на сто — сто пятьдесят на юго-запад или юг.

Где-то рядом Западный материк с его эльфами, баньши, драконами и гоблинами — в общем, не самое приятное соседство. Без солнца сориентироваться было сложно. А вода в трюме прибывала.

— Земля, прямо по курсу, земля, — услышали они голос вперёдсмотрящего.

— Неужели мы так близко подошли к западному материку, — в один голос воскликнули капитан и штурман. И как бы отвечая им, с мостика раздалось.

— Остров, остров прямо по курсу.

— Тут на карте есть группа островов. Значит, мы гораздо южнее, чем думали, — Ивашка указал на несколько точек на карте.

— Пристанище морских пиратов. Час от часу не легче, — схватился за голову капитан.

— Выхода нет, — Ивашка уже поднимался на палубу, — курс на остров, приготовить оружие.

Остров был не большой, узкая полоска зелени, на правой его стороне пара холмов. В полумиле от берега заметили бухту. Шлюпок не было, поэтому убрали почти все паруса и медленно, постоянно замиряя глубину, нет ли мелей, вошли в бухту.

Ветер совсем утих, и в бухте волн почти не было, так мелкая рябь.

Был прилив, подошли как можно ближе к берегу и встали на якорь. Воды в трюме набралось уже порядочно, успели таки. Снарядили команду обследовать течь снаружи. Толстун не доверил эту работу ни кому — сам полез. Нырнул несколько раз. Вынырнув в очередной раз, прокричал:

— Нашёл. Плохо дело. Очень глубоко и щель большая. Придётся выбрасываться на мель, и ложиться на борт.

Откладывать не стали, да и что откладывать, когда корабль, можно сказать уже затонул. Лёгкая волна перекачивала через палубу. На вёслах подошли к берегу, пока не закрипело днище по песку. Хорошо хоть, что бухта песчаная, а то на скалы выбрасываться — вместо одной щели дюжину пробоин получишь.

— Весь груз на правый борт, — отдал команду капитан.

Груз, что был в трюме, уже не достигаем, довольствовались тем, что на палубе, и сами все перебрались, судно понемногу накренилось вправо. Гномы сидели по колено в воде и ждали отлива. Погода разгуливалась. Появились разрывы в тучах, сквозь которое пробивалось солнце. Ивашка хотел точно определить место положение острова, на который их забросила судьба и буря. Но солнце опять скрылось за тучами, да и некогда стало — отлив начался. Галера стала заваливаться на борт всё быстрее и быстрее.

— Какой сильный отлив, — сказал, подойдя к Ивашке, капитан.

— Да далековато нас на юг затащило, где-то возле экватора, если судить по отливу.

— Может это и не те острова, которые мы подумали?

— Скорее всего, что не те. Мы гораздо южнее.

Ивашка осмотрел небо, надеясь увидеть просветы, где-нибудь в тучах. Нужно было солнце, чтобы сориентироваться. Нет. Небо было плотно затянуто, собирался дождь.

Галера меж тем всё сильнее ложилась на бок, уже была видна щель образовавшееся в разошедшейся обшивке. Бригада во главе с Толстуном готовилась к ремонту. Обвязывались верёвками, засовывали в свои многочисленные карманы инструменты.

Пошёл дождь. Настоящий проливной ливень. Ну да гномам он уже не мог повредить — итак все были мокрые до нитки. Только шторм пережили.

Со щелью возились долго. Доски не вставали на место. Всё ещё сильная волна раскачивала судно. Корабельный плотник был среди тех, кого снесло за борт. Еле-еле успели поставить заплату к шести часам вечера, уже прилив приближался.

Только последний из ремонтников перебрался на палубу, сразу организовали переброску груза на левый борт. Вода в бухте потихоньку поднималась.

Ивашка с капитаном работали вместе со всеми. Управлялись во время. В полночь судно снялось с мели. Воду откачивали и насосами и носили вёдрами, вымотались все так, что свалились и уснули прямо на палубе под открытым небом, благо дождь кончился, и потеплело.

Ивашка проснулся оттого, что солнце било в глаза. Все спали вповалку, кто, где себе место нашёл. Поискал глазами Толстуна, тот спал, сидя, прислонившись спиной к мачте, и во сне был на посту.

Погода стояла удивительная. Голубое без единого облачка небо. Яркое вымытое солнышко. Птичий гомон на острове. Как будто и не было бури. Гномы просыпались, блаженно улыбаясь — ещё бы такая разительная перемена в природе. Без всякой команды все переделались в чистые сухие комбинезоны. Капитан, Ивашка, Толстун и ещё несколько

гномов собрались на совет. Стоит ли организовывать высадку на остров и если стоит, то, как обойтись без лодки.

Ивашка вспомнил похожий случай, произошедший с ним, когда он был ещё юнгой. Тогда их корабль так же лишился лодок. К берегу на спасательных кругах были отправлены два матроса, они срубили там несколько деревьев, связали плот. Потом вся команда благополучно высадилась на берег. Сейчас тоже решили высадиться на остров. Нужно было пополнить запасы пресной воды и если удастся заготовить мясо и фрукты.

Добровольцев нашли быстро, два матроса надели круги и поплыли к берегу. Сначала, все смотрели, как они удаляются от корабля, но капитан, убедившись, что они благополучно приближаются к берегу, дал команду, навести порядок на судне. Просвистела боцманская дудка, и гномы начали убираться на палубе. Все вещи были в страшном беспорядке, раскиданы бурей. Потребовалось пара часов напряжённой работы всего экипажа, и вот галера уже приобрела вполне праздничный вид, почти как при выходе в море несколько недель назад.

Событие девятое

Колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уже его ничем не остановишь.

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Ивашка, после того как навёл порядок у себя в каюте, встал на мостик и наблюдал за островом. Он видел, как упало несколько срубленных деревьев. Потом две маленькие фигурки на берегу стали возиться с брёвнами. Дело у них продвигалось не так быстро, как хотелось бы, и солнце уже почти утонуло в океане, когда плот, наконец, отплыл от берега и двинулся к кораблю. И уже совсем стемнело, когда приветствуемые заждавшимися их товарищами добровольцы причалили к галере.

Ивашка плохо спал этой ночью. Влажность экватора, какие-то тревожные смутные мысли. Гном никогда не заплывал так далеко на юг. Даже материк баньши и эльфов остался где-то на северо-востоке. Днём наш штурман определил координаты острова, и оказалось, что его некуда наносить на карты, те, что имелись на судне, не годилась. Ни одна из них, не показывала моря так далеко на юг. Ивашка от руки дорисовал карту на чистой бумаге и нанёс на неё островок. Остров «Бурь», так он его назвал.

Первые проблески рассвета застали всех уже на ногах. Плот, в общем, был не большой, и когда на него поставили две пустые бочки под воду, места осталось на пятерых гномов всего. Ивашка сам отобрал тех, кто поедет, конечно, взял Толстуна и эльфа. Капитан не хотел отпускать колдуна (так все называли эльфа), но штурман уговорил, ведь он клятвенно обещал высадить эльфа на землю, чтобы тот мог восстановить свои жизненные силы. А эльф и в самом деле был плох, буря казалось, окончательно подкосила его. Скелет, обтянутый кожей. Одни глаза, яркие эльфийские глаза, остались живыми.

Дождались прилива и, подгоняемые волной, поплыли к берегу.

После нескольких недель плавания, так приятно было услышать вновь шелест листьев, хор птиц, не карканье чаек и бакланов, а настоящие трели. И аромат цветов, деревьев — забытые запахи.

Пляж был из чистейшего песка, такого жёлтого цвета, прямо как солнышко и сверкал так же — больно было смотреть. За пляжем начинались пальмы, чуть дальше сосны, из них то и срубили плот, сучья и верхушки деревьев всё ещё лежали на песке, оскверняя чистоту нетронутой природы.

Ивашка отправил одного матроса искать воду, а двух лучников на добычу пропитания. Охота обещала быть удачной. Огромное количество птиц, да и песок был усеян следами копыт.

Толстун не отходил от эльфа, не зная, что предпринять, то ли охранять его и скрутить, если он попытается колдовать, то ли поддерживать, чтобы он не упал от слабости. А эльф потихоньку доковылял до сосен всё-таки, опираясь на Толстуна, и присел у ближайшей, прислонившись к ней спиной. Грудь его часто вздымалась, глаза были закрыты. Ивашка постоял, наблюдая за ним, но эльф сидел неподвижно, и скоро нашему штурману это надоело. Вложив стрелу в тетиву и поудобнее прикрепив большой нож к поясу, гном отправился на разведку. Прямо за узкой полоской сосен начинались настоящие джунгли.

Лианы переплелись между собой, покрылись цветами и пустили воздушные корни — сплошная стена. Только с помощью тесака Ивашке удалось прорубиться под деревья. Там было сумрачно. Оглушительно кричал кто-то вверху. Прыгали с дерева на дерево, визжа на ходу, маленькие длиннохвостые обезьяны. Какие-то огромные, чёрные с синим отливами птицы, следили за гномом, поворачивая голову набок, и раскрывали клювы как бы в зевке, при этом, не издавая ни звука.

Вдруг тишина упала на джунгли, и затем чудовищный рык разорвал эту тишину. Рык этот раздался так близко от Ивашки, что тот аж отлетел к стволу ближайшего дерева.

Это был дракон. Не то летающее чудовище за чьими яйцами они плыли, а морской дракон — дрон. Ивашка никогда раньше их не видел, да и не слышал почти. Гномы не заплывали так далеко на юг, где обитали эти твари. Ивашка окинул взглядом исполинскую тушу монстра. Четыре когтистые лапы, волочащийся по земле живот ярко-жёлтого цвета, длинный раздвоенный на конце хвост. Змеиная голова с четырьмя клыками, не уместяющимися в пасти. Длина от головы до хвоста метров пять.

Совершая змеиные извивающиеся движения, дрон подползал к бедному гному. Жёлтые стеклянные глаза с огромными чёрными вертикальными зрачками гипнотизировали Ивашку.

Арбалет в его руке налился невероятной тяжестью и не хотел подниматься. Ближе и ближе жёлтые глаза, всё тяжелее и тяжелее оружие и ноги уже не держат, так и норовят подогнуться. Ивашка, преодолевая тяжесть в коленях, отступил на несколько шагов, упёрся спиной в дерево. И тут что-то словно взорвалось у него в голове. Гном почувствовал у себя в голове чужого. Слово чьи-то пальцы перебрали всё его извилины, стряхивая ледяной ужас перед монстром. Чужая воля подняла руку Ивашки с арбалетом, заставила его прицелиться и спустить тетиву. Вопль раненного дракона окончательно привёл Ивашку в себя, он выбросил чужака из головы, отпрыгнул за дерево и, вставив вторую стрелу в арбалет, почти не целясь, пустил её в голову извивающегося чудовища. Рёв перешёл в визг, да такой пронзительный, что, выронив арбалет и зажав уши руками, штурман бросился прочь к берегу. Ветви трещали от удара хвоста дракона. Ивашка спиной чувствовал преследователя. И вдруг опять чужая воля подчинила его запаниковавший разум. Он вдруг понял, что бежит не в ту сторону. Как будто с высоты птичьего полёта гном увидел себя, дракона и Толстуна с эльфом, весь островок. Сориентировавшись, Ивашка быстрым темпом направился к друзьям.

Раненный ослепший дракон, бежавший видимо на звук убегающего гнома, потерял ориентир и заметался среди деревьев, натываясь на стволы и сотрясая листву своими воплями. Пробившись сквозь завесу лиан, Ивашка снова оказался среди сосен, совсем рядом с Толстуном и эльфом. Те уже спешили ему на встречу. Толстун сжимал в руке большой арбалет. Когда штурман остановился, чтобы перевести дыхание, прийти в себя, эльф подошёл и, притронувшись к Ивашкиной руке, привлёк к себе внимание.

— Дракон. Нужно взять клыки. Нужно, — Ивашка чуть не сел от изумления. Снова идти в джунгли к этому чудовищу.

— Так он живой ещё.

— Нужно взять клыки. Очень нужно, — в голосе эльфа было что-то, что заставило поверить гномов, клыки эльфу действительно очень нужны.

— Я помогаю, убиваю твой страх. Ты убиваешь дракона, — эльф уже не казался, тем умирающим существом на корабле.

— Зачем нужны клыки? — не поверил гном.

— Жезл могущества. Два клыка — один жезл. Я делаю один тебе — один мне.

— И что я буду колдуном? — опять не поверил Ивашка.

— Буду учить. Идём убивать.

— Это ты был в моей голове? — вдруг понял Ивашка.

— Я. Я буду убивать страх, — глаза эльфа сияли, синим огнём.

— Ну, что, Толстун, пойдём. Я его ослепил. Может, и вправду прикончим его.

— Да уж и ходить не надо, вон сам прётся, — действительно, рёв и визг становился всё ближе.

— Домой идёт. В море. Убить надо. — Эльф устремил свои глаза на Ивашку, и тот снова ощутил у себя в голове присутствие чужого разума.

Отступить было поздно, да и некуда — стена лиан раздалась и показалась морда дрона. Один глаз чудовища вытек, и на этом месте кровоточила большая яма. Второй помутнел, с краю из него торчала выпущенная Ивашкой стрела. Чужая воля заставила штурмана взять у Толстуна арбалет и прицелиться в то место, где раньше был глаз. Тонко пропела тетива, и пронзительный визг снова привёл Ивашку в замешательство. И только воля эльфа удержала его на месте. Перезарядив арбалет, гном выпустил вторую стрелу в голову извивающегося дракона. Она отскочила, попав видимо в одну из роговых пластин прикрывающих голову. В колчане осталась последняя стрела. И опять эльф вытеснил страх из Ивашкиного мозга. Спокойно, как на тренировке, Ивашка зарядил арбалет, прицелился с колена и попал точно в пустую глазницу. И наступила тишина. Дёрнулся в последний раз раздвоенный хвост, обсыпав гномов и эльфа горячим прибрежным песком. Дымящаяся кровь хлынула из разинутой пасти. Чужак, наконец, покинул Ивашкину голову. С каким-то плеском упал дракон на землю и затих. Первым к поверженному чудовищу подошёл эльф. Крови вылилось порядочно и из глаза и из пасти, и вокруг головы образовалась целая лужица — песок не успевал впитывать. Эльф, не касаясь её, остановился и любовно, так как какую-нибудь драгоценность, погладил один из клыков рукой.

— Выбить нужно? — поинтересовался Толстун, подошедший к колдуну.

— Нет. Силой нельзя. Должны упасть, — эльф встал перед гномами и даже руки вытянул, как бы преграждая им дорогу.

— Так, что нам здесь до смерти сидеть? — Толстун глянул на Ивашку, как бы спрашивая: «Ну, ты кашу заваривал»?

Ивашка подошёл к эльфу.

— Сколько ждать то нужно?

— Не долго. Очень быстро, — и эльф показал две свои ладошки, — столько минут.

— Десять минут? — уточнил, не поверив, Ивашка.

— Да, очень быстро.

Ивашка с Толстуном, успокоенные, решили обойти и как следует рассмотреть дрона. Что и говорить, чудовище было жуткое. Только грязно-зелёная его пупырчатая кожа чего стоила, и на спине, и на голове. Ужас. Зато Ивашке понравился коготь на большом пальце задних ног. Он был длинной с руку гнома, немного загнут и острый как игла.

— Вот бы его отрубить, — указал штурман Толстуну на коготь, — я бы его Дюшке в подарок привёз.

— Ну, так давай отрубим, — Толстун потянулся за мечом.

— Подожди, я у эльфа спрошу.

Эльф же сказал так:

— Зуб дрона идёт на изготовления жезла власти, могущества. Я сделаю один тебе, один

себе и научу тебя мудрости. — Коготь, — эльф замолчал. Ивашка почувствовал снова его присутствие у себя в голове. — Коготь — это оружие войны. Мудрый не должен быть воином. Есть исключение — это жрецы Зоо-Туна. Но это злая мудрость. Сейчас жрецы-воины поработили моё племя. Мой народ — рабы. Теперь выбирай сам.

— Я не себе хочу. Парнишка у меня есть знакомый, друг мой. Ему хочу подарить.

— Умение и удача воина переходит тому, кто отрубит коготь, — эльф вдруг отвернулся от гномов и поспешил к голове дрона.

— Пошли пора, — и увлѣк Ивашку за собой.

Подойдя к пасти чудовища, эльф взялся двумя руками за верхние клыки и потянул их на себя. На удивление гнома они легко подались и оказались у мага.

— Теперь ты, — Ивашка конечно волновался. Ещё бы неожиданно-негаданно стать волшебником.

— Быстрее надо, уходит сила, — эльф легонько подтолкнул штурмана.

Ивашка, наконец, решился, подойдя к огромной пасти, он взялся за нижние клыки. Его как будто волной холода обдало, руки задеревенели. Гном вздрогнул всем телом и хотел бросить к чертям всю эту магию. Но тут в голове его вновь оказался эльф, и опять чужая воля заставила нашего штурмана успокоиться и потянуть чудовищные зубы на себя. Он отступил на шаг, и клыки остались у него в руках, и ни какого сопротивления. Свет на несколько мгновений померк, но снова вспыхнул и Ивашка отчётливо понял, что видеть он стал лучше — больше красок, и видно гораздо дальше, даже гномы на корабле — как на ладони. И слух тоже обострился, малейшие шорохи в траве, перекачивание ветром песчинок, всё теперь слышал штурман.

Увлечѣнный навалившимися впечатлениями, Ивашка на несколько минут упустил ход событий и очнулся только когда Толстун, как следует, тресанул его за плечо.

— Эй, братан, хватит стоять, что там этот колдун болтал про силу и про когти.

И тут Ивашка понял, что не сможет отказаться от ещё одного дара.

— Умение и удача воина переходят к тому, кто отрубит коготь, — повторил слова эльфа Ивашка.

— Ну, дак пойдѣм и отрубим, — Толстун не медлил, он уже обходил тушу дракона справа.

Ивашка искал глазами эльфа. Колдун сидел на песке под деревом и резал ножом клыки. «Делает жезл власти», — догадался гном. Он подошёл к занятому своим делом магу и протянул ему свои клыки.

— Положи, надо делать быстро, пока мягкие, потом станут как камень, — эльф даже не поднял глаз.

Да, он сильно отличался от того еле живого существа, что час назад Ивашка высадил на берег. Нет, он всё ещё был худ и бледен и даже как будто стал ещё тоньше и прозрачней, но сила появилась в голосе, уверенность в движении рук. Гном положил клыки дракона к ногам эльфа и вернулся на место битвы. Толстун стоял на коленях у правой лапы чудовища и отрезал коготь ножом.

— Ну, что? — окликнул его Ивашка.

И тут как будто искра пробежала от дрона к моряку. Толстун вскрикнул и встал, держа в руке отрезанный коготь. Тут и штурман решился. Он вытащил свой меч и, подойдя к левой задней ноге дракона, что есть силы, рубанул по основанию когтя. Однако коготь не подался, лишь маленькая зарубка осталась. Ругаясь Ивашка ещё и ещё рубил мечом. Но вот его словнс

пронзили, такая была боль, согнувшись, он, упал к лапе, инстинктивно схватившись за отрубленный коготь.

Не известно, сколько прошло времени. Ивашка пришёл, наконец, в себя, сел на песке, голова кружилась, как от голода. Левая рука горела. Гном взглянул на неё. В руке был зажат коготь дрона. Тут Ивашка всё отчётливо вспомнил, о клыках, об эльфе, о когтях, Толстуне. Попробовал подняться, сначала ноги не слушались, просто подкашивались. Тогда штурман использовал коготь и меч в качестве костылей. С трудом доковылял до ближайшего дерева, опёрся об него. Вот тогда и проявилось одно из приобретённых им магических умений. Сам не осознавая как, Ивашка стал впитывать энергию из дерева, с чем это можно было сравнить — будто в жаркий день, измученный жаждой путник увидел вдруг родник с чистой холодной водой и приник к нему. Сила и прохлада вливались в гнома. Прошло головокружение, выпрямились ноги, силой налились все мышцы.

— Ужас, во что я превратился? — аж отпрянул от дерева Ивашка.

Вдруг до его обострённого теперь слуха донёсся слабый стон.

— Толстун! — окликнул штурман своего друга.

И опять только стон, правда, чуть погромче, Ивашка попробовал сделать шаг, ноги уже снова слушались своего хозяина, тогда он обежал тушу дракона и увидел Толстуна. Гном лежал, раскинув руки. В одной был большой нож в другой коготь дрона.

— Нужно отнести его к дереву, — вслух подумал Ивашка.

— Не поможет. Он не обладает волшебными свойствами, которые вселились в тебя, когда ты забрал себе клыки дрона. Он будет болеть три дня, а затем очнётся и станет великим воином, — рядом оказался эльф.

В его руках были два вырезанных жезла.

— Этот твой, — он протянул один гному.

Надо сказать, что магический жезл Ивашка представлял себе немного иначе. Красивая резьба, сложный узор, серебряный набалдашник. Нет, ничего этого не было. Были два тоненьких стерженька соединённых какой-то травинкой и обмазанных в месте соединения смолой дерева или чем-то похожим.

— Скоро совсем высохнут, и будет как один, — угадав мысли штурмана, успокоил его эльф.

— Тоненький какой, наверно, не прочный, — с сомнением всё-таки вертел хрупкий предмет в руках гном.

— Он будет рушить скалы, и ломать самые прочные эльфийские клинки.

— Клинки?

— Высохнет и надо учиться, — эльф загадочно улыбнулся, — учиться магии, учиться не бояться, учиться верить в себя.

Все эти чудеса, драконы, жезлы и когти так вдруг опротивели Ивашке, что он махнул рукой на разошедшегося мага, и пошёл к берегу. По дороге он вспомнил, что приплыл на остров с командой из пяти гномов, чтобы набрать пресной воды и запастись мясом для экипажа галеры. Двое матросов как раз появились из леса, катя перед собой бочку. Ивашка поспешил к ним на помощь. Втроем они закатали бочку на плот.

— А что с мясом, — поинтересовался один из матросов.

И тут опять проявились чудесные способности, приобретённые штурманом. Он хотел, было ответить, что дичи нет, но вдруг как бы почувствовал, что мясо дрона несмотря на ужасный внешний вид его хозяина очень нежное и вкусное. Настоящий деликатес.

— Убили мы с Толстуном одно чудовище, в нём не менее тонны мяса, надо только разделить его и перенести на плот.

Матросы с опаской подошли к поверженному чудовищу. Ивашке даже для примера пришлось подойти и ткнуть мечом в огромную тушу. Топориками и мечами втроём они несколько часов занимались разделкой дракона, обдирали толстую, будто камень прочную шкуру, рубили мясо на куски. Штурман отбил себе несколько пластин с головы и спины дракона. Своим шестым чувством он понял, что надо это сделать, что пластины пойдут на изготовление кольчуги, и эта кольчуга не раз в будущем сохранит ему жизнь.

Событие десятое

Поистине красива туча, сулящая бешеный шторм, но лучше любоваться ею с твёрдой земли.

Мария Семенова, из книги «С викингами на Свальбард»

Вечер уже отбросил от деревьев длинные сиреневые тени, и надо было спешить, чтобы воспользоваться отливом. Позвали на помощь эльфа, который всё это время занимался жезлами, и вчетвером перенесли на плот заготовленное мясо и всё ещё бесчувственного Толстуна.

Отлив быстро пригнал перегруженный плот к кораблю, но пока разгрузили его, совсем стемнело, и Ивашка так устал за этот длинный, просто бесконечный день, что, перемолвившись с капитаном парой слов, свалился к себе на койку и тут же заснул. Снились кошмары, драконы, изрыгающие пламя, колдуны, дерущиеся жезлами, как мечами, почему-то горящие корабли и совсем уже непонятно — русалки верхом на драконах, воюющие с гоблинами. Когда, наконец, Ивашка выбрался из липкого объятия кошмара, то голова была тяжёлой, хотелось пить и не хотелось никого видеть.

По палубе уже бегали матросы, раздавались перестукивания топоров и молотков — шёл ремонт судна. В дверь постучали.

— Ну что там? — нашёл в себе силы отозваться Ивашка.

В дверях стояли кок и эльф.

— Вот он говорит, — кок ткнул пальцем в колдуна, — что принёс вам какой-то целебный отвар или настой. Якобы он вам просто необходим.

— Пусть зайдёт, — Ивашка с трудом встал с кровати и, путаясь в штанинах и рукавах, стал натягивать комбинезон. Из кружки, которую ему подсунул эльф, отвратительно пахло, даже можно сказать воняло.

— И почему все лекарства вонючие и горькие? — сделав несколько глотков, поинтересовался у мага Ивашка.

— Чтобы болезнь испугалась и ушла, — не задумываясь, ответил эльф. И непонятно было то ли это шутка, то ли горькая, правда.

Уже делая последний глоток, наш штурман почувствовал, что лекарство действует, просветлела голова, перестали путаться мысли, вялые больные мышцы налились силой. Между тем эльф вытащил из складок своей одежды жезл и протянул его Ивашке.

— Я вырезал на нём резьбу, несколько украсил, владей. Сегодня начнём учиться магии. Вечером будь готов, — маг поклонился и вышел.

Ивашка взглянул на жезл и чуть не подпрыгнул — по матовой белой поверхности шли буквы или знаки — точь в точь, такие как на серебряных табличках.

Первым побуждением нашего гнома было броситься за эльфом и разузнать про буквы и таблички. Но тут дало о себе знать обретенное им могущество. Каким-то шестым или седьмым чувством Ивашка почувствовал, что этого делать не стоит. Таблички не та тайна, которой нужно делиться. Вместо этого штурман степенно вышел на палубу. Болезни, слабости как не бывало. Всё тело было налито силой, а мысли ясные. Новым своим зрением

Ивашка оглядел остров. Вокруг убитого дракона пировали чайки и альбатросы, разрывая сильными алыми клювами остатки мяса. Отвернувшись от неприятного зрелища, штурман оглядел горизонт — ни облачка.

Остаток дня пролетел в хлопотах по ремонту судна. Пилили на берегу деревья на доски. Основательно заделывали щель, строили новую шлюпку.

Утром очнулся Толстун. Эльф дал и ему горького отвара. Без Толстуна лодку, может, и не доделали бы. Плотника смыло за борт, а замены ему не было.

Ивашка весь день помогал своему другу. Шлюпка получилась что надо. Правда, немного тяжеловата из-за того, что пришлось брать сырую не высушенную древесину. Приделали небольшую мачту, прикрепили к ней парус. Погода стояла отличная.

— Прокатимся вокруг острова, — предложил Ивашка.

— Нет проблем, — наши друзья оттолкнули судёнышко от берега и взяли курс на запад к дальней оконечности острова.

Ну, и тут, конечно, погода испортилась. Задул ветер. Да все сильнее и сильнее. Чёрная туча, появившаяся вдруг на горизонте, устремилась на полной скорости к острову.

Шлюпка рывками удалялась от острова.

— Может, вернёмся, только вот снимем гномов с плота, а то этот шквал их потопит. — Ивашка уже менял курс.

Плот с двумя гномами был на полпути между островом и отошедшими от берега из-за отлива кораблём. Пока подошли к нему, пока пересаживались, переносили бочки с водой и фруктами, собранными на острове, в лодку, туча заняла полнеба. Вода буквально кипела в бухте.

— До корабля не добраться, — прикинул, не потерявший хладнокровия, Ивашка.

— Ветер встречный, давай к берегу.

— Ну, до берега теперь тоже не успеть — усомнился один матрос.

— Хоть в бухту внутреннюю зайдём, поворачивай, — и Ивашка первый устремился к парусу.

Они сидели, прижавшись, друг к другу, наблюдая, как туча приближается во всем своём мрачном великолепии. Она уже застила солнце. Ясный голубой купол неба постепенно превращался в низкую серую крышу клубящейся тучи.

Гномы спасались от неё бегством, преодолев проход и вырвавшись в спокойные воды внутреннего залива. Все они сидели, обернувшись в сторону преследовавшей их бури, и их сердца переполнял ужас беспомощности перед лицом безжалостной стихии.

Фронт облаков уже проплыл у гномов над головами, когда они вошли в бухточку. Мир вокруг превратился в сплошные сумерки, застывшие перед яростной атакой стихии. Туча несла с собой холодный сырой воздух. Когда он достиг беглецов, они задрожали от резкого падения температуры. Наполняя воздух смесью морской пены и песка, на них с оглушительным воем налетел ветер.

Все бросились в воду и последние метры до берега преодолевали, борясь с откатывающейся волной. Прямо у берега начиналась пальмовая роща. Ивашка с остальными устремились туда, но если он надеялся найти там укрытие, то глубоко ошибся. Открытое пространство доставляло массу неудобств, но здесь в роще, гномов подстерегала смертельная опасность. Пальмы будто в безумии раскачивались под мощными порывами ветра, наполняя воздух оглушительным рёвом, который сводил с ума.

Высокие стройные стволы пальм хлестали со свистом, словно кнуты, ветер безжалостно

отламывал листья, разбрасывая их по песку. Они летали по пляжу, будто огромные уродливые птицы. Из-под раскачивающихся пальмовых ветвей-листьев срывались с высоты пятнадцати метров гроздь твёрдых, как гранит, орехов. Они были не меньше ядра и не уступали ему по убойной силе. Один орех стукнулся о землю возле тропы, по которой бежали гномы и, отскочив, ударил Толстуна по ноге. Удар был не очень сильным, но и его оказалось достаточно, чтобы сбить его с ног. Толстун упал на песок, будто куропатка, подстреленная из пращи. Когда он поднялся на ноги, то смог передвигаться лишь прихрамывая. Однако ему удалось побороть себя, и он побежал дальше сквозь смертельный град кокосов.

Вдруг ветер подул с особенно дикой силой. Он завывал на высокой пронзительной ноте, несясь по верхушкам деревьев подобно вырвавшемуся на волю зверю. Ветер метнул на моряков новую песчаную завесу. Ивашка бросил взгляд вперёд и увидел, как начала валиться первая пальма.

Сначала она устало наклонилась, будто лишившись сил сопротивляться порывам ветра, а затем земля вокруг неё вздыбилась, обнажая вырванные из песчаной почвы корни. Падая, дерево набрало скорость, раскачиваясь из стороны в сторону; оно падало, как топор палача. Толстун, бежавший в пяти метрах впереди Ивашки, уже начав взбираться на холм. Его лицо было опущено вниз, словно он наблюдал свой собственный бег, а руки прижаты к голове. Он бежал прямо навстречу падающему дереву и казался крохотным и хрупким под готовым обрушиться на него стволом пальмы. Один удар этого циклопа убил бы его на месте.

Ивашка закричал ему, но хотя Толстун и был близко, крик штурмана не услышал. Рёв ветра заглушал все чувства. Длинный ствол падал все ниже, и Толстун был уже на его пути. Ивашка кинулся вперёд. Он понимал, что не успеет вовремя догнать друга. Поэтому он сделал рывок вперёд и, падая, протянул правую руку, хотел ударить Толстуна по ноге, чтобы остановить его. Оба они упали на песок. Гномы лежали, распластавшись на песке, когда пальма, наконец, рухнула. Грохот падения на мгновение заглушил даже завывания ветра. От удара дрогнула земля, Ивашка приподнял друга, а затем перетащил его через ствол лежащий поперёк тропы.

По обеим сторонам тропы было слышно, как с грохотом рушатся все новые и новые деревья, но Ивашка старался смотреть только вперёд, чтобы их падение не заставало его врасплох. В это время ещё один крупный сорвавшийся с ветки кокос ударил гнома по виску. На мгновение он потерял сознание, но затем, качаясь, двинулся дальше, почти ничего не видя перед собой, среди чудовищных гильотин, падающих пальм.

Почти бессознательно Ивашка достиг вершины холма. Он не ожидал, что ветер со всей мощью начнёт толкать его в спину. Шквал швырнул штурмана вперёд. Земля ушла у него из-под ног, и он перелетел через гребень. Ноги не слушались Ивашку, и он покатился вниз по склону. Во время этого странного спуска Ивашка догнал Толстуна, налетев на него сзади. Толстун упал на штурмана, и они вдвоём покатались вниз по склону. Наверху оказывался то Ивашка, то Толстун восседал у него между лопаток. Когда, наконец, гномы достигли дна седловины, скатившись вниз по крутому склону, то лежали там побитые до синяков, не в силах пошевелиться. Ивашка расслышал, что говорит Толстун. Склон защищал их от прямых атак ветра. Не было ни капли сомнения в том, что Толстун принял нападения Ивашки за нарочно подстроенную атаку, и это привело его в ярость. Он без стеснения высказал все, что думает об Ивашкиных родителях, характере и воспитании. Даже в столь жалком положении, его гнев показался штурману ужасно комичным, и он рассмеялся. Толстун продолжал

выговаривать ещё что-то, вдруг остановился и тоже улыбнулся, а потом захохотал во все гола. Гномы, только что избежали смертельную опасность, и теперь наступила нервная разрядка.

Ветер завывал у них над головами с треском, и грохотом рушились пальмы, а Ивашка и Толстун сидели, потирая свои синяки и шишки, и хохотали. Таковы уж гномы.

Потребовалось несколько минут, пока наши друзья успокоились и смогли оглядеться. Спину им прикрывал песчаный холм, и сразу у его подножия, там, где сидели Ивашка с Толстуном, начиналась каменистая гряда, пологий подъем заканчивался скальным выступом в виде почти идеальной пирамиды.

— Смотри там вроде пещеры, что-то темнеет. — Ивашка посмотрел в указанном другом направлении и действительно увидел вход в пещеру. Ему даже показалось, что прямо у них под ногами начиналась еле заметная тропинка, которая, петляя между валунами, вела прямо к входу в едва различимый горный туннель.

А ветер продолжал выть у них над головой, посылая им на головы, песок в таких количествах, что наши бедняги уже наполовину были засыпаны им.

— Где матросы? — штурман ещё раз внимательно огляделся вокруг и даже покричал, сложив ладони рупором. Матросов не было. Тут ветер швырнул гномам на головы целую лавину песка.

— Бежим к пещере! — Отплёвываясь и протирая запорошённые глаза, предложил Толстун.

— Бежим! — И они припустили по тропе петляющей среди валунов. Ветер толкал их в спину, как бы подгоняя. Вдруг тропа оборвалась, перед ними был огромный валун. Справа скала и с той стороны обойти камень было невозможно.

— Давай влево! — В самое ухо Толстуну крикнул Ивашка, тот закивал головой, что понял, и хотел, было обойти преграду, да не тут то было. Склон в этом месте был довольно крутой, и весь усеян мелкой острой галькой, целыми ручьями устремлявшейся вниз при малейшем прикосновении.

— Не получится, — так же в ухо другу прокричал еле вырвавшийся из этой осыпи Толстун. И осмотрев валун, добавил — давай перелезем. Помогая, друг другу, цепляясь за выщербленный камень, гномы полезли наверх. Ветер дул прямо в спину не давая, свалится назад, и все равно подъем был слишком крутой. Только вновь обретенное искусство воина позволило гномам добраться до вершины, а оттуда порыв ветра просто скатил их, как мячики. К их счастью буря накидала к подножию камня обломанные листья пальм и других деревьев, и когда наши герои выкарабкались из этой груды мусора, они все ещё были живы, и если не считать множества царапин и синяков — целы.

— Теперь куда? — вопросительно завертел головой Толстун. И, правда, пещеры отсюда видно не было, а тропы по эту сторону валуна не оказалось.

— По-моему, нужно чуть спуститься и ещё чуть пройти вон до того уступа, — Ивашка включил свою интуицию.

Скользя по осыпающемуся гравию гномы, преодолели ещё несколько метров и, наконец, увидели перед собой вход в пещеру. Ивашка даже усомнился — его ли они видели от подножия песчаного холма. Дыра была небольшой. Разве что гном или тролль могли в неё пролезть.

Осторожно на коленях, обрывая одежду о выступы острых камней, Ивашка с Толстуном протиснулись в тёмное, пахнущее пылью и тленью отверстие. Однако дальше ход

расширялся, и вскоре начинающие спелеологи уже могли встать во весь рост. Ход довольно круто уходил вниз. Стало совсем темно, последние лучи света запутались в паутине, затянувшей казалось всю пещеру. Она липла к лицу, набивалась в нос и рот. А тут ещё всполошились летучие мыши, разбуженные непрошенными гостями. В общем — то, гномы привыкли к пещерам, пещеры были частью их прошлого. И в темноте они неплохо видели, а тут у Ивашки ещё после битвы с дроном все чувства обострились, но впереди была липкая тьма, и не помогали не гномские глаза, ни магия.

— Может, не пойдём дальше, — прошептал в ухо Ивашке Толстун. Ему казалось, что даже говорить громко здесь не прилично.

— Тебе, что не интересно, что там дальше.

— Дак, все равно темно, ещё шеи переломаем.

— Я почему-то чувствую, что надо идти вперёд. — Ивашка только когда произнёс эти слова, полностью осознал, что его действительно тянет дальше, как будто он кусочек железа, а впереди магнит.

— Может, факел сделаем? — Толстун уже начал шарить по карманам в поисках чего-нибудь подходящего для изготовления факела.

— Нужна тряпка и палка, хоть не большая, — Ивашка тоже полез по своим многочисленным карманам. — Ивашка зажги-ка спички, я чувствую под ногами, вроде, палки какие-то лежат.

Слабо чиркнул огонёк, и неуверенный тусклый свет на секунду озарил пещеру. Однако нашим друзья и этой слабой вспышки было достаточно, чтобы увидеть, что они стоят на костях, а не на палках.

— Вот так попали, — гномы прижались друг к другу.

— Толстун, — тоже перешёл на шёпот штурман, — понимаешь, я шестым чувством знаю — нам надо идти вперёд, там нас ждёт что-то важное.

— А ты видел, чьи кости под ногами?

— Да нет, не успел.

— Это тролли, я их черепа ни с чем не спутаю

— Но ведь они давно умерли, может сотни лет назад, — Ивашке и самому не очень нравилось соседство троллей, — пусть даже мёртвых.

Надо что-то делать. И штурман решил, он чиркнул ещё одну спичку, в её свете выбрал на полу пещеры длинную берцовую кость и поднял её, кость была лёгкая и гладкая на ощупь — как отполированное дерево. Ивашка намотал поплотнее на конец кости оба носовых платка. Сухая тряпка сразу занялась, едва спичку поднесли. Летучие мыши опять брызнули с потолка, пища от возмущения. Гномы огляделись. Они находились как бы в коридоре. Стены были обтёсаны. Потолок укреплён вырубленными из камня колоннами. Тут явно потрудились, чьи — то руки. Только не гномов. Гномы так не строят. Мрачно больно.

Пол был завален костями. Они с хрустом рассыпались под ногами, и идти по ним было жутко. Ивашка с Толстуном медленно продвигались вперёд, стараясь хоть на черепа не наступать. Сгнившая одежда шелестела на полу под ногами, словно опавшие листья. Ход спускался вниз, все круче и круче. Вскоре даже ступени появились. Грубые, высеченные не очень умелыми руками. И кости кончились. Друзья немного приободрились. Не очень-то приятно в неровном свете факела идти по тролльским останкам. Ступени вдруг кончились и гномы оказались в большом зале. Свет не доходил ни до противоположной стены, ни до потолка. Тут Ивашка заметил, что справа от него в стену вделан факел и, хотя прошло,

наверное, немало лет с тех пор как его зажигали в последний раз, едва штурман поднёс свой, уже почти сгоревшие тряпочки еле тлели, как древний факел вспыхнул ярким светом, разгоняя тьму. Видно чем-то пропитан был.

Наши друзья осмотрелись. Центр залы поднимался вверх, образуя что-то вроде пирамиды, и наверх вели ступени. Что-то прямо подтолкнуло Ивашку туда. Он даже оглянулся в испуге. Но нет, они были одни. Даже летучих мышей не видно. Факел мягко вынулся из гнезда, и Ивашка, чувствуя за спиной, успокаивающее пыхтение Толстуна начал подниматься. Ступени были не сильно-то удобные. Явно не для маленьких гномьх ножек. Приходилось буквально карабкаться на них. Вот и последняя ступенька. Факел выхватил из темноты какую-то фигуру сверкающую серебром. Гномы чуть вниз не полетели от неожиданности. Но фигура стояла неподвижно, и Ивашка осмелев, вытянул руку с факелом.

Событие одиннадцатое

*Жизнь и сновидения — страницы одной и той же книги.
Артур Шопенгауэр*

Это был тролль.

Только не живой, а отлитый из металла. И вместо глаз у него сверкали рубины, наверное. В общем, красные камни. Но отлит он был мастерски, прямо как живой. А может, и не отлит вовсе, а превращён в металл с помощью колдовства. Вот заденешь его, он оживёт и бросится на тебя.

В одной руке тролля был меч. Тонкий такой и длинный, с каким-то узором прямо на клинке. Рукоятка, наполовину спрятанная в руке тролля, сверкала драгоценными камнями и очевидно была золотой. В другой руке...? Не может быть. В другой руке тролль держал серебряную пластинку и, хотя стоя лицом к троллю на узкой верхней площадке Ивашка и не видел, что на ней написано, но тут же понял — это точно такая же пластинка. Четвертая уже. Толстун тронул рукой тролля. Ивашка весь напрягся. А вдруг правда оживёт. Нет. Тролль стоял устойчиво. Тут и Ивашка осмелел, погладил рукой клинок, стукнул ногтём по лезвию. И зазвенел меч, тонко так — хорошей сталью.

— Факел гаснет, догорает, — шёпотом напомнил Толстун. Ивашка сразу стал оглядываться, ища что — ни будь, что можно поджечь.

— Смотри под ногами тролля светильник или чаша какая-то, — но Ивашка и сам уже заметил. Он поднёс догорающий факел к фитильку, торчащему из чаши, и тот занялся голубоватым светом. Не очень яркий, но все же свет. Факел словно ждал этого, мигнул пару раз, и только тонкая струйка дыма осталась. Светильник только тролля и освещал.

— Что делать — то будем? — Ивашка тоже шёпотом спросил, да и не поворачивался язык кричать в этой пещере.

— Буря сильная, до утра не успокоится. Может, спать ляжем? — Толстун не менялся. Ни драконы его не брали, ни толи.

— Меч у него замечательный, вот бы его себе забрать — мечтательно вздохнул штурман.

— Да, я тоже думал, — Толстун уже было улёгшийся у ног тролля, встал и словно не у страшной металлической статуи, а у обычного живого приятеля своего взялся за меч и стал вынимать его из рук тролля.

— Не пускает, зараза, — наконец прохрипел он, — крепко держит.

— А пластинку попробуй, — Ивашка, честно говоря, не надеялся.

— Нет, и пластинку не отдаёт. Тролли они и железные все одно жадные, — Толстун снова лёг и через минуту Ивашка уже услышал его мерное посапывание.

Вскоре и наш штурман во тьму провалился. Сон сморил. Только ли сон? Может это колдовство, какое? Увидел Ивашка вдруг себя в одеждах мага. С плащом черным и звёздами на нем, а рядом другого волшебника, только не гнома, а эльфа. И разговаривают они будто на незнакомом языке, а все понимает Ивашка. Говорит ему будто бы эльф, что бы он надавил железному троллю на его красные глаза. И сразу исчез. А тролль вдруг ожил и начал

хочотать. И мечом махать, И все ближе и ближе меч, а Ивашке и защищаться нечем. Страх обдал штурмана волной холода. Проснулся Ивашка и долго в себя прийти не мог. А холод не отпускает. Толстун вдруг тоже проснулся, аж подпрыгнул, чуть со ступенек не упал.

— Ивашка, какой жуткий сон мне сейчас снился. Будто мы с этим железным троллем сражаемся, а он нас побеждает. — Толстун даже отодвинулся от тролля.

— Дак и мне такой же точно приснился и будто бы я перед этим ему на глаза надавил.

— Слушай, может, уже кончился шторм, пойдём отсюда, — Толстун потянул друга вниз.

— Подожди, давай попробуем меч и табличку вытащить ещё раз. — Ивашка сам потянулся за табличкой, но пальцы тролля крепко держали.

Тогда Ивашка взял коготь дрона и попробовал им ударить по руке. Он всю силу вложил в этот удар. Статуя покачнулась даже, но ни меча, ни таблички не выпустила. И тут Толстун набрался храбрости и надавил троллю на глаза.

Фитиль до этого тускло мерцавший вспыхнул вдруг ярким светом. Глаза тролля сверкнули, и он ожил. Прямо как во сне. Повернулся к Толстуну и занёс для удара меч. Однако гномы предупреждённые сном не испугались. Тролль оказался спиной к Ивашке, и тот не медля ни секунды, ударил его по занесённой руке когтем дракона. И Толстун успел отреагировать. Он двумя руками ухватился за табличку в руке у тролля и дёрнул её на себя. Металлическое чудовище дрогнуло всем корпусом и, покачнувшись, рухнуло вниз, катясь по лестнице со страшным грохотом. Летучие мыши, разбуженные и встревоженные ярким светом, устроили такой шум, хлопаньем крыльев и писком, что перекрыли даже шум падающего тролля. Наши друзья, оглушённые всем этим писком, грохотом и хлопаньем долго не могли прийти в себя. Тролль, докатившись до последней ступеньки, снова встал на ноги и полез вверх, к своим обидчикам, казалось, он ничуть не пострадал. Вот тут Ивашка по-настоящему испугался. Остолбенел.

— Смотри, он выронил меч и табличку, — толкнул друга Толстун.

И в самом деле, тролль лез по ступенькам с пустыми руками, и только яростным красным светом сверкали его глаза. Когда голова железного воина поравнялась с верхней ступенькой, гномы одновременно ударили по ней когтями дрона...

И видно одно колдовство победило другое. Рассыпался в пыль тролль, стал снова тусклым огонёк светильника, и только красные камни продолжали гореть в сумраке пещеры.

— Пошли быстрее отсюда, — потянул друга за руку Ивашка, — а то набегут ещё несколько таких монстров.

— Да уж пора выбираться, — и Толстун тоже заспешил вниз.

У подножия ступенек, среди горки пыли, они подобрали табличку, меч и, не удержавшись, взяли каждый по одному красному камню. Ощупью в темноте добрались они до выхода из пещеры. На небе искорками переливались звезды, ни облачка. Лёгкий бриз нёс запах моря, тропических деревьев.

— Ночь? — почти одновременно произнесли гномы.

— Что-то я не пойму, Ивашка, это сколько же мы были в пещере? Несколько часов или больше суток. — Толстун задал этот вопрос первым.

— Судя по тому, как мне хочется есть, даже больше, чем сутки, — тут же сам себе и ответил он.

— Придётся, наверное, утра здесь дожидаться, — решил Ивашка, — помнишь, как мы сюда добрались, ночью и дороги то не найти, ещё свалимся с обрыва, или заблудимся, там

столько деревьев навалило.

Пристроившись спиной к скале, моряки в полумраке дождались рассвета. Как и везде в тропиках день начался почти сразу, вроде только что было темно и вот уже ярко светит солнце, поют птицы, жужжат пчелы. Обратная дорога к морю не заняла много времени, а сквозь поредевший лес хорошо было видно море. Ивашка шёл впереди и первым заметил корабль. Обрадованные, что галера цела, гномы пробрались сквозь последние заросли лиан и очутились на берегу. Оказались, что шторм пощадил и их лодочку. Мачта, правда, была сломана, а сама лодка наполовину занесена песком и водорослями. Целый час понадобился Ивашке, чтобы выгрести из лодки всю эту грязь и подтащить её в воде. Толстун в это время вырубил в лесу новую мачту. И вот уже подгоняемые отливом они плыли к кораблю.

— Да где же вы были все это время? — набросились на друзей капитан. — Мы вас уже и ждать перестали, хотели вот с отливом отплывать. Вчера весь день остров обшаривали. Матросов убитых нашли, деревьями раздавлены, а вас нет нигде.

— Да мы в одной пещере бури переждали, и видно заснули, — Ивашка и сам понимал, что это оправдание звучит странно.

Капитан только рукой махнул: «Ври, мол».

— Нет, правда, проснулись — ночь. Боялись заблудиться, сидели утра ждали, — Толстун даже изобразил, как они сидели у пещеры и ждали рассвета.

— Да, ладно. Живы и хорошо, а то я отчаялся. Заплыли черте куда. И ни штурмана, ни боцмана, ни плотника, вообще из команды многие погибли.

— Эльф — то цел? — заволновался Ивашка.

— Цел твой эльф, да вон он на своём месте, — ткнул капитан рукой в сторону гребцов

— Так, что отходим? — сразу успокоился штурман.

— И чем быстрее, тем лучше, далековато забрались, пора домой. Ветер, правда, с севера, придётся на вёслах идти, — и уже обращаясь к Ивашке как к своему помощнику.

— Штурман, с якоря сниматься, курс северо-восток, — и подмигнул, — Ну раз выспались, покомандуй пока, а я пойду вздремну, а то с этой бурей и поиском, двое суток не спал.

Три дня шли навстречу ветру на вёслах, из-за малочисленности команды за весла по очереди садились все. Ивашка и сам не один час провёл, выгребая против ветра. Только на утро четвёртого дня ветер стал меняться, задул с запада, можно сказать, почти попутный, поставили паруса и дали совсем выбившимся из сил гребцам отдохнуть.

Эльф тут же предложил Ивашке начать уроки магии. Запершись в каюте, чтобы никто не мешал, колдун начал издалека.

— Нужно для начала развить свои силы. А для этого нужно освоить четыре великих правила магии, которые составляют стороны колдовской пирамиды. Четыре правила — это четыре краеугольных камня магии, от которых поднимается таинственное сооружение искусства колдовства. Каждое правило в отдельности не магическое, и только применение всех четырёх вместе даёт магический эффект. Четыре краеугольных правила колдовской пирамиды следующие: сильное злобное воображение, огненная воля, непоколебимая вера и соблюдение тайны. Нужно всячески развивать воображение, чем сильнее и ярче будет ваша фантазия, тем сильнее эффект от ваших чар. Чем более сильная эмоция, тем выше шансы на успех.

Вторая сторона колдовской пирамиды — сила, так называемая «воля». Почти, само собой разумеется, что развитие сильной воли — одна из главных целей, практикующихся в

колдовстве. Воля — это требование магии. Вы должны воспитать свою волю: «Если сразу не получится, попробуйте, попробуйте, попробуйте снова, настойчивость приносит успех». Что бы покорить мир, нужно покорить свою волю, кроме того, вы должны точно знать чего вы хотите, сузить ваше внимание и быть уверенным в себе. Любое заклинание должно заканчиваться словами «Такова моя воля, да будет так».

Третья сторона колдовской пирамиды. На ней сверкающими золотыми буквами начертано слово: «Вера». Вся магическая сила в огромной степени зависит от веры. Любое сомнение подтачивает силы. Вы должны поверить в неизбежность успеха. Кроме того, окружающие должны поверить в вас. И поэтому никогда не нарушайте своего слова. Если колдун сказал — его слово закон.

Секретность это четвертая сторона пирамиды. Колдовство — это сила. А сила, разделённая с кем-то, это потерянная сила. Нужно покрыть завесой секретности все ваши действия. Окружающие должны не понимать вас и значит бояться. Это уже половина успеха. И вы должны помнить — четыре великих правила магии — это ключи ко всем практическим действиям в лице невидимого.

Ивашка от всего этого чуть не заснул.

— Может не надо, — прервал он разошедшегося волшебника — что-то расхотелось мне быть магом.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься. Да, магия это наука и её надо тщательно изучать. Нельзя проснуться утром, и стать вдруг магом, нужны месяцы и годы учения. Но зато постепенно становишься все могущественнее и могущественнее. Силы природы подчиняются тебе! Демоны всех стихий служат тебе! Будущее открыто перед тобой.

— Хорошо, хорошо, — Ивашка замахал руками на возбуждённого эльфа.

— Слушай внимательно, гном по прозвищу Ивашка. У любого мага должно быть свое секретное колдовское имя. Ты не должен называть его ни кому. Может быть только своему учителю. Если его узнают враги — ты погиб. Я маг оловянного жезла в степени магистр нарекаю тебя, брат мой, именем «Вандермаст».

— Теперь слушай, брат Вандермаст! У гномов сложилось неверное представление о магах. Мы далеко не всемогущи. И мы не можем работать без набора магических предметов. Нужен магический жезл. Его я сделал. Нужны восемь подсвечников. Нужна чаша-кадильница. Нужны два ножа, с белой и чёрной ручкой. Нужен волшебный шнур. Нужен магический кристалл. Нужны палочки для гадания. И нужна масса всяких порошков из сотен трав и деревьев. И нужно научиться собирать эти травы. А самое главное надо выучить и постоянно повторять, чтобы не забыть сотни заклинаний. Можно записать их в свою магическую книгу, но не всегда книга бывает под рукой и поэтому все-таки надо заучивать их наизусть. Поэтому повторяю тебе брат Вандермаст — магия это наука и здесь нельзя пропускать ни одного урока, — слишком велики силы, которые ты вызываешь.

— Ладно, согласился Ивашка, сумевший, наконец, вставить слово, — А с чего мы начнём?

— Прежде всего, нужно выучить несколько самых простых заклинаний, Изготовить или просто освятить те приспособления, о которых я говорил. Давай начнём с гадальных палочек. Попробуем предсказать будущее. Нужны четыре палочки длиной с палец. С одной стороны нужны, нарисовать в центре одну точку, а с другой две.

— Хорошо, пойду, загляну к плотнику, посмотрю, есть ли там, что ни будь подходящее. Выглянув из каюты, Ивашка был неприятно удивлён. Все эти разговоры о колдовстве заняли

половину дня, вроде только, что было утро, а сейчас солнце уже перевалило за полдень.

Скоро его вахта. Быстро спустился Ивашка туда, где обитал плотник и нашёл рейку, которую если разрезать на четыре части, как раз и получится четыре палочки. Тут же ножовкой Ивашка распилит её и отнёс эльфу.

— Слушай, там уже солнце садится, мне нужно на мостик, сейчас моя вахта, ты уж сам точки нарисуй.

Ветер надувал паруса. Гребцы отдыхали. Стайки летучих рыб устроили соревнование на дальность прыжка. Тут же появились альбатросы и устроили охоту на летучих рыбок. Целая бригада мелких акул увязалась за галерой в надежде на добычу. Ну и гномы, конечно, сразу же решили порыбачить. Ато вы не знаете гномов. Трое матросов забросали удочки с наживкой из мяса дрона. Ух, как закипела вода. Однако попало лишь одна акула, остальные оказались удачливее и, стащив наживку, остались в своей стихии. Попалась же огромная рыба-молот. На мгновение её уродливая тупая морда показалась над водой, но тут же леска дёрнулась так, что матрос чуть не упустил удилице, и рыба стала уходить вглубь. Леска разматывалась с такой скоростью, что можно было подумать, что от неё сейчас пойдёт дым. Это длилось столько, что Ивашка уже было, подумал «Не хватит лески», но вдруг катушка перестала разматываться. Сейчас рыба поплывёт назад в надежде соскочить с крючка.

— Сматывай леску, — кричали рыбаку со всех сторон, а Толстун чуть не вырвал у бедняги удочку. Пот градом катился с матроса, но видно велико было его желание самому вытащить рыбину.

Рыбак ещё крепче схватился за удилице одной рукой, а второй бешено крутил катушку, сматывая леску. И тут леска снова натянулась, аж зазвенела как струна.

На этот раз акула решила схитрить, она поднырнула под корабль и устремилась прочь в открытое море. Леска оказалась под килем и могла легко перетереться о ракушки, облепившие дно галеры. И тут Толстун все-таки выхватил удилице у незадачливого рыбака, вклепив тому затрещину:

— Да ты не гном, а гоблин какой-то — рыба тебя перехитрила, нужно стравить леску и через нос перейти на другой борт, — Толстун тут же выполнил задуманное и почувствовал, что рыба устала, стал тихонько подтягивать её к галере. Акула казалось, смирилась с неизбежной участью. Все больше лески наматывалось на катушку, все реже сопротивлялась рыба. Но не тут-то было, когда до корабля оставалось не более десяти метров, последовал новый взрыв. И акула снова рванулась в глубину, натягивая леску, так что ветер свистел вокруг неё.

— Ну и хитрюга, — похвалил рыбу Ивашка, тоже спустивший на палубу.

— Да, сильна, словно морской змей. Метров семь, наверное, в длину, — Толстун тоже взмок уже, но уж он-то удочку никому не отдаст.

Ещё два удавалось подтащить рыбину к самому борту, и ещё два раза устремлялась она, в глубину почти полностью разматывая леску.

Солнце уже утонуло в океане, и короткие тропические сумерки опустились на корабль.

Когда Толстун в четвёртый раз подтянул акулу к самой галере, полностью стемнело. Яркая жёлтая Луна начертила на зыби моря свою серебряную тропинку. Венера ещё не спряталась на западе за горизонт, немигающим оком следя за кораблём и гномами. Ивашка также увлечённый борьбой с огромной хищницей распорядился бросить с правого борта сеть, и когда обессиленный Толстун подтянул такую же обессиленную рыбу к кораблю,

десяток гномов одновременно потянули за привязанные к углам сети канаты, и акула оказалась, словно в сачке. Она ещё пыталась извиваться, угрожающе разевать пасть, всю усеянную кривыми жёлтыми зубами, но гномы крепко держали сеть, всё выше подтягивая её над водой. Общими усилиями всей команды удалось перевалить спелёнатое чудовище через борт, но даже здесь рыбина ещё не хотела сдаваться, словно на сковороде, подпрыгивала она на палубе. Из жабер при выдохе как из брандспойта хлестала вода, окатывая зазевавшихся гномов. Лишь через несколько минут рыба-молот успокоилась, сонно зевая страшным ртом.

— Смотрите, да у неё пасть почти на брюхе, как же она хватает добычу? — удивился молодой гном, впервые увидевший так близко акулу.

— Да, она переворачивается кверху пузом, когда нападает на кого-нибудь и всегда снизу, а ты отойди-ка подальше — это она претворяется мёртвой, а стоит подойти к ней поближе, она тебе ногу в секунду откусит. Смотри, — и Толстун, взяв багор поднёс его к зевающей пасти. Последовал молниеносный бросок и Толстун покатился по палубе с обломком палки в руке.

— Сильна ещё зараза! Смотрите, а глазки у неё как у гоблина — точно, и злости столько же.

— Интересно, а чем эта гадость питается?

— Да, уж не водорослями, — раздался дружный хохот гномов.

— А давайте ей брюхо вспорем и посмотрим, что там. Говорят, акулы всякую всячину глотают. Бывает, что и бутылки с записками от потерпевших кораблекрушение находят, — предложил под одобрительный ропот гномов Ивашка.

— Да, сейчас темно уже, давайте утром, а теперь всем отдыхать, — это капитан спустился с мостика.

Недовольно бурча, что их лишили такого удовольствия матросы уходили с палубы, слышно было, как некоторые заключают пари на десятки дублонов — есть у акулы в брюхе бутылка или нет. Ивашка, первым предложивший заглянуть в чрево рыбины, ушёл последним. Вахта его давно кончилась, но идти в каюту не хотелось, там, наверное, всё ещё эльф сидит со своими уроками колдовства. Но, нет, каюта была пуста. Только на столе, прямо на карте, лежали четыре палочки сантиметров по десять длиной и по два шириной. Ивашка взял их и повертел в руках. С одной стороны была нарисована по середине одна жирная точка, с другой — две. Всё, как и говорил эльф. «Вандермаст» — вдруг вспомнил штурман своё новое имя. «Да, звучит неплохо, грозно так, торжественно».

Событие двенадцатое

Вошебство — это вера в себя. И когда тебе это удаётся, то удаётся и все остальное.
Иоганн Вольфганг Гете

День всё же выдался нелёгким. Уроки магии, дежурство на мостике, борьба с акулой. Брат Вандермаст едва голову успел донести до подушки, как уже отключился. Умеют ещё гномы поспать.

Склянки пробили шесть раз. Ивашка потянулся и, привстав, глянул в иллюминатор, день только вступал в свои права. Ветер, видно, тоже только что проснулся и не успел определиться, в какую сторону дуть — хлопали паруса. Лёгкий дымок вился над палубой, значит, кок уже готовит завтрак. «Пора вставать», — решил гном, — «Сегодня акулу потрошить будем. Пойти посмотреть на неё пока не начали. Красивая всё-таки рыбка».

Однако Ивашка оказался не первым, собравшиеся вокруг акулы моряки, шёпотом, почему-то, обсуждали рыбину. Да, и было, что обсуждать. Длинной метров семь, толщиной, что и двум гномам не обхватить. Сейчас уже мёртвая, окаменевшая, она изогнулась, как бы желая подпрыгнуть над палубой в последний раз и взглянуть на родное море, чьей хозяйкой она, наверное, себя считала.

Гномы всё пребывали и вскоре, перекусив, вся команда собралась вокруг акулы. Толстун уже точил нож. Летели искры, визжал камень, сопели гномы у него за спиной. Только убедившись, что нож в воздухе легко перерубил волос, вырванный из бороды, Толстун подступил к акуле. Брюшные мышцы её отвердели, и гному пришлось изрядно попотеть, прежде чем образовался длинный надрез. Когда раздвинули края и выволокли вонючие кишки на палубу, Ивашку чуть не затошнило, такой стоял противный запах. Плавательный пузырь был почти два метра длинной, и в большей его половинке мог бы, наверное, уместиться гном. Перешагивая и путаясь ногами в этой горе потрохов, Толстун под нетерпеливый ропот гномов добрался, наконец, до желудка и вспорол его. Что-то толкнуло Ивашку и он, преодолевая дурноту и брезгливость, первым оказался среди полупереваренных кусков рыбы, всевозможных костей, обломков досок и, окатив всё это ведром воды, поданной кем-то, увидел вдруг небольшую почерневшую пластинку и рядом с ней бутылку. Половина команды издала победный рёв, когда Ивашка протянул им покрытую слизью пузатую бутылку. Сам же он сразу забыл о ней начисто. Дрожащими пальцами поднял он чёрную пластинку, и понял, что он не ошибся. Это была такая же серебряная пластинка, только почерневшая от морской воды и пребывания в брюхе акулы. Явственно видны были странные буквы. Разочарованный вздох заставил штурмана обернуться. Бутылка оказалась пустой. Гномы сразу подняли гвалт, те — кто спорил, что бутылка есть, кричали, что это они выиграли пари. Менее удачливые настаивали, что они имели в виду бутылку с запиской, а не пустую, ни кому не нужную грязную бутылочку. Под этот шум Ивашка выбрался из кольца гномов окружавших акулу. Спрятав пластинку в карман и видя, что кое-где в толпе уже готовы начаться драки, наш кладоискатель пробил в рынду, и, чтобы отвлечь команду, приказал спустить хлопающий парус и идти на вёслах. Хорошо выученный экипаж бросился выполнять приказ, а к Ивашке подошёл эльф и, нагнувшись, шёпотом спросил.

— Что это за вещица, которую ты убрал в карман?

Ивашка огляделся по сторонам, все были заняты парусами, и он осторожно достал пластинку и протянул её эльфу.

— Страничка из книги Херне?! — маг благоговейно протёр её рукой.

— Как ты сказал? — Ивашка схватил за ворот эльфа. — Ты знаешь, что это за пластинка и можешь её прочитать?

Эльф осторожно высвободился из цепких Ивашкиных пальцев и повторил, внимательно смотря гному прямо в глаза:

— Это страничка из книги Херне.

— А кто он такой этот Херне? И что это за книга? — Ивашка был близок к разгадке тайны табличек.

— Кто такой Херне? — маг задумался, — Некоторые называют его богом, другие демоном. Говорят, он жил ещё в те времена, когда ещё не было ни гномов, ни эльфов.

— Как это? Мы гномы были всегда.

— У эльфов есть такая легенда. Давным-давно на нашей планете жили боги, но одним им было скучно. Тогда они создали людей, или, как их ещё называют — человеков. Однако люди возомнили, что они могут стать могущественнее, чем сами боги и тогда боги взорвали всю землю, превратив её в огромный вулкан. Кто говорит, что все люди погибли, но некоторые маги утверждают, что люди не погибли, а превратились в несколько рас: гоблинов, троллей, гномов, баньши, эльфов. Тогда же появились и драконы. И всё это произошло из-за магии. Боги владели магией и поделились ею с людьми, те, овладев колдовством, посчитали себя равными богам. Когда люди исчезли с лица земли, боги решили не давать больше магию ни кому, но Херне ослушался их и научил колдовать свой маленький народ — эльфов. Когда боги узнали об этом, они создали для Херне маленький островок и заперли его там, а сам островок сделали невидимым. Только бог эльфов предвидел кару за ослушание и записал самые сильные заклинания, которые подвластны только богам на 13 серебряных пластинок и разбросал их по всему свету.

В предании сказано, что только очень смелому и мудрому удастся собрать все 13 пластинок и тогда, если он сможет прочесть их, то станет равным богам. Есть одна маленькая деталь. На обладателя пластинок с приобретением каждой пластинки сваливаются всё более сильные беды и неприятности, чтобы убедиться действительно ли они в надёжных руках.

Одной пластинкой владели многие. Двумя гораздо меньше. Тремя считанные единицы. Четырьмя только три эльфа. Это Скалус — великий основатель города Славис. Это Астадамус, который воздвиг башню, что вы, гномы, называете «башня чёрных колдунов». И это легендарный король эльфов Эльфанус, собравший всех эльфов в один народ, в одно королевство. Пятью пластинками не обладал никто. У пластинок есть свойство — они притягивают своего хозяина к следующей, но в то же время притягивают и несчастья. Эльф задумался и замолчал, разглядывая серую воду за бортом.

— Сейчас я вспоминаю наше путешествие и понимаю, что это не первая твоя пластинка. Слишком много на нас обрушилось несчастий. Штормы, драконы, снова штормы, гоблины. Неужели это третья пластинка?

— А как погибли эти ваши эльфы, у которых было по четыре странички книги? — не глядя на эльфа, спросил моряк.

— Все они были убиты своими друзьями или близкими, которых ослепил блеск

могущества, — эльф недоверчиво посмотрел на Ивашку, — Неужели у тебя четыре пластинки? И ты достиг предела, но ведь ты не Эльф.

— Хорошо, маг. Я скажу тебе. Ни кому не говорил, а тебе скажу. Но считай сам. У меня здесь только два друга — Толстун и ты. Значит ли это, что теперь мне надо вас остерегаться? — Ивашка достал из кармана и показал колдуну две серебряные пластинки. Ту, что сейчас вытащил из акулы и ту, что отбил у железного тролля.

— Только две? — удивился эльф.

— Пять!!! — шепотом, оглянувшись, произнёс Ивашка, — Три лежат у меня дома, вернее, у моего друга.

— Пять? — казалось, маг перестал дышать.

— Пять! — мрачно кивнул гном.

— Расскажи мне Вандермаст про всё пять и про все несчастья, произошедшие с тобой за это время, — Эльф взял Ивашку под руку и потянул к каюте.

У себя в каюте Ивашка немного успокоился. Он даже заказал коку две чашки кофе. Эльф одним глотком осушил свою чашку. Обжёг кипятком рот, но даже не заметил этого. Всё его внимание было приковано к тому, что говорил штурман. Ивашка поведал ему, как он привёз первую пластинку. Как Саныч подарил Дюшке вторую, как началась драка с «лучшими гномами» и Ивашке досталась третья пластинка. Как убили Дубка. Как он убил «дракончика» и их с Толстуном посадили в тюрьму, про схватку в пещере с железным троллем.

— Ну, а остальное ты уже знаешь. Дрон, две бури, гоблины и акула, — Ивашка допил свой кофе, даже не почувствовав вкуса и задал, наконец, вопрос, который беспокоил его пока он рассказывал эльфу свою историю.

— А ведь сейчас три пластинки у Дюшки. Может и с ним тоже сплошные несчастья происходят?

— Ничего не могу тебе сказать. Это первый случай, когда пластинки хранятся отдельно, может, ты и жив-то только по этому, — эльф продолжал перебирать в руках странички книги Херне.

— А что за светящиеся глаза тролля, где они? — маг оторвал глаза от пластинок.

— Вот, — и гном вытащил из кармана горячие рубины.

— Боги! Да, это же «огни Агавы»! — эльф пластинки выронил, и они с лёгким звоном упали на пол.

— Что, опять что-то ужасное? — Ивашка вконец расстроился.

— Слушай меня, гном! — маг встал и отошёл от Ивашки в дальний угол каюты. Казалось он боится и стоять-то рядом со штурманом.

— У эльфов есть летописи, в них на отдельной странице записаны все, кто обладал сразу несколькими волшебными предметами. Но даже в той книге нет ни одного, кто мог бы похвастать, что имеет сразу пять пластин, огни Агавы, жезл из клыков дрона и кинжал из когтя дрона, — маг выглядел совсем убитым.

— Да, что за огни такие? — Ивашка сегодня уже всему перестал удивляться. Устал себя жалеть. Хотелось разделаться со всем побыстрее и остаться одному, обдумать всё.

— Это ещё одна легенда.

— Ох, уж эти эльфы, по любому поводу у них легенды, предания, сказки, — поэтому весь мир вас и не любит, слишком много таинственности на себя напускаете.

— Дак ты не хочешь узнать об огнях Агавы, брат Вандер-маст? — эльф даже пожелтел,

если такое бывает с вечно розовыми эльфами.

Ивашка улыбнулся, изобразил на лице раскаяние и внимание одновременно, и приготовился к длиннющей сказке эльфов.

— Говори, как же я не хочу узнать об огнях Агавы, если эти камни жгут мне карман.

— Не все боги одинаковы, — начал маг таким тоном словно рассказывает о проделках своих близких друзей.

— Среди них были такие как Херне, которые стремились помочь людям, а потом эльфам овладеть магией и другими знаниями. Были такие как Ураниус, которые ненавидели людей и эльфов, и всегда стремились их уничтожить. Они устраивали бури на море, обвалы в горах, извержения вулканов, землетрясения. Был бог войны и смерти Реос, который ради забавы устраивал охоту на эльфов, словно те были дикими оленями, а не разумными существами. Он скакал по полям и лесам на своём кентавре Велосе, и кидал молнии в эльфов — будь то ребёнок, или старик, или взрослый воин, или женщина. И не было защиты от его стрел — молний.

Агава было богиня огня и домашнего очага. Она учила людей и эльфов обращаться с огнём так, чтобы он был другом, а не страшным врагом, как при пожаре. Она научила обогревать жилище, готовить горячую пищу. Очень много времени проводила среди эльфов. И однажды ей повстречался в горах молодой эльф по имени Виолс. Он ходил в горы на охоту, так как зима была снежной, и все олени ушли из леса. Виолс надеялся в горах найти снежных баранов, чтобы прокормить себя и свою мать. Но началась буря, и он оказался засыпанным в одной горной долине. Есть было нечего, развести костёр он не мог, кругом голый камень и снег. Эльф стал молиться Агаве, чтобы она спасла его, согрела и послала удачу в охоте. Иначе мать Виолса умрёт от голода.

И Агава оказалась поблизости. Она ходила по горным лужайкам, растапливая снег, и теплом своих рук согревала уснувшие за зиму эдельвейсы. Ей очень хотелось собрать букет цветов, чтобы украсить свою девичью спальню. Богиня услышала страстную мольбу молодого эльфа и спустилась к нему. К тому времени Виолс уже умирал от холода. Он потерял сознание, но и в бреду продолжал молить богиню прийти ему на помощь. Агаве понравился юноша эльф. Она растопила вокруг него снег и согрела Виолса теплом своего тела. Когда эльф пришёл в себя, богиня показала ему проход в горах и дала горсть красных камней, которые горели и излучали сильное тепло.

— Храни их Виолс, — сказала Агава, и передай затем своим детям и внукам. Они — эти камни будут согревать тебя и твоих потомков в мороз, защищать от холодных северных ветров и, вообще, они будут защищать тебя и всех у кого есть хоть один камень от любых несчастий, если эти несчастья посланы не самими богами. И Агава исчезла так же внезапно, как и появилась.

Маг перевёл дух.

— Если ты сейчас думаешь, что всё так и закончилось, то ошибаешься гном. Ураниус слышал всё это и из любви к злу он убил Виолса, устроив землетрясение. И в гневе разбросал камни по всему свету, так как не смог их уничтожить. Изредка эльфы или гномы находят эти красные камешки. Это большая удача. У тебя же брат Вандермаст как всегда удачи слишком много. У тебя целых два огня Агавы. С одной стороны, вроде это благо, но с другой, а не навлечёшь ли ты на себя гнев Ураниуса.

— Что же мне выбросить их? — Ивашка перекачивал на ладони тёплые угольки. — Такие красивые, жалко.

— Ни в коем случае, разве можно выбрасывать своё счастье. Я не знаю, что тебе посоветовать Вандермаст, не показывай их никому и не говори о них даже близким друзьям. Боги слушают разговоры, когда им скучно. И неисповедимы пути и мысли богов.

— Дак что получается, это они и сейчас есть? Эти боги? — Ивашка недоверчиво посмотрел на потолок каюты. — Что же гномы о них ничего не знают.

— Зато ты знаешь гномов. Они ни во что не верят, не хотят учиться и не признают авторитетов. Они считают себя самыми умными. И пол беды, что они не знают богов, а беда в том, что и боги не хотят знать гномов. Добрые боги не помогают вам, злые ничему не учат.

— Эльф, оставим в покое богов и гномов, скажи, что делать мне, — Ивашка горько жалел о том, что купил давным-давно на базаре в подарок Дюшке попугая и серебряную пластинку. С них всё и началось.

— Вспомни одно из правил пирамиды — секретность, — маг замолчал, любовно перекатывая красные камешки на ладони. Тонкий луч света пробивался через закрытый иллюминатор, и эльф подставил ладонь под него. Словно солнце ввалилось в маленькую каюту штурмана. Свет был нестерпимо ярок. Блики всех цветов бегали по стенам, по полу по потолку. Ивашка аж зажмурился.

— Да, — вывел его из оцепенения голос мага, — это великое сокровище. Я сейчас вспомнил, что ещё могут огни Агавы. Вот возьми пёрышко, — и эльф выдернул из подушки, лежавшей на кровати штурмана, маленькое белое перо. — Попробуй силой воли, взглядом удержать его в воздухе, — и маг подбросил пёрышко к потолку.

Ивашка вперился глазами в пёрышко и стал мысленно уговаривать его не падать. Однако, как не гипнотизировал гном частичку давно съеденной курицы, перо, сделав в воздухе пологую спираль, мягко опустилось на пол.

— Не выходит? — эльф взял Ивашкину руку и вложил в неё очень аккуратно красные камешки, — попробуй сейчас.

Ивашка свободной рукой подбросил непослушную пушинку в воздух и снова стал уговаривать её не падать.

И получилось!!!

Сначала пёрышко на мгновение застыло в воздухе, а потом, повинувшись взгляду гнома, устремилось вверх и прижалось к потолку. От неожиданности штурман на мгновение выпустил белую пушинку из поля зрения и посмотрел на мага. Тот повелительно кивнул в сторону пера. Ивашка метнулся взглядом к потолку. Пёрышко опять по пологой спирали падало. И снова подчиняясь только взгляду «Вандермаста» и его немой просьбе остановилось и полетело вверх.

— Не может быть! — гном повернулся к магу и протянул к нему руку с впившимися в неё красными искорками. — Это сделали они?

— Они, — маг провёл нал камнями рукой и произнёс несколько слов на странном каркающем языке.

И камни вспыхнули ещё ярче и свет, исходящий от них, продолжал усиливаться с каждой секундой. Пока не стал просто нестерпимым. Маг снова провёл рукой над камнями, и они послушно потухли, только тусклые искорки вспыхивали иногда внутри.

— В умелых руках это оружие и помощник. И если пластинки стекаются к тебе не напрасно. Если это промысел богов. То «огни Агавы» — это награда и помощь. Чтобы ты и дальше не сошёл со своей стези. Храни их, Вандермаст.

— Я понял, маг, — Ивашка бережно сжал ладонь с двумя искорками света, — только

где их хранить? — он осмотрелся вокруг, потом похлопал себя по карманам.

— Нет, постой, — и эльф вынул из складок своего плаща кожаный мешочек на шнурке, — убери их сюда и повесь на шею. Да смотри, завяжи шнурок так, чтобы он не смог случайно соскользнуть. И чтобы его могли снять только вместе с головой.

Ивашку передёрнуло от последних слов мага. Тем не менее, он в точности исполнил его слова.

Время со всеми этими чудесами пронеслось не заметно. И вот уже пробили склянки, вызывая штурмана на вахту. Солнце стояло в зените, ветерок был как раз, чтобы шевелить волосы на макушке. Но с парусами ему было явно не справиться и поэтому гребли заключённые.

Событие тринадцатое

Подобно змее, сбрасывающему шкуру, мы способны избавиться от накопившихся привычек.

Эрик Певернаги

За время штормов, за всё не лёгкое плавание, гномы уже так привыкли друг к другу, что гребцы были просто гребцами. И работали не потому, что боялись наказания, а потому что надо было грести — раз нет ветра. Кому же не хочется побыстрее вернуться домой. Тем более что почти всем по возвращению «светила» свобода.

Мерно бил барабан, задавая ритм. Вздыхались и опускались бугры мышц на плечах гномов, толкая тяжёлую галеру вперёд на север. Ивашке с мостика было видно, как ручейки пота сбегали по обнажённым спинам гребцов. Сам штурман буквально вымок от пота, стоя на мостике, на самом солнцепёке. Попросил юнгу принести кружку воды, но тёплая, пахнущая бочкой вода, не принесла облегчения, только пот ещё сильнее прошиб.

Ивашка и раньше бывал в тропиках, но так далеко на юг, конечно, не забирался. Поневоле начнёшь молиться какому-нибудь богу, чтобы закрыл солнце тучами, да ветра попутного прибавил. В какой-то момент моряку вдруг показалось, что что-то дёрнуло корабль назад, словно с разбегу на мель наскочил. Но судно бежало по лёгкой волне дальше. И Ивашка оглянулся на гребцов, наверное, с ритма сбились. И тут увидел, как с левого борта толстая чёрная змея перелезает через край судна.

«Солнечный удар», — подумал Ивашка, — надо же какая гадость померещится», — и он потёр глаза руками.

Но не тут-то было, когда круги перед глазами рассеялись, и штурман снова чётко увидел борт корабля — змей было уже две. И галера стала заметно крениться на левый борт. Гребцы бросились подальше от змей, и палуба опустела в считанные мгновения. Чёрные скользкие лоснящиеся от воды твари всё дальше заползали на борт. Потом появились ещё две. Первая змея доползла уже до мачты и уткнулась в неё тупой зубастой мордой. Пасть её глухо щёлкнула, когда гадина попыталась перекусить мачту. Но дерево видно не понравилось змее и, выпустив порядочно измочаленную мачту, эта гадость устремилась дальше к правому борту, где скопились гномы.

Стоящая до этого тишина на судне словно лопнула — засвистели тревогу боцманские дудки. Раздались крики ближайших к змее матросов. Забухал вдруг, словно с ума шедший барабан.

— Руби их, руби! — кричал, как всегда оказавшийся первым, Толстун, и, выхватив у застывшего от ужаса ближайшего матроса меч, рубанул со всего маха по оскаленной морде.

Ивашка, тоже оказавшийся поблизости, ожидал, что кровь так и хлынет после такого удара, даже рукой закрылся, чтоб не обрызгала. Но нет. Меч, словно от железной, отскочил от чёрной блестящей кожи. Толстун ещё раз со всего размаха опустил меч на змею. Тот же результат, словно бьёшь по камню. Только меч в руках завибрировал. Кто-то пытался колоть змей копьём. Здоровенный гребец по прозвищу «Колотушка» схватил огромную кувалду, лежащую на палубе, и используемую иногда как временный якорь, и ударил прямо по голове

гадины, которая уже почти добралась до правого борта. Удар был что надо, даже деревянная ручка сломалась. На мгновение змея замерла, дрожь прошла по её лоснящейся шкуре. А в следующую секунду она резко дёрнулась вперёд и её усеянная мелкими грязно-желтыми зубами пасть сомкнулась, перекусив как щепку ногу Колотушки. Гном даже ещё и закричать не успел, как пасть сомкнулась ещё раз и вторая нога исчезла во чреве чудовища. Как подкошенный Колотушка свалился на палубу, из оторванных ног кровь толчками лилась на палубу. Тут крик раздался и с носа галеры. Там две змеи вцепились в одного гнома и, дёрнув, просто разорвали его пополам.

— Всем по мачтам, быстро! — и капитан первым бросился к мачте и ловко вскарабкался по верёвочной лестнице.

Гномы кинулись к мачтам, кто-то попытался забраться прямо по канату, а на палубе продолжали пиршество змеи. Одного за другим они хватали из толпы зазевавшихся, и те катились по палубе с оторванной рукой или ногой, заливая доски кровью.

Ивашка не спешил к мачте. Он заметил, что там возникла паника, и всё больше гномов оказывается не на желанной высоте, а в пасти у монстров. Осторожно, стараясь не поскользнуться в лужах крови, штурман пробрался к себе в каюту и взял кинжал сделанный из когтя дрона. Что-то подсказывало ему, что это единственное оружие пригодное в данной ситуации. Дверь заскрипела. Ивашка затравленно оглянулся, готовый защищаться, но это были эльф и Толстун. В руке Толстуна матово блестел второй коготь.

— Как думаешь, маг, удастся этим убить гадов? — Ивашка протянул эльфу кинжал из когтя дракона.

— Я не знаю что это за твари, и чем их можно убить. Никогда даже не слышал о таких. Могу посоветовать только одно. Возьми в левую руку огни Агавы, а в правую руку этот кинжал и попробуй.

Не мешкая, штурман выскочил на палубу. Вся она была залита тёмно-красной гномьей кровью, которая слегка дымилась, испаряясь с раскалённых на солнце досок. Змеи окружили мачту и рвали на куски, лежащие вповалку тела трёх или четырёх гномов, тех, кто не успел залезть на мачту. Вся остальная команда галеры рассыпалась на снастях, держась, кто как может за рей, канаты и паруса. Только Ивашка с Толстуном появились на палубе, как на них зашикали, зацыкали испуганные моряки. Не обращая внимания на эти предостережения, наши друзья потихоньку подкрадывались к занятой разделом добычи ближайшей змее.

— Ну, Агава, если ты хочешь, чтобы гномы поверили и полюбили тебя, помоги мне! — и «Вандермаст» всадил клинок в тело змеи.

Кинжал вошёл в неё как в масло. Ивашка сразу выдернул его обратно и снова вонзил в чёрную кожу. Из первой раны брызнул фонтан жёлтой крови. Словно лампадное масло потекло она по палубе, и когда струйка её смешалась с красной кровью гномов, палуба вспыхнула не ярким голубым светом.

Раненая змея дёрнулась всем своим десятиметровым телом, и Ивашка еле успел отскочить. Сметая всё на своём пути, выломав кусок борта, чудовище соскользнуло в воду.

— Ага, раны залечивать убралась! — радостно крикнул Толстун, всё это время наблюдавший за действиями Ивашки, и, подскочив к ближайшей змее, ткнул своим кинжалом той прямо в морду.

В агонии змея дёрнула хвостом, ломая как спички вёсла, свернулась клубком и снова как пружина распрямилась, переломав половину вёсел на другом борту. И вдруг затихла. Из рта её широким ручьём потекла жёлтая кровь, смешиваясь с красной, и палуба вновь

загорелась голубым светом.

На корабле ещё осталось три невредимых чудища. Они, видно, были достаточно разумны, так как, увидев печальную участь двух своих сородичей, сгруппировались и стали теснить Ивашку с Толстуном с носа к корме, делая молниеносные броски вперёд, и стараясь достать зубами до ног гномов. Ивашка, отступая, и всё время держа клинок перед собой, наступил на лужу светящейся крови и каким-то краешком мозга удивился — огонь не был горячим. Это вообще не было огнём — чистый свет.

Меж тем змеи вытеснили друзей уже к самой корме, ещё пару шагов и отступать будет некуда. Ивашка попытался проскользнуть назад вдоль левого борта, но последовал мгновенный выпад змеи и острые зубы лязгнули буквально в сантиметре от плеча гнома. Толстун, всё-таки, умудрился ткнуть одну из змей кинжалом. Раненый монстр начал извиваться и крушить хвостом всё на палубе. Это и спасло наших моряков. В порыве ярости змея с такой силой размахивала хвостом, что досталось и двум её сородичам. Они были оттеснены к левому борту и замешкались там, мешая друг другу. Ивашка бросился вперёд по освободившейся палубе, забежал змеям в тыл, и несколько раз, что есть силы, воткнул кинжал в ближайший хвост. Теперь уже две раненые гадины хлестали хвостами и извивались на палубе, сокрушая последние уцелевшие вёсла и выламывая целые куски борта. Подойти к ним было просто невозможно, и наши герои притаились за мачтой, выжидая удобного момента для нападения. Однако, змеи понеся потери, решили оставить разрушенный корабль, и, заливая палубу лужами жёлтой крови, скользнули сквозь проломы в борту в море.

Последняя невредимая змея прикрывала их отход, повернувшись головой к мачте, и когда кто-то из гномов пытался высунуться из-за неё, злобно щёлкала челюстями. Наконец и она свернулась в кольцо и затем бросилась в породивший её океан.

Дружные крики «ура» раздались сверху и гномы как горох посыпались на палубу. Всем хотелось обнять своих спасителей. Ивашку и Толстуна долго подбрасывали в воздух, не давая им встать на ноги. Когда все понемногу успокоились и огляделись, страшная картина предстала перед их взорами. Всё залито красной кровью гномов и жёлтой змей. Вёсла переломаны почти все, борта во многих местах повреждены.

— Сколько же погибло? — спросил капитан, с содроганием приближаясь к телам мёртвых гномов, остатку пиршества морских гадов.

— Семеро, — сделав перекличку, доложил Толстун, — И один сильно ранен. Рука до половины откушена, еле кровь остановили, бедняга совсем ослаб.

Ивашка между тем обошёл вокруг мёртвой змеи. Она была, наверное, «самая маленькая», но и то достигала от головы до кончика хвоста семи — восьми метров. «Интересно» — подумал Ивашка, — «А мёртвую её тоже обычные кинжалы не берут?» Штурман достал из-за пояса свой любимый кинжальчик и ткнул змею. Ни какого эффекта. Шкура чуть продавилась в том месте, но как только гном убрал лезвие, даже ямка исчезла. Тогда Ивашка вытащил кинжал из когтя дрона и ударил им змею — коготь легко вошёл в чёрную лоснящуюся шкуру.

— Чем ты занят, брат Вандермаст? — неожиданно раздалось сзади.

Ивашка вздрогнул. Он никак не мог привыкнуть к бесшумной походке эльфа.

— Да вот думаю, простой нож эту кожу не берёт, а кинжал из когтя дрона легко протыкает. А что если сшить себе одежду из этой шкуры. Тогда мне любой бой будет нипочём.

— Как же ты сошьёшь, игла ведь тоже не возьмёт? — с сомнением покачал головой

эльф.

— А я придумал уже, — Ивашка радостно хлопнул себя по макушке, — Нужно дырочки для иголки сначала делать кинжалом, а затем спокойно шить обычными нитками.

— Ну, что ж, если кожа не утратит своих волшебных свойств со временем, это действительно будут самые лучшие доспехи, о которых я слышал. Они и лёгкие и не пробиваемые. Кстати, а ты задумывался брат Вандермаст о том, что это за змеи? — эльф кивнул на чёрного монстра.

— Ну, мало ли чего в этом море водится, — Ивашка пренебрежительно махнул рукой.

— Ты раньше слышал о чем-то подобном?

— Нет, — вынужден был признать штурман, — Но ведь, наверное, никто так далеко на юг и не заплывал, а если и заплывал, то после такого гостеприимства, — гном обвёл рукой палубу, — просто рассказать о них было некому.

— Может и так, но я думаю, твоей судьбой заинтересовался бог Ураниус.

— Бог? — Ивашка, хмыкнув, недоверчиво посмотрел на небо. Редкие облака бежали, опережая корабль. Светило солнце. Вроде, всё было как обычно.

— Ты, что же, хочешь увидеть на небе этакого сердитого бородача, огромного гнома? — эльф скривил губы в презрительной улыбке, — Боги вездесущи, им не нужно подсматривать за тобой из-за туч. Они и так всегда знают то, что захотят знать.

Ох, как Ивашке надоели все эти маги, боги, драконы. Где то тихое, спокойное время, когда он сидел перед камином в своей уютной пещерке, и знать не знал обо всех этих чудесах.

— Ладно. Боги богами, а корабль нужно приводить в порядок, — штурман протолкался сквозь моряков, обступивших змею, к центру, и, найдя там капитана, обсудил с ним неотложные дела по восстановлению галеры.

Ветер дул попутный, подняли все паруса, стремясь подальше отплыть от змеиного места до наступления темноты. Истерзанные тела погибших моряков зашили в парусину и похоронили по морскому обычаю, спустив тела в море с грузом на ногах. Капитан сказал при этом положенную речь, что-то про то, что не оставит семьи погибших без внимания и заботы и та часть добычи, которая причиталась этим беднякам, достанется их родным.

Толстун и ещё несколько матросов наводили порядок с вёслами. Если раньше с обеих сторон галеры было по двадцать вёсел, то после двух бурь и атаки чёрных змей осталось всего-навсего одиннадцать вёсел, ещё три весла удалось кое-как собрать из обломков, но они были не особенно надёжны. Однако пришлось ставить и такие. Кое-как наспех залатали борта и сразу же посадили гребцов на вёсла. Те работали в полную силу. Видно и им, как и Ивашке, сильнее всего хотелось побыстрее закончить это плавание и увидеть, наконец, на горизонте родную землю.

Несколько следующих дней прошло на удивление спокойно. Дул попутный юго-западный ветер. В три смены не за страх, а за совесть работали гребцы. Галера давала узлов по десять, а то и двенадцать, проходя за сутки миль по сто — сто сорок. Ивашка регулярно в полдень делал замеры долготы и широты по солнцу. И на четвёртый день с радостью заметил, что они уже плывут в водах обозначенных на карте. Кончился период неизвестности. Ещё несколько дней такого плавания и на горизонте появится остров «Медузы».

Все эти дни в свободное от вахт время наш гном учился колдовать. Он неоднократно проделывал фокус с пёрышком, пока он не стал получаться сначала с одним красным

камнем в руке, а потом и вообще без камней. За пёрышком последовал листок бумаги. Уверенность в своих силах росла в Ивашке с каждым часом. Он уже мог сказать что-нибудь Толстуну, не раскрывая рта, просто силой мысли. На четвёртый день Ивашка смог уронить со стола стакан с водойвзглядом, правда, весь облился потом от усилий, наверное, затратил сил столько, что можно было руками тысячи стаканов посбрасывать. Когда же штурман сказал это магу, тот только скупой улыбнулся. И улыбка эта добавила его тонкому лицу столько же теплоты, сколько лунный свет свежесвыпавшему снегу.

— Когда-нибудь у тебя, Вандермаст, будет ученик, и он будет говорить тебе то же самое. Все ученики не хотят учиться, и задача наставника заставить ленивого ученика полюбить учиться. Не приобретать знания. Ведь любую формулу можно забыть. А вот желания приобретать знания должна остаться на всю жизнь. Ты должен мечтать найти старую книгу в обгоревшем или изъеденном мышами переплёте и с трепетом переворачивать хрупкие пожелтевшие страницы и искать записанную рунами формулу колдовского зелья или магического заклинание. Должен радоваться, когда тебе силой воли удастся подчинить себе птицу или злобного духа из другого мира. Без этой радости, без вечного сжигающего тебя стремления к поиску нельзя стать хорошим магом. Так — бездарным фокусником. Тебе несколько раз улыбнулась удача. Сумей же сохранить то, что уже есть у тебя и приумножить. Я знаю, я чувствую — у тебя великое будущее.

Толстун по просьбе Ивашки за эти дни кинжалом из когтя дрона разделал змею. Два дня потребовалось, чтобы стянуть с огромной гадины её чёрную кожу. Затем Толстун нарезал её на большие куски и засолил прямо в бочках, и на пятый день вывесил эти куски сушиться на солнце, натянутыми на рымы. К вечеру кожа просохла, как следует. Ивашка с Толстуном и эльфом размяли каждый лоскутик и в этот же день вечером в каюте при свете заколдованной баньшами гнилушки раскроили. Кожи хватило на три куртки и трое штанов. А из оставшихся обрезков Ивашка решил сшить комбинезончик для Дюшки. Он вдруг вспомнил, что привозил из каждого плавания своему маленькому другу какую-то диковинку. А вот теперь привезёт комбинезон, который не сможет пробить ни одно оружие. Ну, чем не редкостный подарок. Всю ночь наши герои шили свои новые доспехи. Все ведь знают, что любой гном с детства привык орудовать иглой. Гномы всегда свои голубые комбинезоны шьют сами. Сколько искусства и умения нужно вложить, чтобы пришить на него такое огромное количество карманов. Никто и не заметил, как за стенами маленькой каюты уже рассвело. Ивашка делал последние стяжки, когда на палубе ударили в колокол, и раздался радостный крик «Земля!».

Событие четырнадцатое

Заслужой стратега является принятие разумных решений, а побеждают в сражении те, которые добровольно рискуют своей жизнью.

Гиперид

По карте Ивашка, конечно, рассчитал, что утром они должны подойти к «Медузе», но одно дело с линейкой и карандашом ставить точки на самодельной карте, а совсем другое, выбежать на палубу под крики «Земля!», хлебнуть солёного, прохладного ещё, утреннего бриза, и, шурясь от бьющего в глаза успевшего взойти солнца, увидеть на северо-востоке туманные очертания острова. Услышать крики чаек и альбатросов, долгожданных предвестников суши и, значит, отдыха.

— Всё-таки мы добрались, — Ивашку обнял сзади за плечи капитан, — Я уж был отчаиваться стал, так хорошо началось плавание, а потом два этих шторма, да змеи, да жара тропическая. Я твоей карте, конечно, доверяю, да нет-нет, а сомнения возникали.

— Думаешь, у меня не возникали? — Ивашка тоже обнял капитана.

Так они и стояли на носу, всматриваясь в зелёный бугорок на горизонте.

В полдень стали попадаться лодки местных рыбаков, вышедших подальше в море за более крупной рыбой. Моряки обменялись с ними приветствиями и, конечно, не преминули поинтересоваться, что поделывают гоблины. Вроде всё было тихо. О гоблинских набегах никто не слышал.

Ну, вот и земля!

Ивашка раньше не бывал на «Медузе». Вообще-то, по правде говоря, это была не совсем гномская земля. Когда-то давно, ещё до первого нашествия драконов, гномы отбили этот остров и несколько мелких островков вокруг у троллей. Но шли годы и тролли с гоблинами, объединившись, отвоевали помаленьку островки у гномов назад, держался только гарнизон «Медузы». И тут навалились драконы. Они были ни за кого, просто огнедышащим гадам понадобились гористые острова, чтобы откладывать свои яйца. Всё живое было сметено с «Медузы» и окружающих островов. А потом появились эльфы с их магией, и драконам пришлось убраться с этих мест. А острова оказались как бы ничьи. Приезжали гномы и селились там, эльфы основали на «Медузе» две крепости с гарнизонами, появились зелёные баньши, вернулись и основали несколько поселений тролли. Однако из-за того ли, что их было мало, или по какой-то другой причине, козней тролли не строили, жили мирно, торговали с гномами тканями и кожами, строили лодки и даже корабли. Толстун рассказывал, если, конечно, можно верить Толстуну, когда он выпьет пару литров рома, что он видел в порту жёлтого баньши. Ну, ладно бы зелёного. Но жёлтого?! Всё, что знал штурман о жёлтых баньши, это то, что они жили внутри деревьев и питались соками этих деревьев. Ещё говорили, что они все погибли, сражаясь с драконами. Все они были колдунами, и даже зелёные баньши говорили о них шёпотом и сплёвывали три раза через левое плечо.

Одним словом, население острова было самое пёстрое, кое-кто рассказывал

удивительные истории, будто бы тролли брали в жёны женщин из племени гномов и наоборот, гномы женились на девушках зелёных баньши. И будто бы у них рождались дети похожие на картинки, где изображены человеки — люди. И какой только ерунды не рассказывают о «Медузе».

В порту стояло несколько кораблей. Один огромный фрегат явно принадлежал троллям. Было несколько гномских кораблей, а в один бриг Ивашка так и впился глазами. Весь корабль выкрашен в зелёный цвет, да и паруса были зелёные. Гоблины!!! Ох, не к добру это. Галера меж тем на вёслах подошла к пирсу и пришвартовалась. Ивашка сразу разыскал капитана и поинтересовался, есть ли в судовой кассе деньги, ведь нужно закупить продуктов и попытаться приобрести новые вёсла.

— Ну, не знаю? — капитан порылся в сундучке, — На продовольствие, конечно, хватит. А вот на вёсла? Триста дублонов. Примерно двести нужно потратить на закупку продуктов. Остаётся сотня. А весло обойдётся дублонов в пятнадцать.

Ивашка разочарованно крикнул.

— Вёсел на шесть. Маловато.

— Может продать часть скорлупы от яиц драконов?

— Ага, чтобы весь остров через час знал, что у нас за груз, — Ивашка сразу отбросил эту идею.

— Да, к тому же здесь гоблины, — капитан указал на зелёный корабль с драконьей мордой на борту.

— Именно по этому вёсла бы не помешали. По парусности они намного опережают нас. Всё наше преимущество в вёслах. А вёсел-то и нет, — штурман вспомнил, как буквально пару недель назад они ушли от гоблинов, только благодаря возможности галеры идти на вёслах против ветра.

— Надо будет поговорить с матросами, может, у кого есть сбережения на чёрный день, возьмём займы, а по возвращению расплатимся, — капитан с сомнением осмотрел команду, занятую приготовлениями к сходу на берег. Кто отряхивал от пыли парадные голубенькие комбинезоны, кто расчёсывал скатавшуюся бороду, кто пришивал новую пампушку на колпак.

— Попробуем, — и Ивашка окликнул Толстуна.

А денег собрали совсем мало. Капитан наскрёб на пять вёсел, да остальные ещё на пять, да и то если считать по ценам, как на верфи в их родном городе. А здесь, кто знает?

Тем не менее, скорлупу драконьих яиц решили не трогать. Команды тоже заметно поубавилось. Два шторма и нападение змей обошлось экипажу в двенадцать гномов, то есть погиб уже каждый пятый. Ивашка с капитаном прикинули, что если к тем четырнадцати вёслам, которые остались, прибавить ещё десять, то может и удастся добраться до дома.

В док пошли втроем: капитан, Толстун, и Ивашка. Пробирались между штабелями свежеструганных досок, связками канатов, грудями пустых бочек всевозможных размеров, наши моряки добрались, наконец, до конторок торговцев всем этим добром. В первой вёсел не было, во второй не было, в третьей не было. Толстун, уставший от бесполезных хождений, в четвёртую лавку зашёл уже, засучив рукава.

— Ну, если и здесь пусто, я им такой скандал закачу, они меня надолго запомнят, — ворчал он себе под нос.

Когда же из-за стойки навстречу покупателям поднялся тролль, да ещё в красном халате (А ведь вы знаете, как не любят красную одежду гномы?), Ивашка всерьёз стал опасаться за

хозяйина. У Толстуна аж борода дыбом встала, челюсти туда-сюда заходили.

«Ну, быть беде!», — понял Ивашка и постарался встать между троллем и другом.

Тролли они, вообще-то, ростом повыше гномов, потоньше, конечно. А этот был совсем худенький, и когда Толстун, отеснив Ивашку, надвинулся над беднягой и прорычал: — Вёсла есть? — картинка была впечатляющая.

Торговец, однако, не испугался, спокойно оторвав от своего халата ручищи Толстуна, он пристально осмотрел гномов своими янтарными глазами и, безошибочно определив главного, кивнул капитану:

— Есть вёсла. Сколько вам?

Толстун снова ухватился за красный халат.

— Гнилые, наверное?!

И опять тролль, правда, на этот раз не так решительно, убрал ручищи Толстуна.

— Хорошие вёсла, если вы за вёслами пришли, а если вы пришли за дракой, то вам стыдно выбирать в противники одного тролля. В гавани стоит гоблинское судно, почему бы вам с ними не подраться. Кишка тонка?

Ох, не следовало ему это говорить. Толстун подпрыгнул до потолка.

— Ах, ты глиста паршивая! — и моряк бросился в драку.

Ивашка с капитаном еле успели повиснуть у драчуна на руках, но и вдвоём им тяжело было справиться с рассвирепевшим толстяком. Тролль же при этом только отступил на шаг и, скрестив руки на груди, наблюдал за гномами.

— Может мне вызвать стражников?

— Не надо, — капитан справился со своей стороны с рукой Толстуна и, заломив её за спину, вывел буяна за дверь.

— Не красиво получилось, конечно, — извинился за друга штурман, — но про гоблинов вы зря сказали, у нас ними недавно был бой, так что мы чудом живы остались.

Тролль чинно поклонился и сделал жест, который у любой расы, наверное, обозначает «забудем всё» или «а, ладно». Тролль махнул рукой и примирительно спросил:

— Так вам нужны вёсла?

— Да, мы тут в шторм попали, часть вёсел сломалась. Мы бы хотели штук десять прикупить. У нас пятиметровые вёсла. Такие, есть? — это вернулся капитан.

— Вам, господа, ужасно повезло, у меня есть четырнадцать пятиметровых вёсел, за все я прошу двести дублонов, — тролль зашёл за прилавок и вынул большую книгу или тетрадь, наверное, он туда записывал все покупки.

Ивашка с капитаном переглянулись, у них было только сто пятьдесят дублонов.

— А нельзя ли немного подешевле? — Ивашка напрягся весь, вспоминая, как эльф учил его читать мысли, и впился глазами в продавца.

«Уступлю, — думал тролль, — попрошу у них сто пятьдесят. Всё равно вёсла через пару дней вернутся ко мне».

— Сто пятьдесят, — услышал штурман слова тролля, продолжая осторожно прощупывать его мысли. Что конкретно замышлял продавец, было не ясно, но что это как-то связано с гоблинами, Ивашка усвоил.

— Пойдёт.

— Когда заберёте? — осведомился тролль.

— Завтра, наверное, — прикинул капитан.

— Нет, нет, — вмешался Ивашка, — Сейчас и заберём, — и шёпотом капитану, —

Потом объясню.

— Сейчас, так сейчас, — продавец сделал приглашающий жест, — пойдёмте, я покажу вам, где они лежат, и повёл моряков на склад.

Вёсла лежали аккуратными штабелями прямо у входа. Ивашка, даже не присматриваясь внимательно, сразу оценил — «Уже были в работе, а затем просто чуть подкрасили их». Но в целом вёсла были неплохие, лёгкие и прочные. «Тиковые» — сразу узнал древесину, успокоившийся Толстун.

Пока капитан расплачивался с торговцем, а заняло это не меньше получаса. (Ну, вы же знаете троллей. Они каждую монетку на зуб проверяют — не фальшивая ли. А всё почему? Сами воры, мошенники, плуты, всех норовят обмануть, да ограбить. Вот им и кажется, что и все вокруг такие же.) Так вот, пока капитан расплачивался с торговцем, Ивашка с Толстуном вынесли вёсла со склада на улицу и даже успели поймать телегу, чтобы доставить их на корабль. Вышел капитан, от отвращения весь подёргиваясь, да и кому доставит удовольствие, когда на ваших глазах кусают, облизывают, обнюхивают сто пятьдесят монет. Всем видом при этом показывая, что считают тебя фальшивомонетчиком. Дорогой молчали. Капитан был оскорблён и горестно вздыхал. Толстун, он, когда трезвый, всегда молчит. Ивашка же старался разобраться в мыслях, которые он «подслушал» у тролля. По всему выходило, что тролль торгует морским снаряжением, которое гоблины снимают с захваченных и разграбленных кораблей. Вот так история. Как же это он подумал? «Уступлю, всё равно все вёсла ко мне вернуться». Это что же значит, тролль хочет с гоблинами напасть на нашу галеру и ограбить, ну, а нас, соответственно, поубивать.

На корабле почти ни кого не было. Вся команда разбрелась по кабакам, остались лишь прикованные, как и положено на стоянке, каторжники, да несколько дежурных. Ивашка сразу позвал всех на совет, и капитана, и Толстуна, и эльфа. Капитан знал, что штурман с колдуном занимаются магией, но когда Ивашка рассказал, как он влез в голову к троллю, и узнал его мысли, у капитана даже челюсть отвисла.

— Да, ты что можешь и у меня в мозгах копать? — капитан даже прикрыл голову руками.

— Ну, могу, наверное, не пробовал. Я вообще в первый раз попробовал, — Ивашка смутился, не привык ещё к тому, что становится потихоньку колдуном. Гном и вдруг — маг. Да, он и сам бы не поверил в это пару месяцев назад.

— Не о том мы говорим, — вмешался Толстун, — это что выходит, вон тот огромный гоблинский фрегат сейчас дожидается, когда мы выйдем в море, догонит нас и захватит. Это куда же мы катимся? Скоро гоблины придут ко мне домой, заберут, что им понравится, а мне по морде надают. Здорово получается. Что ж у нас военный флот только в носу ковыряться может, если эти твари так распоясались, — Толстун такую длинную речь держал, наверное, первый раз в жизни, даже вспотел от усилия. Махнул рукой и, чертыхаясь, вспоминая всех богов, уселся в кресло стоящее в углу.

— Может, дождёмся ещё какого-нибудь корабля, который в нашу сторону пойдёт, и вдвоём поплывём, тогда гоблины наверняка не решатся напасть, — предложил капитан.

— А что ты скажешь, маг? — повернулся Ивашка к эльфу.

— Я плохо знаком с морем. Но, думаю, что сейчас у нас есть чем противостоять гоблинам.

— О чём это ты эльф? — капитан недоверчиво глянул в иллюминатор на гоблинский корабль, — Да он в три раза больше нашего и команда почитай с сотню.

— А мне нравится предложение эльфа, — поддержал учителя штурман, — Я всю дорогу до пристани об этом думал. Маг теперь обладает жезлом власти, и у меня есть. Мы возьмём в руки по одному камню Агавы. И ещё два кинжала из когтя дрона. Да три комбинезона из шкуры чёрной змеи. Можно ещё катапульту прикупить и большой самострел, такой же как у нас, помните во втором магазине видели.

— Вы с ума сошли оба со своим колдовством. Там сто гоблинов, а у нас всей команды пятьдесят гномов, да из них большинство каторжники. Ну, пустим мы с десятков стрел, пусть даже все попадут в цель. И катапультую я допускаю, столько же уложим. Так ещё останется восемьдесят рассвирепевших гоблинов. А у нас что же — два кинжала и какие-то камни Агавы? — капитан безнадежно махнул рукой.

— Я бы тоже подрался, — произнёс тихо Толстун из своего угла, — Пусть даже в последний раз.

— Нет, это сумасшедший дом, а не мой корабль. А на какие шиши вы катапульту с самострелом покупать собирались, — похлопал капитан по пустым карманам.

И всё-таки решили дать гоблинам бой. Эльф сказал так:

— Не каждый день гномы нападают на гоблинов, но ведь тоже и гоблины не каждый день нападают на двух магов сразу. Подумайте. Ивашка с Толстуном могут надеть комбинезоны из шкуры змеи и взять в качестве оружия кинжалы из когтей дрона. Они будут входить в гоблинов как в масло. Филиппа тоже можно одеть в чёрный комбинезон. А у меня есть жезл мага. Так что с нами четверыми гоблинам придётся повозиться.

— Правильно, — Ивашка уже загорелся битвой, купим ещё один арбалет и катапульту, установим на корме, когда они подплывут к нам на расстояние выстрела, засыпем их стрелами и горшками с огненной смесью. Потом позволим им пойти на abordаж, сразу перебраться к нам на галеру смогут гоблинов пять или шесть. С этими, я думаю, справимся. Затем ждём ещё одной атаки. Ну, а потом придёт наш черёд, вот уж этого они ни как не ожидают. Ну, как план? — Ивашка оглядел компанию.

Толстун был «за». Колдун хищно улыбался, лишь капитан с сомнением покачал головой.

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, — наконец, произнёс он, — Давайте сходим в порт, разведаем сколько там на корабле гоблинов. Пусть пойдёт маг. Гоблинам и в голову не придёт, что эльф шпионит для гномов.

— Это правильно, — поддержал капитана Толстун, — Знать, сколько противников, всегда лучше чем не знать. Да, и, я думаю, катапульту и самострел лучше грузить на корабль ночью, пусть будет для ребятшек сюрприз.

Долго ещё обсуждали всякие мелочи, детали. Но зато уже решили твёрдо — дать гоблинам бой.

Капитан с Толстуном, взяв несколько кусочков скорлупы драконьих яиц, пошли покупать арбалет и катапульту. Заплатили, не торгуясь, хозяину лавки сколько он запросил, и договорились, что заберут поздно вечером, как стемнеет. Хорошо хоть в этой лавке хозяином был гном. Толстун заговорщицки подмигнул ему и попросил молчать пока о том, что они покупали и чем расплачивались. Лавочник пообещал молчать, по крайней мере, до их отплытия.

Эльф слонялся по порту и следил за гоблинами и их судном. Он прощупывал мысли команды. Гоблины пили ром, играли в кости и вообще вели себя как хозяева порта, явно не боясь настроить жителей против себя, но было их не много. Маг не мог, конечно, точно сказать, сколько их. Десятка три, ну, может, чуть больше.

Ивашка руководил мелким ремонтом судна и заготовкой провизии с водой. Хотелось закончить побыстрее. Раз уж решили драться, так зачем откладывать, только нервы себе мотать.

Как стемнело, загрузили катапульту и самострел. Ивашка пересчитал стрелы. Двадцать штук. Маловато, конечно. Хотя больше, скорее всего, и не успеть выпустить. Гоблины ведь не мишени, сложа руки, сидеть не будут. Гоблинов обзывали жадными, страшными, но уж дураками никто не называл. Хорошо бы хоть половину из этих стрел воткнуть в любителей пограбить.

Событие пятнадцать

*Война — область опасности, мужество — важнейшее качество войны.
Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц*

С якоря снялись ещё в предрассветных сумерках. Шли на вёслах — ветерок был слабоват. Когда галера гномов «Ястреб» проходила мимо огромного гоблинского корабля, Ивашка вдруг с трепетом осознал, во что они ввязались. «Ястреб» был как игрушка в сравнении с мощным, тяжёлым фрегатом гоблинов.

— «Пилигрим», — прочёл эльф, стоявший рядом с Ивашкой на капитанском мостике.

И словно в ответ на его слова на пиратском корабле поднялся шум, засвистели боцманские дудки. У гномов не осталось никаких сомнений, гоблины сейчас бросятся в погоню и попытаются захватить корабль.

— Да помогут нам боги, — прошептал маг.

— Да помогут нам души всех гномов погибших от рук гоблинов, — тоже шёпотом, в тон магу, произнёс штурман.

Пока шли ввиду острова и позже, когда ещё время от времени попадались рыбацьи баркасы или спешащие в порт суда, гоблины держались в пределах видимости, но особенно близко не подходили. Очевидно, опасались возможных свидетелей. К полудню ветер усилился и галера, идущая на вёслах и всех парусах, делала по десять узлов. Преследователи начали отставать, и видно было, как полезли по мачтам матросы, ставить дополнительные паруса. Скорости опять выровнялись, и фрегат держался примерно в миле позади.

Солнце потонуло в океане, и сразу же начали сгущаться сумерки. В этих широтах ночь идёт буквально по пятам за днём. Вот уже и звёзды высыпали на небо, чтобы продолжить свой извечный хоровод. Ожидание сменилось гнетущей усталостью.

— По-моему, сегодня уже не нападут, подойдут поближе и будут держаться за нами, — капитан тоже целый день простоял на мостике, до боли в глазах всматриваясь во вражеский корабль.

— Отбой тревоги, команде отдыхать.

Ивашке выпала первая вахта, а капитан с эльфом и Толстуном ушли спать. Завтра предстоит тяжёлый день, нужно быть отдохнувшими, полными сил. Когда пробило четыре склянки, Филипп сменил Ивашку у штурвала. Гном спустился к себе в каюту и долго ворочался, всё прокручивая в голове план боя. И только, кажется, закрыл глаза, как заиграли тревогу.

Штурман влез в чёрный змеиный комбинезон, взял кинжал из когтя дрона, в кармашек сунул «Огни Агавы» и прицепил к поясу меч, отобранный у железного тролля в пещере. Вышел на палубу. Утро только начиналось, было прохладно и как-то сыро. Вчерашнее голубое вымытое небо сменилось тяжёлыми тучами. Зато ветер почти улёгся. Паруса еле трепетали.

— Это хорошо, — с радостью отметил Ивашка, — теперь мы за счёт вёсел сможем держаться от них достаточно долго на расстоянии выстрела.

— Приближаются! — капитан указал на близкий уже фрегат пиратов.

— Ну, что ж, пойдём на корму, встретим ребятку, и пусть потом не говорят, что гномы не гостеприимный народ, — Толстун тоже был в чёрном костюме.

Третий змеиный комбинезон был на Филиппе, эльф от него отказался.

— У меня есть жезл, этого достаточно.

— Заряжай, — Толстун был в своей стихии.

Трое матросов по очереди зарядили оба арбалета и катапульты. Фрегат быстро приближался.

— Гребцы, приготовиться, — Ивашка подозвал матроса задающего ритм гребцам ударами барабана, — Когда выстрелим, начинайте грести. Нужно удерживать их на расстоянии выстрела как можно дольше. Постарайтесь. Лучше грести, чем орудовать мечами, полезней для здоровья, — крикнул он матросам, и те заулыбались, на секунду расслабившись.

Ивашка вернулся на корму. Толстун уже пытался прицелиться, но было ещё далековато.

— Смотри, как столпились, — указал он на гоблинов, — Добычу уже делят, наверное. Сейчас я вам подарочек пришлю.

— Слушай, дружище, — Ивашка похлопал друга по плечу, — Давай как в прошлый раз. Пускаем стрелу. Они, конечно, попрячутся. Тогда бросаем им горшочек с горючей смесью. Они бросятся гасить, а мы им ещё стрелу.

— Я так и хочу, — Толстун помахал рукой гоблинам, призывая их к себе.

— Давай, гады, мы вас ждём! — не удержался и капитан.

В ответ раздалось знаменитое гоблинское «Хей — о — хей». Корабли уже настолько сблизилась, что можно было сосчитать и отчётливо различить каждого гоблина, потрясающего копьём или абордажными крючьями.

— Ну, получайте подарочек, гориллы! — и Толстун спустил тетиву арбалета.

Свистнула стрела, и дикий вой с фрегата возвестил, что Толстун верен себе — не промахнулся. Гоблины сгрудились над поверженным сородичем и прежде, чем они успели осознать, что же случилось, Толстун выпустил стрелу из второго арбалета. Ещё один крик. Гоблины бросились к борту, потрясая оружием. Они, вроде, решили, что с галеры бросили копьё и стали швырять в гномов свои. Только расстояние было ещё велико и не долетев десяток метров тяжёлые копьё упали в воду.

— Заряжай! — рывкнул Толстун и бросился к катапульте. Не теряя времени на спуск пружины, он перерубил кинжалом верёвку, и горящий горшок с воем пронёсся над водой, упав, разбрызгивая горящие капли, прямо на головы, сгрудившихся на носу фрегата, пиратов.

Это надо было видеть, сразу десяток гоблинов вспыхнули, как кучи хвороста. Вой стоял такой, что даже не слышно было, как хохотал довольный удачным выстрелом Толстун. Гоблины катались по палубе, стараясь сбить пламя. Двое не выдержали и бросились в воду. И здесь наш снайпер ещё, как говорится, подлил масла в огонь. Толстун направил вторую катапульту, и горшок выплеснул реку пламени точно в центре палубы. Язычки огня радостно набросились на бухты канатов и кучи парусов, лежащих там.

Между тем гномы успели зарядить оба арбалета. Толстун, воодушевлённый удачей, сразу выпустил стрелы. Среди неразберихи на пиратском судне нельзя было с уверенностью сказать, насколько меткими были выстрелы, но Ивашка был уверен — его друг не промахнулся.

Гоблины начали приходить в себя, им удалось сбить пламя с пострадавших и, подчиняясь опытному командиру, пираты спрятались за укрытия. Только несколько

громадных фигур суетились на палубе, гася разыгравшийся пожар. Расстояние между кораблями меж тем всё уменьшалось, и Ивашка отдал приказ гребцам. Вёсла вспенили воду, барабан гулко заухал, выбивая бешеный ритм, и уже через несколько минут пиратский корабль был далеко позади. Но надо знать гоблинов, взбешенные первой неудачей, они бросились ставить паруса, и хотя ветер был слабым, огромное превосходство в площади парусов позволило бандитам быстро догнать гномов.

— Готовимся ко второй атаке, — отдал приказ капитан и Толстун и несколько самых лучших лучников заняли места на корме.

Когда фрегат подошёл на расстояние выстрела, стало заметно, что гоблины усвоили урок — все были в укрытии или прятались за щитами. Тогда Толстун бросил им свой очередной «подарочек». Сразу два горшка с горючей смесью плюхнулись на палубу, разбрызгивая потоки пламени. Но и пираты не сидели, оказывается, сложа руки. Вёдра с водой у них были заготовлены, и Толстун успел выстрелить только один раз, как пожар уже был погашен.

Фрегат неумолимо вырастал на глазах над крохотной галерой. Толстун не отходил от последнего заряженного арбалета. Вот какой-то гoblin не выдержал, высунулся из-за борта, и тот час стрела свистнула, пропев свою песню смерти, и любопытный свалился на палубу поражённый в глаз.

— Лучники приготовились, — капитан удалил всех лишних с палубы.

Только пять лучников, Ивашка, эльф, Филипп и Толстун остались ожидать штурма. Капитан подошёл к Ивашке и одобряюще похлопал его по плечу.

— Вроде всё идёт по плану. Теперь ваш черёд.

— Да, минимум шестерых мы отправили к их богам, — Ивашка вытащил кинжал из когтя дрона.

— Филипп, как они подойдут поближе, запусти в них парочку горшков. Ты у нас самый здоровый, должен добросить.

Корабли сближались, вот уже борт фрегата чиркнул по правому борту «Ястреба», вырывая вёсла из уключин. Гоблины завывали своё «Хей — о — хей». И полетели абордажные кошки, сцепляя два корабля между собой. Десяток гоблинов прыгнули на верёвках вниз на галеру. Лучники успели выстрелить по три раза, пока нападающие не смешались с четвёркой защитников «Ястреба». Ивашка не разглядел, сколько стрел попало по назначению. Прямо перед ним врезался в палубу гoblin в зелёном балахоне, из его плеча торчала тонкая стрелка. Конечно, для таких громил гномские стрелы не слишком страшны, но этот от боли выпустил верёвку, а удар о палубу на время отключил его. Ивашка, не раздумывая, ткнул ему в шею кинжал. И в который уже раз подивился, с какой лёгкостью коготь дрона протыкал врагов своего хозяина. Вот ведь блин, а раньше он обо всей этой магии и слыхом не слыхивал. Кровь брызнула из гоблина, словно проткнули бурдюк с красным вином.

Ивашка огляделся. Бой был в самом разгаре. Толстун положил уже одного пирата и сейчас фехтовал со вторым. Филипп отбивался от двух гоблинов сразу. Эльф стоял, спокойно ожидая, когда его противник встанет на ноги после очередного удара молнии из магического жезла. Вот бандит вскочил, и опять бросился на мага, размахивая огромным мечом. Из жезла вылетела яркая искра, и гoblin свалился, и по потоку крови, хлынувшей у него изо рта и носа, Ивашка понял, что навсегда. Но наслаждаться картинами боя было некогда, и штурман поспешил на помощь Филиппу. Ранен тот, вроде, не был. Хотя Ивашка сам видел, как удар гoblinского меча пришёлся прямо по руке, но что-то с ним было не так.

Гном отступал, держа в вытянутой руке клинок, а левая рука безвольно болталась вдоль туловища. Сломана — догадался Ивашка. Тут Филипп пропустил ещё один удар. На этот раз колющий, но меч наткнулся на змеиную шкуру и просто отбросил гнома к мачте.

Медлить было нельзя. Ивашка подбежал к гоблину, который занёс меч над головой, надеясь разрубить Филиппа пополам, и тихонько кольнул его кинжалом в спину. Почувствовав боль, гoblin развернулся, всё ещё держа меч над головой, и Ивашка по самую рукоятку вогнал ему клинок в живот. Меч выпал из волосатых лап пирата и со звоном покотился по палубе. И тут свет померк, и на Ивашку навалилась тёмная страшная тяжесть, подмяла его под себя и распластала на палубе.

Он ещё смутно слышал шум боя, звенели мечи, щёлкали молнии, а его всё вдавливало и вдавливало в палубу.

— Что же это может быть? — гадал штурман, как вдруг тяжесть исчезла, и свет ударил в глаза. Рядом стояли его друзья, эльф, как будто не было боя, Толстун, весь с головы до ног в крови, капитан, почему-то мокрый весь.

— Жив! — чуть не хором крикнули они прямо в уши Ивашке.

— Да, вроде, — и он начал ощупывать себя, — Всё цело. Что же это было?

— Да, уж, было! — Толстун подал руку и помог Ивашке встать, — Ты, когда гоблина кишки выпустил, он на тебя стал падать. А тут ещё один гoblin сверху прыгнул, ну, маг его как молнией шархнет. Гoblin на твоего свалился, и оба они на тебя упали. А мы кинулись, тебя нет. Хорошо Филипп в сторонке стоял и показал где ты.

— Как он? — остановил Толстун капитан.

— Филипп-то, да, ничего, выживет. Рука сломана, но ни одной царапины.

— А что гоблины? — пришел в себя Ивашка.

— Гоблины? — капитан обвёл рукой палубу, — Двоих лучники сняли. Трёх — маг своими молниями «испепелил». Толстун двоих и ты двоих. Итого десять. Хорошая арифметика. Всего уже не меньше пятнадцати, половина дела сделана.

Ивашка глянул на левый борт. Корабли всё ещё были прочно стянуты между собой, но новой атаки пираты пока не начинали. Явно не ожидали они такого сопротивления от жалкой гномской галеры.

— А, что, может, напасть на них? Сейчас пока они там планы строят, — Толстун рвался в бой.

— Кто нападёт-то. Вы втроем остались, — капитан указал на стягивающего комбинезон Филиппа.

Обсудить планы нападения гномам не дали. Раздалось вновь леденящее душу «Хей — о — хей» и сверху посыпались гоблины.

— Боги, сколько их?! — капитан потянулся за кинжалом.

— Лучники, пли! — Ивашка бросился в самую гущу спускающихся гоблинов.

Над головой его засвистели стрелы, но думать о безопасности было некогда. На штурмана уже летел, размахивая мечом, пират. По новому бархатному изумрудно-зелёному балахону Ивашка догадался, что перед ним не простой матрос, а один из офицеров. На заросшем волосами лице видны были только жёлтые злые глаза. И Ивашка, взглянув в них, сразу понял, как ему справиться с этим противником. Он перехватил кинжал за лезвие и метнул в бандитскую харю. Кинжал по самую рукоятку вошёл в правый глаз. Гном, ни на минуту не останавливаясь, на ходу, вытащил из-за пояса клинок, добытый в пещере у железного тролля, и рубанул второго пирата, приземлившегося между ним и теперь

одноглазым. Раненый схватился за руку, выпустил меч, а Ивашка не останавливаясь, бросился к своему волшебному кинжалу. И только успел вытащить его из глазницы, как получил страшный удар по рёбрам. Как мячик отлетел он метров на пять и летел бы дальше, но пребольно врезался в борт. Оружия, однако, из рук не выпустил. Костюм из змеиной кожи спас Ивашку от удара мечом. «Пополом бы разрубил», — успел он подумать. И тут ещё один пират набросился на него, как косою размахивая огромным сверкающим мечом. Ивашка корчился от боли в ушибленном боку и только и мог, что вытянуть руку с кинжалом вперёд. Вдруг прямо по глазам ему полыхнула молния — это эльф вовремя пришёл на помощь. Обугленный гоблин свалился перед штурманом. Превозмогая боль в спине и боку, Ивашка кое-как поднялся на ноги.

Трое гигантов атаковали Толстуна. Тот отчаянно отбивался, прижавшись спиной к мачте, но силы были явно не равны. Гоблины просто забивали его мечами, крови не было, что ещё пару ударов и Толстун свалится. Ивашка применил уже испытанный приём, перехватил кинжал из драконьего когтя за лезвие и метнул в спину одному из троих противников Толстуна. Эльф в это время срезал молнией другого. Ивашка уже доковылял почти до мачты, когда, привлечённый вспышкой молнии, последний гоблин, повернулся и оказался с ним нос к носу. В руках у гнома был клинок железного тролля и как же жалко он смотрелся рядом с гоблинским мечом. Просто маленький ножичек. Ивашка взялся за эфес двумя руками и с трудом парировал удар пирата. Второй нанести ему помешал Толстун, еле живой, он всё же сумел доползти до гоблина. Встать уже сил не хватало, и отважный гном всадил свой кинжал бандиту в ногу. Тот покатился по палубе, обливаясь кровью, Ивашка весь вытянувшись успел рубануть его по плечу. Визг стоял, как будто режут поросёнка.

Ивашка доковылял до друга и убедился, что тот вроде не ранен, наверное, как и Филипп переломан весь.

Восемь гоблинов было убито, двое раненых, спасаясь от стрел гномов, прыгнули за борт. Оставшиеся пять или шесть укрылись за рубкой, загнанные туда эльфом. Один из них хотел видно добежать до борта, чтобы прыгнуть в воду, но маг на половине дороги эту попытку молнией пресёк. Остальные притихли.

Ивашка потихоньку приходил в себя. Бок уже болел меньше, ноги слушались, и в голове прояснилось. Он вытащил из кармана «Огни Агавы» и силы хлынули в его избитые мышцы.

Оставшиеся в живых гоблины решили в это время, видно, прорываться с боем к своему кораблю. Вчетвером выскочили они из-за укрытия и, вращая мечами, помчались к свисающим с фрегата канатам. Добежали-то они благополучно, но вот забраться на пятиметровую высоту по канату? На это нужно время. А вот его-то маг с Ивашкой им и не дали. Эльф с ходу спалил одного молнией. Штурман уже отработанным приёмом метнул кинжал и попал прямо в шею другому. В последних гоблинов полетели стрелы лучников. Один сорвался за борт в воду, другой грохнулся об палубу, вскочил на ноги и колдун швырнул ему молнию прямо в лицо. Волосы на голове у бедняги вспыхнули чадящим жёлтым пламенем, и гоблин как, подкошенный, рухнул на палубу.

Событие шестнадцать

*Три тысячи акул мне в глотку!
Фок-грот-брамсель мне в левое ухо!*

Тишина установилась такая, что слышно стало, как мерно плещут волны о борта судов, да поскрипывают на ветру мачты. Ивашка, прихрамывая, подошёл к люку и крикнул гномов наверх. Те выходили из трюма, где скрывались. С опаской, недоверчиво обходя трупы пиратов. Воняло жжёным мясом. Вся палуба залита кровью и шага не ступишь, чтобы не поскользнуться.

Матросы раздевали гоблинов и впятером, вшестером, кряхтя от натуги, стали сбрасывать их за борт. На корм акулам. Самым дефицитным материалом у гномов был бархат. Сами они его делать не умели, а с гоблинами не торговали. Поэтому комбинезон из бархата стоил целого годового заработка матроса и упустить сразу столько бархатной одежды капитан не захотел, сам помогая матросам стягивать с гоблинов зелёные балахоны и относить их в трюм.

Когда на палубе более или менее навели порядок (палубу очистили от трупов, кровь смыли), раненых Филиппа и Толстуна унесли в кубрик, капитан, эльф и Ивашка подошли к правому борту. Нужно было решать, что же делать с фрегатом всё ещё крепко привязанным к их галере.

— Нужно нам с магом туда подняться, посмотреть, вдруг там ещё гоблины остались.

— Не думаю, — капитан подёргал за свисающие сверху верёвки, — Если бы были живые кто, они бы давно перерезали верёвки и попытались уйти.

— А что с фрегатом вообще делать? Может сжечь его? — предложил маг.

— Как это сжечь?! — капитан даже подпрыгнул, — Отведём его в порт. Это будет лучший корабль во всём флоте.

— Да, кто поведёт-то? У нас и самих гномов осталось, кот заплакал. А ещё тащиться через весь океан. Да по местам, где гоблины шастают, — Ивашка недоверчиво осмотрел огромный корабль. И тут его осенило, — Придумал! Правильно, нужно фрегат себе взять. Только не мы его потащим, а он нас. Прицепим к нему галеру, сами все переберёмся на него. Паруса зелёные и флаги, всё оставим как есть. Если гоблины и попадутся по пути, будут думать, что нас захватили и тащат на буксире.

— Точно! — капитан в восторге хлопнул Ивашку по плечу, и тот скривил от боли в боку.

— Полегче, у меня рёбра, наверное, сломаны.

— Извини, честное слово не знал. Ты нормально, кажется, держишься, — и капитан поддержал покачнувшегося Ивашку.

— Это у меня волшебные камни в руке. Пока держу, то боли не чувствую.

— Да, это одно из свойств «камней Агавы», — вмешался эльф, — Они увеличивают силу и снимают боль.

— Ну, раз ты инвалид, тогда я с эльфом на фрегат в разведку пойду, — капитан решительно взялся за верёвку и полез вверх.

Маг, смешно извиваясь, стал карабкаться следом. Благополучно добравшись до борта фрегата, они перевалились через него и исчезли. Почти сразу полыхнула сверху молния, но больше ничего не было слышно. Ивашка уже волноваться стал, так много времени прошло, а их нет. Час уже может, прошёл, когда, наконец, показалась улыбающаяся физиономия капитана.

— Один был, маг его под канатами нашёл и пригвоздил молнией, — капитан спустился вниз по верёвочной лестнице, которую нашёл где-то на фрегате, и заговорщицки прошептал Ивашке в ухо прямо.

— Знаешь, кого мы там нашли?

— Неужели тролля, продавца? — обрадовался штурман.

— Ну, с тобой не интересно, — фыркнул капитан, — Прятался, гад, в каюте. Я его стулом по башке долбанул и связал. Зато ты не угадаешь, кого мы там ещё нашли.

— Пленников, наверное.

— Это козе понятно, что пленников, а каких именно? Ставлю месячное жалование, что не угадаешь.

— Своих денег девать некуда. Ладно, сдаюсь.

— Трёх гномов, баньши одного, двух эльфов и, только подумай, — жёлтого баньши! — капитан любовался произведённым эффектом.

— Жёлтого баньши??? Да, они все вымерли, — Ивашка на самом деле был поражён.

— Ну, этот-то живёхонек. Ещё не вымер. Исхудал, правда.

— А маг-то где? — поинтересовался Ивашка.

— Он в трюме корабля своими эльфами занимается, — капитан подозвал боцмана и отдал команду «Свистать всех наверх».

Заиграла боцманская дудка и гномы стали один за одним подниматься на палубу. Когда все собрались, капитан указал на фрегат.

— Все знают, надеюсь, что мы захватили у гоблинов этот корабль. Эта победа войдёт в учебники по истории. Ни разу ещё не было, чтобы один на один такая маленькая галера захватила огромный фрегат, полностью уничтожив команду из тридцати двух гоблинов и не потеряв ни одного своего. Только двое раненых. Только это ещё не полная победа. А полной она станет, если мы доведём этот фрегат до дому и свой корабль не потеряем. Мы тут со штурманом гадали, как быть, и решили — все переходим на гоблинский корабль, а «Ястреб» возьмём на буксир. Если вдруг гоблины нам встретятся, пусть думают, что нас захватили. Может и мимо проплывут. Ну, а если нет, дадим бой. Тогда придётся два корабля домой тащить. Команда весело прыснула, оценив шутку капитана.

— Давайте, чем быстрее туда переберёмся, тем быстрее дома будем.

Напоминание о доме подстегнуло моряков, и работа закипела. Матросы перетаскали свои нехитрые пожитки. Кок обследовал запасы гоблинов и не нашёл там почти ни каких продуктов, (видно рассчитывали за несколько дней управиться с «Ястребом» и вернуться опять на Медузу). Съестные припасы поднимали на фрегат в больших корзинах. В этих же корзинах подняли Толстуна, Филиппа и Ивашку, которые сами, конечно, забраться не могли.

Ивашка дал Толстуну один из красных камешков, и тому сразу полегчало, он перестал стонать и забылся исцеляющим сном. Ивашка, видя, как мучается Филипп, второй камень отдал ему. Кузнец тоже почувствовал облегчение и уснул. Зато боль набросилась на Ивашку как бешеная собака. То бок кольнёт так, что не вздохнуть, то нога занает, то ушибленная спина. Ивашка выбрал себе на фрегате каюту одного из офицеров и, разлэгшись на огромной

кровати, всё прокручивал в памяти сегодняшней бой. Где они ошиблись, что чуть не погибли все? Конечно, вчетвером воевать с горилоподными пиратами, каждый из которых в два раза выше гнома и в четыре тяжелее — не лёгкое дело. Но могли бы обойтись и меньшими потерями. Нужно было лучников использовать полнее, а самим только добивать раненых. И не бросаться в самую гущу врагов, а разить их молниями и кинжалами на расстояние.

«Ничего», — подумал Ивашка, — «Дорога длинная, ещё, скорее всего, придётся с гоблинами столкнуться. Вот и попробуем применить новую тактику».

Сон вскоре сморил нашего путешественника, и приснилось ему, что на острове каком-то повстречал он жёлтого баньши, и всё пытался с ним заговорить, но тот не понимал ни гномского языка, ни общего, а Ивашка ни слова не понимал по ихнему, по языку баньши. Так они и сидели на солнцепёке, размахивая руками, тыча друг в друга пальцами и строя рожи. Умора.

Проснувшись, Ивашка даже гадать не стал, с чего бы ему такой сон приснился, и так ясно. Среди пленников был жёлтый баньши, вот и приснился ему сон про жёлтого баньши. Ушибы болели уже меньше, боль в ноге вообще прошла. Однако когда штурман попытался подняться с кровати, боль в боку явственно о себе напомнила. «Похвораю-ка я денёк», — решил штурман и крикнул матроса, чтобы ему принесли еду в каюту. Но отдохнуть и поболеть не дали Ивашке, только он расправился с завтраком, как вломились капитан с эльфом.

— Ну, и что? Долго ты ещё от народа здесь будешь на перинах прятаться? — капитан сдёрнул с Ивашки одеяло.

— Брат Вандермаст, ты мудро поступил, вручив вчера «огни Агавы» тем, кто страдал сильнее тебя. Теперь же они почти здоровы. Я дал им сонного отвара, и они теперь проспят около суток. А камни я принёс тебе, — эльф протянул Ивашке два красных камешка.

Они сразу наполнили ладонь теплом, и тепло это побежало дальше по руке и потом по всему телу, снимая боль и наполняя мышцы силой. Приятно зачесался правый бок — срастались сломанные рёбра. Не прошло и десяти минут, а гном чувствовал себя совершенно здоровым.

Втроём пошли в каюту капитана, по дороге тот рассказал об освобождённых от гоблинов пленников.

— Гномы, — это простые рыбаки с Медузы. Их только позавчера, когда фрегат погнался за нами, захватили. А вот остальные? — капитан кивнул на мага, — Он с ними говорил.

— Эльфов захватили на Медузе. Ночью ворвались в дом, где они остановились по торговым делам. Самих их притащили на корабль, а имущество и деньги (причём денег много) гоблины забрали себе.

— Вот это да! — удивился Ивашка, — Эти гоблины так обнаглели, что уже из домов эльфов воруют. Что-то я про такое раньше не слыхал.

— Имущество и деньги на корабле, мы ещё утром их эльфам вернули, — сообщил капитан, поглядывая на мага.

Видно не очень-то ему хотелось возвращать пленникам деньги, но авторитет мага после того, как он швырялся молниями в гоблинов, был непререкаем. И пришлось поневоле капитану вернуть вещи и деньги эльфам.

— Баньши тоже был захвачен на Медузе. Он искусный резчик по дереву, говорят, лучший на острове. Вот его гоблины и сцапали, чтобы к себе в рабство увезти.

— А жёлтый баньши? — не вытерпел Ивашка.

— Ну, этот вообще загадка. Ни каких он языков кроме своего не знает, а ни я, ни маг поихнему ни бельмеса не понимаем.

— Жёлтый баньши! — попробовал наш Ивашка на вкус это название, — А можно на него посмотреть-то?

— Пойдём, посмотрим, а что, может, ты на их языке разговариваешь, — пошутил капитан.

— Я знаю на их языке одно предложение, — вспомнил Ивашка своего разговорчивого попугая.

— Тогда пойдём, интересно будет посмотреть, как вы переговариваться будете, — капитан показал дорогу.

Ивашка ещё толком и не видел фрегата. Вчера в суматохе не до этого было. Корабль был замечательный. Раза в два длиннее галеры и почти во столько же шире. Грот мачта была так высока, что на неё и забираться-то было страшновато, а ведь ещё нужно было с парусами управляться. Непрерывно вертя головой и поражаясь, какой отличный корабль они захватили, штурман добрался, сопровождаемый эльфом и капитаном, до каюты, где разместили жёлтого баньши.

— Беда с ним, — по дороге пожаловался капитан, — Что мы ему только есть не предлагали, а он ничего кроме сладкой воды и яблок не ест. Не мудрено, что такой худой. Весь прозрачный даже.

Когда они вошли в каюту, баньши поднялся со стула, на котором сидел, и приветствовал их, сложив ладони перед собой и поклонившись. Он был высокого роста. Выше эльфа. Почти с гоблина. У него были зелёные глаза и золотые волосы. И он на самом деле был страшно худой. Ивашка тоже поклонился ему и произнёс ту тарабарщину, что нёс попугай про остров «Дракона», холмы и сокровища. Услышав свою речь из уст гнома, жёлтый баньши чуть до потолка не подпрыгнул. В ответ он закидал Ивашку градом вопросов, видимо. Но, уяснив вскоре, что его не понимают, умолк.

— Слушай, маг. Как ты думаешь, а если на нём использовать мысленный обмен, помнишь, как ты тогда на острове, когда на меня дрон напал.

— Попробуй сам, я уже пытался, — эльф покрутил над головой рукой, — У него там такой бардак в голове, всё перепуталось.

— А если при этом «огни Агавы» использовать? — прикинул штурман.

— Хорошая мысль.

Ивашка взял в руки по одному красному камешку и попытался проникнуть в голову баньши. И вдруг события произошедшие с тем за последние месяцы чётко предстали перед Ивашкой.

Событие семнадцать

Магию можно увидеть, ощутить, почувствовать, но, увы, умом не понять.

Айшек Норам

Жёлтый баньши слился с деревом. Сейчас же живительные соки потекли в его измученное жаждой и усталостью тело. Баньши раньше не знали, что такое усталость. Они жили в лесах, питались кленовым соком, и не было у них бед. Повалиться с любимой в

мягкой траве, погреться в лучах доброго ко всему живому солнца, а затем перестроить своё тело и слиться с деревом. Вот это была жизнь. А сейчас?

Сначала эта изнурительная война с драконами. Эти летающие гады сожгли тогда почти весь лес и если бы не помощь эльфов, то где бы сейчас жили жёлтые баньши.

Драконов отбросили, тут же навалились гоблины. Что этим нужно было в лесах, вообще не понятно. Ведь даже самый маленький баньши знает, что гоблины живут в разрушенных замках или в пещерах. А тут эти обезьяны вторглись в лес и стали вылавливать баньши и куда-то их уводить.

Салкур, король жёлтых баньши, собрал тогда тридцать девять лучших бойцов и отправил в поход, проследить за гоблинами, разузнать, куда уводят пленных. Но гоблины оказались хитрее. Они устроили засаду, окружили разведчиков, и почти всех перебили, и только Хулкуру удалось убежать. Опасаясь погони и новой засады, он выбрал кружной путь через горелый лес, и пошёл в самый полдень, когда гоблины видят своими огромными рыбьими глазами, привыкшими к темноте, хуже всего. Солнце нещадно палило и, непривычного к открытым пространствам Хулкара, буквально пронизывало насквозь, а деревьев с их живительными соками нигде не было видно. Баньши максимально уплотнил своё тело и шёл как можно быстрее, но только к вечеру, когда солнце окрасилось в багряные тона, он, наконец, достиг опушки леса, не тронутого драконами, и слился с первым деревом. Это был не клён, а ясень и сок его был не такой сладкий. Хулкур всё равно насытился, восстановил силы и лишь тогда вышел на опушку.

Фиолетовые сумерки окутывали лес. Деревья о чём-то шептались под порывами ветра с гор. Первые звёзды, самые смелые, уже хороводили вокруг луны, а одинокий Сириус своим жёлтым глазом оглядывал землю. Баньши видят не так хорошо как гоблины ночью, но всё-таки Хулкара не пугала наступающая темнота. Он был почти дома. Вот по этой тропинке час хода и он у маточного клёна. Нужно рассказать Салкуру о засаде, и о том, что погибли лучшие бойцы баньши. Хулкур представил, как огорчит короля, и пошёл медленнее, зачем спешить с горькой вестью. Может быть, если бы он не сбавил скорость, то лежащая у тропинки серебряная пластинка и не попала бы ему на глаза. А тут Хулкур сразу же её заметил. Пластинка наполовину высывалась из-под валуна, лежащего у дороги. Серебро от времени почернело и пластинка сначала показалась Хулкуру чистой, но, потеряв её о мох и повернув к свету, баньши обнаружил, что на ней что-то написано. Аккуратно завернув её в мох, беглец положил находку в сумку и стал искать крепкую ветку, чтобы сдвинуть камень и посмотреть, не лежит ли ещё что под ним. Камень долго не поддавался, он, казалось, врос в землю, но вот, наконец, усилия Хулкура увенчались успехом, валун одним боком отделился от земли и тихонечко стал подниматься. Из-под валуна побежала всякая лесная живность. Упорхнула ящерка, шмыгнули в траву жучки и паучки, и последней нехотя ускакала большая коричневая бородавчатая жаба. Отвалив камень в сторону, Хулкур перевёл дух и присел над образовавшейся ямкой. На земле лежала ещё одна серебряная пластина и небольшой зелёный камень овальной формы и гладкий на ощупь. Когда баньши взял его в руки, то чуть не выронил, такой камень был холодный.

Сложив свои находки в заплечный мешок, Хулкур подвинул камень на прежнее место и, сделав на траве пахучую метку, чтобы запомнить место, в сгущающихся сумерках продолжил свой путь. Звёзды уже всю завладели небом и красная луна (видно к грозе) успела забраться высоко. Что же ему делать теперь со своими находками, думал баньши. Конечно, лучше всего отдать королю Сулкуру, но ... И начинался целый ряд «но». Во-первых, думал

Хулкур, Сулкур уже очень стар, ему, наверное, уже все пять веков, и жить ему осталось не долго. А во-вторых, он, Хулкур, происходит из рода древних колдунов, и все волшебные предметы должны храниться в роду колдуна. К сожалению колдун Уулкур умер и его сын, двоюродный брат Хулкура, Юлкур тоже умер. Оба они были задавлены рухнувшим на землю драконом. Дракон рухнул, скорее всего, по тому, что они его заколдовали, но видно не рассчитали, и огромная огнедышащая туша погребла под собой колдунов. После их гибели в роду колдунов остались младший брат Юлкура Вулкр и сам Хулкур. Только не тот ни другой почти не умели колдовать, а учиться было не у кого. Хулкур выучил по книге, найденной после похорон колдунов в их дупле, несколько заклинаний, позволявших лечить деревья и отгонять не нужный дождь, но дальше его учёба не продвинулась, ведь после каждого колдовства заклинание забывалось и его приходилось учить заново. А где же взять время на игры с молодыми девушками баньши, на спортивные соревнования молодёжи. Да и как раз началась война с гоблинами. Ну, когда было Хулкуру заниматься колдовством. Но сейчас, когда к нему в руки попало два волшебных предмета, баньши вдруг понял, что магия ждёт его, что она важнее соревнований по перепрыгиванию ручья и даже завлекательнее, чем прекрасные глаза юной Вуул. О, эти зелёные глаза с жёлтыми звёздами в глубине.

Не отдам, решил Хулкур, и дал себе слово с завтрашнего дня всерьёз заняться магией. Перед его глазами встала заманчивая картина, как, надев мантию колдуна, он выбирает себе девушек для продолжения рода колдунов. Размечтавшись, Хулкур чуть не пропустил своротку к посёлку баньшей. Природная осторожность заставила его забыть про мечты и вспомнить, где он находится. Опасаясь, что гоблины могут преследовать и выследить его, разведчик присел за кустом и полчаса просидел неподвижно. Погони как будто не было. Тогда Хулкур бегом бросился по знакомой тропинке к посёлку. Ответив на пароль охранявших посёлок воинов, он быстро взобрался на дерево и пролез в дупло, где находился штаб короля Сулкура.

Ясень, в дупле которого размещалась резиденция короля, был огромен. Потребовалось бы около десятка гоблинов, чтобы, взявшись за руки, они смогли охватить его. Волшебная гнилушка освещала помещение чуть мерцающим голубоватым светом, и от этого казалось, что всё вокруг не живое и не настоящее, вот-вот придёт хозяин зажжёт живой жёлтый свет и всё преобразится. В этом неверном свете Хулкур не сразу заметил короля. Тот стоял спиной к входу и, держа в руках книгу, что-то читал вслух. Услышав шаги, Сулкур обернулся, заметил вошедшего, и, отложив книгу, подошёл и сел на трон.

— Говори, — и по тону стало ясно, что хороших вестей он не ждал.

— Мы попали в засаду, все погибли, гоблины ни кого не оставляли в живых, не брали в плен, я шёл последним, и мне удалось вырваться из кольца. Обрато я шёл через пустыню и гоблины не могли меня выследить, — Хулкур снова пережил свой поход, — Что мне делать?

Король, казалось, ни чего не собирается отвечать. Он продолжал внимательно смотреть на молодого разведчика. Ярко-жёлтые глаза его неподвижно пожирали Хулкура. От этого взгляда баньши поёжился и переступил с ноги на ногу.

— А что ты думаешь, Хулкур? — король встал и приблизился к разведчику, — Ты ведь старший сейчас в роду колдунов.

— Я хотел уединиться и учить заклинания, — Хулкур снова потоптался на месте, отводя взгляд от короля.

— А, что делать мне, как королю? — Сулкур подошёл вплотную к молодому воину, — Драконы, гоблины, лес гибнет, баньши умирают. Их становится всё меньше и меньше. Что

делать мне, чтобы спасти народ?

Хулкур всю дорогу думал об этом.

— Нужно искать другой лес. Нужно сажать там клёны и колдовать, чтобы они росли быстрее. В книге колдуна есть такое заклинание, я видел.

Король выслушал разведчика молча, прошёл назад к трону и сел, забившись, как можно глубже в его алое чрево.

— Да, я тоже думал над этим, нужно вырастить новый кленовый лес. И ты должен мне помочь. Учи заклинания. Завтра же я пошлю разведчиков искать место, где можно посадить деревья, где баньши снова заживут спокойно и счастливо.

Король опустил голову и задумался, потом, через несколько минут, когда Хулкур уже хотел напомнить о себе, слабым движением руки отпустил разведчика.

Ночь безраздельно властвовала над лесом. Ухали филины, хвастаясь своей добычей. Падали звёзды, устав светить на небе. Ветер сдувал пыль с листвы. Надрывались сверчки и цикады, давая понять, что именно они хозяева ночи.

Весть о том, что все разведчики погибли, и вернулся один Хулкур, распространилась уже по всему посёлку. Баньши смотрели на спустившегося с маточного дерева молодого колдуна с такой скорбью в глазах, что тому стало не по себе.

— Ну, не виноват же я в том, что выжил! — хотел крикнуть Хулкур, но понял, сейчас лучше промолчать.

Событие восемнадцатое

Пустыня так огромна, а горизонт так далёк, что они заставляют человека чувствовать себя маленьким, и как будто он должен молчать.

Пауло Коэльо

Хулкур поднялся к себе в дупло и растянулся на полу. Кожа горела, обожжённая солнцем, ноги гудели после долгого перехода. Юноша попробовал, как учил его дядя — колдун, настроиться на самосозерцание и начать восстановление повреждённых тканей, но что-то мешало сосредоточиться. Мысли бежали по кругу, всё время возвращаясь к таинственной находке и Хулкуру надоело с этим бороться. Он встал, оставив лечение на потом, и достал из заплечного мешка свои сокровища.

Камень приятно охлаждал разгорячённую кожу, и баньши захотелось вдруг поводить камнем по всем обожжённым местам. И надо же, камень действительно снимал боль, как бы впитывая её в себя, а то место на теле, которого зелёный врачеватель касался, начинало приятно покалывать. За несколько минут Хулкур провёл камнем по всему телу и даже сам не поверил. Все мышцы налились силой, а кожа стала гладкой и свежей как у ребёнка.

Хулкур знал, что для любого волшебства необходимо подпитка энергией, а ведь его чудесное исцеление — это тоже волшебство. Значит, камень обладает определённым запасом магической силы. Баньши пытался припомнить, что же говорил дядя, когда учил его колдовству. Всё пространство вокруг пронизано энергией, нужно только научиться видеть эти линии и пользоваться ими.

Юноша проделал упражнения, позволяющие сконцентрироваться на приёме энергии. Он сел на корточки, скрестив ноги, отключился от всего происходящего и закрыл глаза. Потом мысленно нащупал в себе маятник и начал его раскачивать, всё убыстряя движение, пока он не слился в один полукруг. Затем так же медленно стал тормозить его. Времени уже не существовало. Не существовало мира вокруг. Был только маятник. Наконец он остановился, замер в нижней точке. Хулкур закрыл глаза и настроился на приём энергии. И, правда, множество линий сверкало вокруг. Были бледные жёлтые и яркие как молнии — голубые. Хулкур знал — жёлтые, чтобы отбирать жизнь. Голубые, чтобы создавать, питать, усиливать. Голубой — цвет добра, жизни. Жёлтый — цвет тлена, цвет — осени, цвет — смерти.

Желтых линий было много, умирали насекомые, отдавая свои тонкие лучики в большие потоки. Отмирали листья на деревьях, гибли целые лесные великаны клёны, выплёскивая в мир целые потоки жёлтого цвета. Голубых линий было мало. Ночные мотыльки исполняли танец любви, разбрызгивая голубые искорки. Пробивался росток дерева вместе с тонким лучиком живого света.

Хулкур огляделся. Одно место в его дупле просто переполнялось от голубого свечения. Это сиял зелёный камень. Баньши попытался, как учил его старый колдун, впитать эту энергию и направить её на что-нибудь. Долго выбирал и увидел у подножия своего дерева маленький кленовый росток, слабую голубую искорку. Хулкур осторожно отделил от синего пламени, бушующего вокруг камня, поток толщиной в руку и направил его взглядом к ростку

клёна. И произошло чудо. Клён стал расти прямо на глазах, за секунду вытягиваясь на целый метр. Прошла всего пара минут, и великан клён оказался на месте маленькой веточки. Это было неслыханно. Бывший колдун мог вырастить дерево за день, а здесь — всего несколько мгновений. Сколько же энергии таится в этом маленьком камушке. Причём, баньши не устал, как если бы вырастил дерево с помощью заклинания, вбирая энергию со всей доступной территории. Здесь он просто служил мостиком от зелёного камня к клёну.

— О, Херне! — поднял глаза к небу Хулкур, — Имея такой источник жизненной силы можно творить любые чудеса.

Молодой волшебник достал из сундучка с колдовскими предметами книгу заклинаний, доставшуюся от дяди, и стал разыскивать, что ни будь интересное. Святящиеся гнилушки, выращивание растений, заживление ран — это всё он уже пробовал. Вот создание маточного дерева — дерева огромных размеров с дуплом в центре. И заклинание-то не очень длинное. Легко выучить. Вот он завтра удивит всех.

И всё-таки, когда Хулкур полностью освоил заклинание, последние звёзды прощались с лесом, и только Утренняя звезда ярко переливалась на востоке, ожидая чтобы уступить место на небесах самому солнцу. Юный волшебник растянулся на скамье и в предвкушении, как он завтра удивит весь народ, сладко зевнул. И приснилось ему, конечно, как на берегу моря он выращивает прекрасный лес, состоящий из одних только клёнов великанов. И как от него в страхе разбегаются гоблины.

Пробуждение было лёгким и радостным, как в детстве, когда ещё была жива мать. Она подходила к Хулкуру, увидев, что он захлопал своими золотистыми ресницами, и щекотала его травинкой. Мальчик держался изо всех сил, чтобы не засмеяться, и, наконец, прыскал и бросался матери на шею. И оба они заливались счастливым смехом. Сейчас матери не было. Она погибла ещё при нападении драконов. Но ощущение было как тогда. Наверное, это тоже энергия зелёного камня, мельком подумал Хулкур, и сейчас же об этом забыл. Его ждали чудеса. Баньши тихонько выглянул из дупла. В посёлке шла обычная жизнь. Мальчишки стреляли из лука и кидали копьё. Женщины собирали ягоды и травы для ароматных мешочков.

Обычный летний день.

Стараясь не привлекать внимания, Хулкур спустился с дерева, разрядил тело, как только мог, и слился со своим любимым клёном, поглощая сладкий прохладный сок. О, Херне, как бы хорошо могли жить баньши, если бы не гоблины и драконы. Откуда в мире берётся зло? Есть ли источник этого зла, и если есть, то нельзя ли завалить его горой, что ли, перекрыть доступ в этот мир. Насытившись, баньши расстался с клёном, уплотнился и приблизился к группе девушек и детей.

В руке Хулкур держал маленькое семечко клёна — крылатку. Постоял, нагнулся, якобы поправляя сандалии, и незаметно воткнул семечко в землю. Потом перебросился парюю слов с девушками и так же, не привлекая внимания, отошёл на край поляны. Здесь баньши бережно достал из заплечного мешка зелёный талисман, и, зажав его в руке, сконцентрировался на переброске энергии к ростку клёна. Хулкур на всякий случай дважды прошептал заклинание, позволяющее вырастить из клёна маточное дерево, и направил поток энергии к ростку. Семя ожило через несколько секунд, появился тоненький синий лучик, а за ним по пятам поползла вверх тонкая зелёная веточка. Баньши заметили новое дерево, когда клён уже достиг высоты в два роста гоблинов. Раздались призывные восклицания и детвора, а затем и взрослые баньши стали стекаться к месту колдовства. Дерево до высоты в

пятьдесят метров поднялось за несколько минут. Но это было далеко не всё. Теперь клён стал расти в толщину, заполняя собой всю поляну и тесня, разинувших рты баньши. А внутри у него стала образовываться пустота, с оглушительным треском лопалась древесина. Ещё пять минут и огромное маточное дерево, больше чем у короля, с прекрасным дуплом возвышалось на том месте, где только что играли мальчишки, упражняясь в стрельбе из лука.

Хулкур был страшно горд собой. Ещё бы, ни его дед, ни его дядя не смогли бы вырастить такой клён. А он, ещё совсем молодой, смог.

Вдруг сзади чья-то рука легла ему на плечо.

— Надо полагать, это сделал ты?! — Сулкур был не в обычной королевской мантии, а в лёгкой накидке и Хулкур даже не узнал его сразу.

— Я, — молодой волшебник так и не решил, рассказать ли королю о зелёном камне.

— Что ж, это великое чудо. Я прожил на свете, наверное, пять веков и не припомню, чтобы хоть один из колдунов баньши мог вырастить такого великана. У тебя великий дар. Какие у тебя теперь планы? — король цепко смотрел Хулкуру в глаза.

Тот, честно говоря, и не думал ни о каких таких планах. Просто хотел удивить всех, а тут на тебе.

— Мы же вчера говорили, нужно вырастить новый кленовый лес. Где-нибудь на берегу океана, — припомнил колдун свой ночной сон.

— На берегу, — Салкур был поражён, — Но ведь между нами пустыня.

И тут Хулкур понял свой сон. Конечно, нужно перебраться на берег моря. А пустыня будет служить препятствием для гоблинов. Он сразу же выдал это королю.

— Пустыня? — Ну, а мы-то как переберёмся через пустыню? Баньшам ведь труднее чем гоблинам, — король оглядел свой народ, собравшийся чуть ли не весь на поляне вокруг маточного клёна.

Мало осталось жёлтых баньши на свете. Совсем мало. И если не найти безопасное место, то скоро последние из них будут схвачены гоблинами или сожжены драконами.

— А если по дороге выращивать прямо в пустыне через каждый переход небольшую рощицу клёнов. Идти ночами и перед уходом деревья сжигать или срубать.

— Сжигать клёны? — Сулкур оглядел внимательно Хулкура с ног до головы, — Это звучит примерно как «убить мать».

— Я понимаю! — Хулкур пожелтел весь до кончиков ушей, — Но ведь тогда гоблинам точно до нас не добраться. А так они смогут, используя сок деревьев вместо воды, перейти пустыню вслед за нами.

— И кто же будет их сжигать? Деревья? У кого хватит духу? — Салкур кивнул на, стоявших в стороне, баньши. Те, казалось, чувствовали, что молодой колдун и король сейчас решают их судьбу, и стояли молча. Даже самые маленькие и непоседливые прильнули к матерям, зарывшись личиками в накидки.

— Я!!!

— Что? Я! — не понял король.

— Я их выращу, а затем я же их и сожгу и пепел развею по пустыне, чтобы на века гоблины позабыли про жёлтых баньши! — спокойно глядя в глаза королю, но очень тихо произнёс колдун.

— И не боишься, что тебе дадут имя «Алкур»?! Сжигатель душ?!

Хулкур вздрогнул.

— Значит, Херне так решил за меня. Ведь будет спасён мой народ.

— Удачи тебе, сынок, — король прижал юношу к своей груди, плечи его вздрагивали, — Удачи тебе! — еле слышно прошептал он снова на ухо Хулкуру. Быстро отстранился и отвернулся, чтобы скрыть предательские слёзы.

— Я пошлю с тобой десяток воинов в разведку. По карте до моря десяток переходов, с каждой стоянки отправляй одного назад. Когда придёт десятый, мы всем народом пойдём через пустыню. Воинов можешь выбрать сам. Только твой брат пусть останется. Если среди баньшей не останется ни одного колдуна, как же мы будем жить?

— Хорошо, я пару дней уделю ему, попытаюсь научить тому, что умею. Только вряд ли из этого что получится, — Хулкур смешался. Он вплотную подошёл к тому, чтобы выдать тайну зелёного камня.

Король ничего не заметил.

Хулкур на следующий день отобрал десять воинов и освободил их от всех работ в посёлке. Пусть набираются сил. Сам же пытался заниматься с братом. Юулкур был ещё совсем мальчишка, и заставлять его сидеть на месте и раскачивать маятник, было сущим наказанием. К тому же, ни у того ни у другого не было особого желания. Хулкур не верил, что с ним может, что ни будь случиться. Чувствовал себя всемогущим, великим магом. Почти, как легендарный колдун Тилкур, что основал этот посёлок тысячи лет назад. Говорили, он умел создавать животных. Что ж, вот появится свободное время, он — Хулкур, тоже попробует. Вроде, в дядиной книге он видел такое заклинание. Ученик, видимо, чувствовал настроение своего наставника и как мог, отлынивал от учёбы. В результате за два дня, только что и научился, что прятаться от брата в стволах клёнов.

Вечером второго дня Салкур вручил Хулкуру карту и рассказал о том, как ориентироваться в пустыне, как узнавать пройденное расстояние, и как откладывать его на карту. Потом, видя, что маг понял плохо, отобрал у него карту, заменил одного из отобранных воинов опытным разведчиком и вручил ему карту.

Выступили, едва рассвело, шли быстро знакомыми тропами, и к полудню, когда сделали привал, и отметили пройденный путь на карте, оказалось, что дневной переход почти прошли, осталось не более часа ходьбы. Хулкур посоветовался с разведчиками и решил график не нарушать. Отыскивали хорошие взрослые клёны, разрядили тела и слились с деревьями, впитывая сладкий прохладный сок, пока не почувствовали пресыщения. Без приключений добрались до намеченного на карте привала. Крутой берег реки словно разделял два мира. На этом берегу был лес, на том степь. Только редкие кустики то там, то здесь, скрашивали пустынный пейзаж. А ветру зато было раздолье, волнами пробегал он по ковылю. Будто море, к которому шли баньши.

Встали посреди ночи и питались, пока не забрезжил рассвет. А когда появилась утренняя звезда, переплыли реку и пошли прямо на звезду, как и объяснил король. Один воин ушёл назад в посёлок. Их осталось десять. Шли быстро, только один раз задержались, уже когда взошло солнце. Посреди степи увидели небольшое озеро с грязной стоячей вонючей зелёной водой. Хулкур достал пять кленовых семечек и воткнул их в землю неподалёку от воды. Он зажал в руке зелёный камень и направил его энергию на семена. Сразу все пять проклюнулись и потянулись вверх. И здесь Хулкур понял, что с пятью ему, пожалуй, не справиться. Клёны росли медленно, и энергии камня не хватало. Молодой колдун и не заметил, как начал отдавать свою. Первым предупреждением послужило то, что ноги перестали его слушаться, и пришлось сесть, а когда рука, сжимающая камень, стала сама вдруг раскрываться, Хулкур осознал, наконец, что где-то допустил ошибку, и остановил

поток энергии. Он так ослабел, что воинам пришлось нести его к ближайшему клёну, и Хулкур даже испугался, у него может не хватить сил, чтобы разрядить своё тело настолько, чтобы слиться с клёном.

Молодой организм быстро восстановился после питания, но дорастивать деревья колдун не стал и отряд пошёл дальше. Солнце быстро взбиралось по небу, становилось жарко. Как раз дошли до группы кустов шиповника и устроились на привал, переждать до вечера. Дальше решили идти по ночам. Всё не так жарко. Выставили часовых и, накрывшись накидками, уснули. Хулкуру сон был просто необходим, ведь жизненная сила, необходимая для применения магии, восстанавливается в основном только во сне. А ведь ему ещё необходимо вырастить в этом месте кленовую рощицу, чтобы жёлтые баньши во время перехода смогли здесь восстановить силы.

Колдун проснулся, когда солнце готово было спрятаться за горизонт. В его уже не горячем красном свете степь была ещё более безжизненной и мрачной. Хулкуру, привыкшему к зелёному цвету лесов, эти красно-жёлтые тона казались цветом смерти. Наученный опытом предыдущего колдовства, молодой волшебник на этот раз посадил только одно семечко клёна. Энергия камня хлынула на росток, и за три минуты огромный клён вырос. Будто с неба свалился. И дальше всё шло как по маслу. За полчаса Хулкур вырастил девять деревьев и уже собирался посадить следующее, и тут решил проверить, много ли энергии осталось в камне. Внутренним зрением, раскачав и остановив маятник, баньши взглянул на камень. Синего пламени вокруг него не было, только тоненький лучик пробивался. Тогда волшебник окинул взглядом окрестности. Всех синих линий не хватило бы на одно хилое деревце. Что же делать? Ведь девять деревьев не смогут прокормить весь народ. Даже если из клёнов выкачать весь сок этого не хватит и на половину племени.

Хулкур снова сосредоточил своё внимание на зелёном камне. Синий луч был, даже немного толще вроде бы стал. «Ну, что ж, — решил баньши, — на один клён ещё как-нибудь наберу сил». Он воткнул десятое семечко и начал потихоньку отдавать ему энергию камня, вплетая тонкие синие лучики, появляющиеся то тут, то там вокруг него. При этом Хулкур не забывал прислушиваться и к своему самочувствию. Был уже научен горьким опытом. Он даже уловил момент, когда сила камня иссякла, и пришлось подпитывать почти выращенный клён своей энергией. Однако на этот раз он вовремя остановился. У самого хватило сил дотащиться до клёна и слиться с ним.

Когда Хулкур закончил питаться, уже начали сгущаться сумерки, пора было выходить, а впереди ещё столько работы. Нужно ещё не меньше десятка клёнов вырастить. Колдун сел на корточки и стал осматривать местность вокруг в поисках синих линий. И не поверил своим глазам — камень вновь сиял ровным голубым светом.

— Надо же, — сам себе сказал баньши, — восстановил силы и он тоже.

Однако размышлять было некогда, и Хулкур снова принялся выращивать деревья. На этот раз удалось выгнать на нужную высоту только пять клёнов. На большее сил не хватило. Колдун посоветовался с разведчиком, что делать — выходить, оставив только пятнадцать деревьев или задержаться ещё на час, подождать, когда камень и Хулкур восстановят силы. Решили задержаться, ведь следующий привал должен быть на границе пустыни, а сможет ли там Хулкур вырастить достаточно деревьев, неизвестно.

Оставшиеся пять деревьев смог вырастить за час, собрался весь, все голубые искорки влил в общий поток, даже от ночных мотыльков. А потом пришлось ещё раз разрядиться и сливаться с клёном. И всё равно, пройдя всего несколько шагов, Хулкур понял, что ему долго

не продержаться — ноги были как не свои и в голове какой-то туман.

Отправили второго воина назад в посёлок, как уговаривались. Потом двое баньши взяли Хулкура под руки и почти несли его на себе до привала. Едва остановились, Хулкур рухнул на землю и провалился в сон. Пробуждение было тяжёлым, словно не отдыхал, а камни ворочал. Хорошо хоть воины подняли над ним тент. Хотелось пить, и Хулкур уже было потянулся к долблёной деревянной бутылочке с водой, но вдруг вспомнил, что впереди пустыня и воду нужно беречь.

Событие девятнадцатое

А заметили ли вы, что самое неосторожное в этой жизни — быть осторожным? А? Я тоже не заметил.

Дмитрий Пригов

Колдун вылез из-под палатки и огляделся. Да, степь почти кончилась, лишь изредка виднелись кустики жухлой травы и торчали колючие ветви саксаула. Отряд спал, только у крайней палатки одиноко расхаживал часовой. Солнце уже спускалось, но даже его последние косые лучи обжигали кожу. Нужно было срочно вырастить хоть один клён, чтобы отряд мог восстановить силы, слившись с деревом. Хулкур достал из заплечного мешка семечко и зелёный камень, выкопал маленькую ямку, аккуратно посадил туда кленовую крылатку и скупно полил из бутылочки водой. Камень сиял синим светом, энергии в нём было достаточно. Первое дерево Хулкур поднял до нужной высоты за несколько минут. Позвал часового и пока тот питался, вырастил ещё четыре. Затем, оставив воина охранять лагерь, колдун сам разрядил тело и слился с клёном. Живительный сок сладкой рекой хлынул в него, освежай всё тело — будто зашёл в прохладную воду. Через полчаса Хулкур, насытившись и полностью восстановив силы, вышел из дерева и сразу же принялся выращивать ещё один клён. Баньши все уже проснулись и свернули лагерь. По очереди воины входили в клёны.

Энергии камня хватило на семь деревьев и Хулкур, сделал перерыв, снова слившись с клёном. И ещё через час вырастив четыре дерева, Хулкур снова дошёл до такого же состояния, как и вчера. Сил на оставшиеся четыре дерева просто не было. Солнце давно скрылось, звёзды высыпали на небо, надо было идти, но решили, что лучше оставить здесь все двадцать деревьев, ведь впереди пустыня. Даже если придётся на день задержаться. Хулкуру потребовалось ещё часа два, чтобы по очереди, то сливаясь с клёном, то собирая по крупинкам энергию со всей округи и отдавая значительную часть своей, вырастить четыре клёна.

Воины соорудили из веток и палаток носилки и понесли впавшего в забытье волшебника на себе. Где-то на полдороге Хулкур очнулся, но мерное покачивание и ужасная слабость снова погрузили его в сон. Он не почувствовал, как устроили привал, только сделал несколько глотков из маленькой деревянной бутылочки, поднесённой к губам, и опять уснул. Оставшийся за старшего разведчик отправил ещё одного воина домой.

Два следующих дня слились для Хулкура в череду пробуждений, питания и выращивания деревьев. Пока, наконец, на шестой день разведчик не остановил его при попытке вырастить очередной клён.

— Хватит. Тебе нужно хотя бы один день отдохнуть. Да, и воинам тоже. Нас осталось всего пятеро, и нести тебя по пустыне приходится практически без смены. Воины истощены не меньше тебя. Всем нужен день отдыха.

Проспав большую часть дня в палатке, баньши вечером уже чувствовал себя вполне прилично. Он вырастил, не спеша, несколько клёнов и сам, да и воины, большую часть ночи и дня провели в деревьях, слившись с ними. А вечером, свежие и отдохнувшие, оставив после

себя шестой оазис, пошли дальше. Этот переход прошёл спокойно. А вскоре Хулкур впервые применил колдовство не для того, чтобы выращивать деревья, а для того, чтобы убивать.

На седьмой стоянке, когда колдун посадил шестой или седьмой клён, в небе появился дракон. Он летел очень высоко и уже вроде бы миновал маленький оазис. Но нет! Широкими кругами, завалившись на одно крыло, он стал приближаться к баньшам, спускаясь всё ниже. Хулкур выхватил из заплечного мешка книгу заклинаний и открыл на заложенной странице. Страницу отметил ещё его дядя, когда драконы сожгли лес, где жили жёлтые баньши. Это было заклинание, позволяющее сбивать драконов ещё в воздухе с помощью сконцентрированной стрелы из жёлтых лучей смерти.

Хулкур за минуту сконцентрировался на линиях, и стал вбирать в себя все жёлтые, и вдруг случилось маленькое чудо, зелёный камень перестал испускать синее сияние и загорелся ярким жёлтым светом. Впитав и его силу, Хулкур такой мощной стрелой жёлтой энергии встретил подлетающего дракона, что тот умер ещё в воздухе. Крылья его безвольно сложились, и вся эта огнедышащая масса рухнула в сотне шагов от лагеря баньши. Все видели, что дракон мёртв, что всё вокруг забрызгано его зелёной кровью, но никто из баньшей не решился подойти к нему. Быстро собрав пожитки, маленький отряд отошёл от мёртвого дракона подальше, пока тот не скрылся из вида. Хулкуру пришлось выращивать клёны с начала.

Пустыня кончилась на девятый день похода. Не постепенно, как начиналась, а как-то сразу. Вот здесь ещё песок и ни одной травинки, потом сотня метров саксаула сплетённого и переплетённого так, что еле продрались, а за колючей этой изгородью сразу опушка леса. Лес был в основном из осин и берёз, но кое-где виднелись и клёны. Баньшей осталось всего трое: Хулкур, разведчик и один воин. Выбрались из колючек и решили сделать привал. Каждый разыскал по клёну и, разрядив тело, слился с деревом. Отдыхали весь день и ночь. По лесу решили идти только днём. Утром последний воин ушёл назад, а Хулкур с разведчиком углубились в лес. По карте до побережья оставалось совсем немного. Да, это и заметно, вскоре, стало. Воздух стал сырым и пах йодом. Баньши с их исключительным обонянием его сразу почувствовали.

На берег вышли после полудня. На небе ни облачка и солнце играло на волнах цветными бликами. Сине-зелёная вода лениво набегала на каменистый пляж, оставляя обрывки водорослей и маленьких шустрых крабов, которые бочком устремлялись за отступавшей водой. Несколько часов искали подходящую поляну, где можно будет вырастить маточный клён и ещё хотя бы десятка три — четыре деревьев для жилья. Затем Хулкур за несколько минут вырастил огромное маточное дерево, все силы камня вложил, на десяток нормальных клёнов бы хватило. Ствол был такой мощный, что и за пару минут не обойдёшь.

Переночевали в новом дупле, а утром разведчик пошёл назад, и колдун остался один. Времени было много впереди, не менее двадцати дней и Хулкур особо не спешил, вырастил пять клёнов и отдыхал, набирался сил. И так за день три раза. Полтора десятка великанов деревьев окружили маточный клён, словно солдаты своего командира. Дни потянулись однообразной чередой. Выращивание деревьев, отдых и снова выращивание клёнов, Хулкур даже со счёта сбился, что-то около двух сотен клёнов уже вырастил. Полюбил он в свободную минуту прийти на берег океана, сестьна камни и любоваться изменчивостью этой стихии. То спокойное мёртвое величие, то яростная мощь волн. То светлые прозрачные блики солнца, то мутная серая злость с ключьями пены.

Баньши в спокойную солнечную погоду, когда море было тёплое, заплывал далеко от берега и качался на волне. Это были лучшие времена в его жизни. Ну, и как всё хорошее это кончилось, конечно. День начался обычно. Хулкур вырастил пять клёнов, разрядился и вошёл в дерево, впитывая сок. Через полчаса он вышел из дерева и помчался к океану. День сверкал умытый утренним дождиком. Весело, на весь лес, перекрикивались птицы, как будто устроили соревнование, чья песня звонче и красивей. На самой опушке леса Хулкур задержался, попав в малинник. Ягоды уже созрели и баньши хоть и был сыт, потратил час целый, лакомясь красными бусинками.

Вдруг какие-то крики и шум со стороны воды привлекли его внимание. К берегу причаливала шлюпка полная гоблинов, а невдалеке покачивался на волнах огромный корабль. Гоблины! Опять гоблины. Нету от них нигде покоя. Вот, даже сюда добрались. А Хулкур так надеялся, что распрощался с ними навсегда.

Первым побуждением баньши было убежать с берега и спрятаться в лесу, где-нибудь в дупле, но разум победил и Хулкур затаился в кустах, чтобы разведать, с какой целью появились здесь гоблины. Лодка быстро приближалась, вот она заскрежетала дном о гальку и ткнулась в берег. Гоблины выпрыгнули из неё в мелководье, обдавая друг друга фонтанами брызг, и подняв из-за этого страшный шум. Выйдя на берег и дойдя до опушки леса, они разбились цепью на приличном расстоянии друг от друга и углубились в лес. Хулкур замер в своём кусте и те не заметили его, прошли мимо. Оказавшись у врага в тылу, Хулкур неожиданно для себя решил вступить с ними в бой. Он и сам не понял, что подтолкнуло его к этому, то ли сознание, что с зелёным камнем он всемогущ и может драконов на лету сшибать, а тут всего лишь десяток гоблинов.

Для начала колдун решил отрезать врагам путь к отступлению. Он вынул камень из заплечного мешка и направил поток энергии на лодку. Луч нашёл в дереве, из которого она была сделана, искорку жизни, и лодка стала прорастать. Сначала выросли корни, прочно привязав её к земле, а потом из сучков потянулись тоненькие веточки, и скоро вся лодка превратилась в роскошный раскидистый куст. Теперь можно было заняться и морячками. Первого гоблина он нашёл быстро, тот протоптал в девственном лесу целую тропу. Хулкур, увидев его, сразу понял, зачем они здесь. На корабле, очевидно, кончилась пресная вода, и послали команду найти на берегу воду. Маг догадался, увидев с какой жадностью моряк выпил росу, скопившуюся в большом листе лопуха. Гоблина мучила жажда.

Может быть они нашли бы воду и убрались восвояси, но что теперь об этом думать, лодки у них нет, и они поймут, что это чудо произошло не само собой, что тут замешано колдовство. Они начнут искать эльфов или баньши. И конечно найдут маточное дерево. Да, отступать было поздно. Молодой волшебник сильнее сжал камень в руке и сосредоточился на желтых линиях и сейчас же камень мощно засиял жёлтым светом. Хулкур направил луч в спину ничего не подозревавшему пирату, и тот, словно споткнувшись, приостановился и упал на траву, даже не вскрикнув. Хулкур же ещё целую минуту направлял толстый жёлтый луч на уже безжизненное тело, пока в ноздри не ударил запах тления. Когда баньши подошёл к гоблину его даже замутило, под действием энергии смерти тело гоблина быстро разлагалось и сейчас представляло собой вонючую массу, сочившуюся сквозь одежду, а череп поблескивал белой костью.

Слева раздались призывные крики. Видно один из морячков нашёл ручей. Сейчас же вокруг Хулкура затрещали кусты. Гоблины ломались напрямик к воде. Маг разрядился и слился с деревом ближайшим к нему. Питаться он не стал — это был тополь, и сок у него

был страшно горький. Через пару минут он вышел из дерева и последовал за гоблинами. Они уже добрались до ручья и сейчас жадно пили, набирали фляжки и перекликались о чём-то, брызгались. Хулкуру даже как-то стыдно стало за разложившийся труп в лесу. Но он тут же отогнал эту мысль, вспомнив жёлтых баньши убитых или угнанных в рабство гоблинами. Нет. Война! Война на истребление! И ни какой пощады! Никому!

Хулкур сосредоточился на энергии камня и направил толстенный луч прямо в группу гоблинов на своём берегу ручья. Двое сразу ткнулись носами в воду. Один, стоящий рядом, сделать успел шаг, когда его зацепил луч, и с тучей брызг шлёпнулся в воду. Тут уже гоблины встревожились, и, поняв, что на них напали, бросились врассыпную, выхватывая из-за пояса мечи. Один побежал прямо на Хулкара и даже успел заметить притаившегося в кустах баньши, когда тот, привстав, вытянул руку. Желтый луч слетел с неё и вонзился точно в голову пирату. Гоблин ещё по инерции сделал несколько шагов и свалился как раз в куст, скрывавший мага. В это время, видно, ещё один гоблин заметил Хулкура и закричал своим, указывая на баньши. Осознав, откуда им грозит опасность, гоблины оставили свои укрытия и, размахивая мечами, бросились на баньши. Хулкур сразил лучом ближайшего и, развернувшись, побежал в чащу, меняя направление и стараясь увести гоблинов от поляны с маточным клёном. Когда треск и крики погони отдалились, баньши разрядил тело и вошёл в ближайший толстый клён.

Внутри дерева жёлтый баньши может находиться около часа. Хулкур тянул, сколько мог, пока не почувствовал, что тело его начинает само уплотняться. Пришлось выходить. Солнце уже клонилось к вечеру. Птицы, накричавшись с утра, примолкли. Колдун прислушался к их редкому щебетанию и понял, гоблины у моря — в лесу их нет. Медленно, замирая от каждого шороха, он добрался до опушки. Пираты были в воде. Их осталось пятеро. Мечами и кинжалами они пытались вырубить из куста свою лодку. Получалось это у них плохо. Хулкур знал наверняка, что и не получится.

Момент был удобный. Баньши чувствовал, как энергия прямо бурлит в нём, а камень в руке горел словно солнце. Колдун направил поток энергии на гоблинов, а сам встал, чтобы показать им от кого они примут смерть, и издал свой боевой клич. Гоблины оглянулись, оставили куст в покое, и тут их настиг жёлтый луч. Он врезался в грудь громадного гоблина в ярко-зелёном балахоне, очевидно офицера. Хулкур выждал несколько мгновений и поводил лучом направо и налево. Только одному пирату удалось уцелеть, видя, как падают его товарищи, он нырнул в воду и проплыл под водой за куст. Баньши не заметил его. Вроде бы все пятеро упали. Около часа просидел Хулкур на берегу. На корабле не подавали признаков жизни. Не срубленные остатки куста мерно вздымались в мелких волнах.

Устав от ожидания, юный колдун отправился на поляну, где стоит маточный клён, и залез в дупло. День почти кончился. Месяц уже был виден на небе, а солнце практически касалось горизонта. И Хулкур спокойно лёг спать. Сколько раз он потом ругал себя за эту беспечность. Ведь и не сильно уставший был. Мог бы спокойно затаиться на берегу и ждать развития событий. Так нет, возомнил себя чуть ли не богом.

Пока баньши спал, уцелевший гоблин под покровом темноты доплыл до корабля и рассказал обо всём капитану. Фрегат нуждался в пресной воде. Застигнутые сильной бурей, гоблины были занесены в незнакомые воды и теперь возвращались к острову «Медузы». Запасы пищи были на исходе, а вода кончилась ещё вчера. И капитан решил выслать ещё одну шлюпку. Из рассказа уцелевшего матроса он сделал вывод, что на берегу только один жёлтый баньши. И пусть он великий маг. Но ведь он только один, а никто долго не может

обходиться без сна и отдыха.

Под утро капитан с десятком матросов высадился на берег. Лодку оставили под прикрытием странного куста. Быстро дошли до ручья, наполнили бочки и отнесли их на лодку. В лесу было спокойно. Сделали ещё одну ходку. Теперь воды было достаточно, чтобы добраться до «Медузы» или другого обитаемого острова. Капитан отправил лодку на корабль, а сам с тремя самыми опытными охотниками углубился в лес. Следы деятельности баньши они нашли почти сразу — огромные клёны окружали поляну, на которой рос великан их собрат. Даже новички бы поняли, что это посёлок желтых баньши. Но самих баньши нигде не было видно. Да, и птицы вели себя так, что было ясно — ни каких разумных существ здесь нет.

Неужели этот колдун на самом деле один осмелился напасть на целый фрегат. Гоблины притаились на краю поляны и стали ждать. Пернатые всех цветов и размеров сначала, встревоженные появлением внизу чужаков, вскоре угомонились, видя их неподвижность, и занялись своими птичьими делами.

Хулкур проснулся в дупле маточного дерева, размял затёкшие от неудобной позы ноги. (Ни каких удобств не было — спал прямо на полу.) вспомнив вчерашнюю победу над гоблинами, он осторожно выглянул из дупла и огляделся. Всё было спокойно. Белка-летяга перепорхнула с ветки у дупла на землю и проворно запрыгала на другой конец поляны.

Какое-то шестое чувство заставило Хулкура совершить следующий поступок. Он взял в руку зелёный камень, сосредоточился на жёлтой энергии и тоненьким лучиком вырезал в стене дупла маленькое отверстие, положив туда серебряные пластинки и камень, он заделал дыру обрывками стружки и трухой с пола и аккуратно замазал рукой. Тайник оказался почти не заметным. А для постороннего и вовсе найти его было невозможно. Затем ещё раз оглядев свой тайник, баньши снова выглянул из дупла. Ни каких подозрительных шумов. Хулкур ловко спустился вниз и пошёл к ближайшему клёну. Пора было завтракать. Баньши разрядил тело и слился с клёном. Какие-то неуловимые предчувствия мешали насладиться сладким прохладным соком. Хулкур прямо заставлял себя оставаться внутри дерева. Наконец он почувствовал, что полностью восстановил всю энергию, потраченную вчера, сыт и готов к новому дню.

Гоблины заметили жёлтого баньши ещё когда он спускался с огромного клёна в центре поляны. Капитан знал, что сейчас он влезет в дерево, чтобы напиться кленового сока. Так и случилось — баньши подошёл к клёну (всего в нескольких шагах от того места, где сидели гоблины в засаде). Капитан слышал, что жёлтые баньши входят в дерево, но сам этого никогда не видел. И когда только что нормальный плотный мужчина на его глазах стал распухать становиться почти прозрачным, гоблин понял, почему они так не любят жёлтых баньши. Проклятые колдуны!

Бесформенное полупрозрачное облако приблизилось к клёну и втянулось в него, даже следа не осталось. Капитан сделал своим знак рукой и те послушно, тихо ступая, чтоб не дай боги не спугнуть врага, двинулись к дереву. Было страшно. Ещё бы, выживший с первой шлюпки матрос, понарасказывал про этого колдуна всяких ужасов. Будто из руки его вылетали жёлтые стрелы и только касались гоблинов те сразу падали замертво. И про Ура, от которого остался только скелет с шевелящимися на нём червями. И это только за несколько минут. И теперь на такого идти с голыми руками. Капитан приказал брать его живым.

Хулкур насытился и шагнул из клёна. Тело стало уплотняться и зрение со слухом

возвращались. Вот уже перед глазами забрезжил свет. И тут что-то тяжёлое врезалось ему в затылок и опрокинуло на землю. Искры сыпанули из глаз, а потом всё заволочла кровавая пелена. Земля кружилась и качалась под ним. Издалека наплывали какие-то крики, шум и так же волной откатывали. То ли в бреду, то ли наяву, его кто-то поливал водой. Затем этот кто-то разжал ему рот и сунул туда кусок вонючей тряпки, страшно кислой и мешавшей дышать. Потом его снова облили водой, и от этого уже Хулкур окончательно пришёл в себя.

Он лежал на поляне у маточного дерева и над ним склонились три гоблина самого что ни на есть зверского вида. С серьгами из серебра или другого белого металла в ушах, в грязных зелёных балахонах. Один из гоблинов, явно намного старше остальных, с седой шерстью на роже и почище одетый, прорычал что-то Хулкуру прямо в лицо, обдавая забродившим кленовым сиропом и ещё какой-то гадостью. Хулкур гоблинского языка не знал, да и не мечтал выучить, поэтому закрыл глаза и отвернулся, сосредотачиваясь на энергии смерти. Однако голова кружилась после удара, а кляп во рту мешал настроиться на приём жёлтых линий. Раздражал.

А дальше пошло ещё хуже. По голове опять ударили, и всё провалилось во мрак. Временами голова чуть прояснялась, его несли на плече, и солнце пекло окровавленный затылок. Один раз его вырвало прямо на спину тащившего его гоблина, и тот с размаху кинул его на землю. Следующий раз баньши очнулся от холода, его за шиворот волокли по воде, и морская соль щипала рану на голове. Его забросили в лодку, и Хулкур опять больно ударился головой о дно или лавку. И, наконец, он очнулся от нестерпимой боли в руках. Это кузнец на корабле вгонял клёпки, разогретые на огне в кольца кандалов на его руках. Ожёг был очень сильным, и Хулкур заорал от боли, даже кляп выплюнул. Кузнец, не обращая внимания, продолжал заклёпывать браслеты и только завершив своё дело, облил их водой, из стоявшего на полу кувшина. Затем поднёс его Хулкуру к губам и позволил сделать несколько глотков. Вода была тёплая и пахла гнилью, но Хулкур пересиливая подступившую тошноту, заставил себя выпить её. Кузнец осмотрел рану у баньши на затылке и, смочив кусок зелёной тряпки в том же кувшине перевязал ему голову, завязав при этом и один глаз. Затем подвинул пленнику миску с яблоками ногой и вышел, пригибаясь, через низкую и узкую дверь, плотно прикрыв её за собой. Снаружи лязгнул засов.

Почти месяц провёл баньши на корабле. Кормили его раз в день. Приносили миску гнилых груш или яблок и кувшин воды. Хулкур пытался колдовать, но в море его силы были ничтожны, вода не позволяла концентрировать энергию, а зелёного камня с ним не было, он остался в маточном дереве. Где-то в другой жизни.

Хулкур думал только об одном, как там жёлтые баньши будут жить без него. Ведь, в общем-то, у них не осталось ни одного колдуна. И не предпримут ли гоблины набег на их новый посёлок. Ведь теперь они знают, где он расположен.

И во всём виноват он — Хулкур!!!

Событие двадцатое

Волшебство — это вера в себя. И когда тебе это удаётся, то удаётся и все остальное.
Иоганн Вольфганг Гете

С трудом выпутался Ивашка из объятий чужой, такой не похожей на его, жизни. Казалось, прошёл год. Но время видно не простая штука. И прожив столько времени вместе с жёлтым баньши, штурман вдруг обнаружил, что на корабле всё по старому. Они находились по-прежнему в каюте, которую отвели жёлтому баньши, и его друзья стояли рядом, окружив его.

— Ну, что? Получилось? — нетерпеливо затормошил его капитан, — Поговорить с ним, спрашиваю, получилось? Целую минуту стоишь и молчишь.

— Всего одну минуту? — не поверил Ивашка. — Для меня прошло полгода.

— Что же было, брат Вандермаст? — эльф тоже был заинтригован.

— Даже не знаю, как и объяснить. Я словно прожил в облике баньши последние месяцы его жизни.

— Ну, рассказывай, рассказывай! — капитан сгорал от любопытства.

— Я знаю теперь язык жёлтых баньши как родной, — Ивашка ещё не до конца казалось, вернулся в своё тело, — Он, — указал гном на Хулкура, — тоже немного маг и был захвачен гоблинами в плен, когда искал место, куда можно переселить остатки его народа, который почти истребили гоблины и драконы.

В это время баньши заговорил.

— Он просит высадить его на западном континенте. Говорит, иначе его народ погибнет, — перевёл Ивашка.

Но перевёл не всё. За это Хулкур обещал отдать серебряные пластинки и зелёный камень. Ивашка ещё в самом начале, когда только вторгся в мысли баньши, понял, что это те самые серебряные пластинки, что вовлекли его во все эти приключения.

— Не можем мы сейчас плыть в такую даль. Ни припасов, ни команды. Переведи ему, что нам срочно нужно домой. А потом он, может, найдёт судно, которое отправится в ту сторону. Хотя сомневаюсь, — капитан с сожалением посмотрел на баньши, — Да, и доживёт ли он до конца путешествия.

Ивашка объяснил Хулкуру, что сказал капитан. И от себя добавил.

— Я зайду попозже, и мы обсудим твою дальнейшую судьбу. Отдохни пока.

Баньши, видно, на самом деле был очень слаб. Выслушав ответ, он сполз на кровать и закатил глаза. Ивашка сразу разжал его ладонь и положил туда оба красных камешка. Мертвенная бледность исчезла с лица умирающего, появилось дыхание.

— Пусть выспится. Надеюсь, ему станет лучше, — Ивашка бережно прикрыл баньши одеялом.

— Они питаются соком деревьев и долго без него жить не могут. Нужно зайти на какой-нибудь маленький островок по пути, а то не довезти его.

— Хорошо, — капитан вышел из каюты. — Посмотри, Ивашка, на карте, и просчитай курс до ближайшего острова, лучше не обитаемого, нам тоже не мешает запасы пресной

воды пополнить, на «Медузе» совсем мало взяли.

Ивашка сидел над картой, высчитывая новый курс. Все острова были несколько в стороне от их маршрута, но до ближайшего было не больше пятидесяти миль. А думал штурман не о том, как довести корабль до острова, а о том говорить ли эльфу о серебряных пластинках, спрятанных жёлтым баньши и о зелёном камне, обладающим, видно, таким же действием, как и «огни Агавы», и, вообще, что делать с баньши после того как корабли доберутся до родины.

Маг словно почувствовал, что Ивашка думает о нём, появился в дверях каюты. «Расскажу», — решил Ивашка, — «Одному со всей этой магией разбираться больно тяжело».

— Ты хочешь мне рассказать, брат Вандермаст, о том, что узнал от баньши.

— Это покажется удивительным, — начал Ивашка, — но это История о ещё двух серебряных табличках из книги Херне и о зелёном волшебном камне.

И Ивашка поведал вкратце эльфу о том путешествии, которое совершил Хулкур через западный материк, и как он оказался захвачен гоблинами.

— Ещё две пластинки? — маг был сильно взволнован, — и какой-то волшебный талисман, про который я даже не слышал. И всё это спрятано на побережье. Нужно туда плыть.

— Как? — остудил мага Ивашка, без команды, без припасов, на этих двух кораблях, против ветра и течений. Нет, я думаю, нужно добраться до дому, подготовить хорошо оснащённую экспедицию, проложить по имеющимся у меня картам маршрут. И потом, что делать с островом «Дохлого дракона», про который на языке жёлтого баньши рассказывает попугай.

— Да, Вандермаст, тут есть над чем подумать. И ещё, я начинаю догадываться, что это за зелёный камень. Не кусочек ли это утраченного в давние времена «жезла земли».

— Что ещё за жезл земли? Ещё одна сказка из давних времён, — улыбнулся Ивашка.

— Зря ты не веришь в эти предания, — эльф укоризненно покачал головой.

— Хорошо, хорошо, — гном подавил улыбку.

— Это на самом деле история из очень и очень давних времён. Это ещё одна легенда о Херне.

— Это тот, который написал серебряные пластинки?

— Этот самый. Когда люди овладели магией, то появились целые школы колдунов. Они начали понимать, что магия это не просто так — взял и произнёс заклинание. Маг обязательно использовал в себе в помощь одну из стихий. Всего четыре стихии. Это — огонь. Это — вода. Это — воздух. И это — земля. Люди решили создать талисманы, которые вбирали бы в себя силы одной из стихий. Зачем? Чтобы стать ещё могущественней. И лучшие маги всех трёх ветвей магии: чёрные маги, красные маги и белые маги, собрались и несколько лет создавали эти талисманы. И Херне помогал им. Они создали Жезл Земли — талисман, повелевающий стихией земли. Кубок Моря — повелевающий стихией воды. Флейту Ветра — повелевающей воздухом. И Пламенеющее Око — сверкающий шар из горного хрусталя, повелевающий огнём.

Это были великие маги, и они создали талисманы огромной силы. Люди стали почти равны богам по могуществу. Тогда боги поссорили между собой обладателей талисманов. Началась великая битва магов. Земля, Ветер, Вода и Огонь воевали между собой. Содрогалась земля, ревел огонь, бушевали моря и завывал, налетая ураган. И тогда Херне, чтобы уберечь людей от гибели похитил у чёрного мага кубок моря и зашвырнул его в океан,

разбил на куски Жезл Земли, оставшийся без владельца. А Пламенеющее Око и Флейта Ветра исчезли где-то, и о них нет ни каких известий сотни и сотни лет.

Вот мне и кажется, что этот зелёный камешек, который был у баньши — кусочек Жезла Земли. Это подтверждается ещё и тем, что талисман помогал выращивать деревья.

— А какую стихию используешь ты? — сделал неожиданный вывод Ивашка.

— Хороший вопрос, брат Вандермаст. Я пользуюсь двумя стихиями, магией огня и магией воздуха.

— А я, я в какой стихии учусь колдовать? — Ивашка прикидывал свои умения и так и эдак, и ничего то он толком не умел, ни молнии пускать, ни деревья выращивать, ни ураганы создавать, ни море взбаламутить.

— Стихии определяются, когда маг уже прошёл школу высшего мастерства. Тебе до этого ещё далеко, но я думаю, наверное, твоими стихиями будут вода и воздух немного. Они почти не делимы. Эти две стихии вместе относятся к магии Погоды.

— И я смогу управлять погодой, что ли? — от таких перспектив гном даже глаза закатил.

— Со временем, при упорном труде, непременно, — эльф устало сощурил глаза.

— Давай отложим разговоры на завтра. Мне нужно восстановить силы. Все эти пускания молний, если я не могу ступить на землю, отнимают массу энергии. Меня даже шатает. Если баньшам нужны деревья, то эльфам нужна сама земля, чтобы восстанавливать силы.

Ивашке, который во время битвы с гоблинами, волшебством не занимался, потом всю ночь дрых, спать не хотелось. Он ещё раз сверил местоположение корабля по карте и чуть подправил курс, течение, которое на «Медузе» спасло их от гоблинов, сейчас сносило корабль на запад. Нужный остров оказался на северо-востоке.

Гномы наводили порядок на гоблинском фрегате. Ивашка тоже обшарил пару кают. Искал карты. Нашёл даже две — Западного материка и всего Теплого океана. Гномы, конечно, знали, что земля, на которой находится их гномское королевство, это не очень большой материк среди безбрежного Тёплого океана. Но когда Ивашка сложил все три имеющиеся у него карты вместе, то даже сам удивился, какой бесконечной казалась сама планета, огромны моря и океаны и какие маленькие клочки суши. Вот бы подняться высоко в небо как альбатросы, или как орлы, и посмотреть на всё это сверху.

Остров должен был показаться только на рассвете, да и то, если карты не врут и течение сильно не снесёт на запад. Впервые в своих плаваниях Ивашка устал от моря, парусов, ветра, криков чаек, звона рынды. Хотелось быстрее домой. Увидеть Дюшку и Натали. Рассказать об этом удивительном путешествии. Собрать все пластинки вместе. Построить свой маленький кораблик, благо денег и драгоценностей теперь хватит на солидную яхту. Ивашка размечтался. Вот придёт он домой, суд освободит его, и он все полагающиеся ему деньги построит корабль, возьмёт с собой Натали, Дюшку, Толстуна, эльфа и жёлтого баньши и поплывёт с ними за двумя пластинками, которые обещал ему Хулкур, а потом на остров «Дохлого дракона», за кладом, по дороге можно будет наведаться на какой-нибудь скалистый островок и набрать драгоценной скорлупы драконов. А потом вернуться домой к себе и стать купцом, можно даже купить себе большое торговое судно.

— Привет, Ивашка, — прервал его мечты Толстун, — устал я от этого плавания, — друг точно его мысли прочёл, Быстрее бы домой. Соскучился я по нашему городку. Зайти бы в «Луну». Побродить по гавани.

— Вот та же беда и у меня, — печально улыбнулся штурман.

Остров был, где ему и положено. Ивашку разбудил матрос, и тот поспешно одевшись, взлетел на палубу. Погода немного испортилась, то ли дождь слегка моросил, то ли от волны бившей в борт брызги мелкие летели. Только в воздухе чувствовалась сырость. Про такую погоду говорят «промозглое утро». Видимость была тоже не из лучших, как ещё и заметили то островок.

Когда через час подошли поближе, Ивашка деревья увидел и обрадовался, значит, баньши спасут. Он отправил матроса будить капитана, эльфа, Хулкура, а сам занялся спусканием парусов. Через полчаса вошли в маленькую бухточку, галера даже не вместились, и на большой шлюпке с фрегата гоблинов чуть не всей командой перебрались на остров. Живых существ, кроме чаек да поморников не было видно. Но гномы держались настороже. Тут и драконы могли появиться и гоблины. Где-то в этих местах водились и тролли. Ивашка с эльфом дотасили жёлтого баньши до рощицы на самом берегу, тот совсем ослаб.

— Клён нужен? — спросил Ивашка у Хулкура, когда они добрались до первых деревьев.

— Клён или ясень, — словно листья зашелестели, штурман скорее мысли прочёл, чем слова услышал.

Прислонив баньши спиной к кривой сосне, гном и эльф углубились в рощицу, разыскивая нужные деревья. Ничего похожего не наблюдалось, сосны, тополя, чинары, акации, платаны.

— Есть! — послышалось со стороны эльфа.

Ивашка заспешил к нему. Да, это был клён. Причём солидный великан, чуть не самый толстый в лесочке. Эльф, как вошли в лес, откуда и силы взялись, чуть не вприпрыжку носился вокруг клёна.

— Пошли, принесём сюда жёлтого, — и первый помчался к берегу. Ивашка еле поспевал за ним.

Баньши сидел, свесив голову на грудь. Как и не живой вроде. Маг взял его под руки, а Ивашка за ноги, чуть не волоком по земле потащили. Хорошо тут Толстун оказался, помог Ивашке.

Остальные гномы разбрелись по острову, искали воду. Ещё посматривали, нет ли птичьих гнёзд с яйцами. Меню разнообразить. Ивашка впервые увидел, как жёлтые баньши входят в деревья. Почувствовав клён, Хулкур несколько оживился, сам встал на ноги, опираясь на ствол. И вдруг стал расплываться на глазах у изумлённых гномов. Вскоре баньши превратился в жёлтое полупрозрачное облачко. И это облачко стало втягиваться в ствол дерева. Минута и нет ни баньши, ни облака. Только запах слабый остался, вроде цветочного.

Баньши показался из клёна через полчаса. Ивашка даже устал смотреть на дерево. Облачко выплыло из ствола и прямо на глазах стало уплотняться, меняя цвета с зелёно-жёлтого на золотистый. Гному так понравилось это золотое облачко, что он даже огорчился, когда перед ним вновь оказался Хулкур. На этот раз живой и здоровый.

— Спасибо вам, друзья, — обратился он к эльфу и гномам, — Если бы не вы, я бы сейчас, наверное, уже выращивал клёны в лесу бога Валина.

— Где это? — не понял Толстун.

— Ну, — замялся Хулкур, — Наш народ верит, что после смерти все жёлтые баньши переселяются в леса бога Валина. Никто не знает где это, но мы помогаем нашим умершим

добраться туда, закапываем тело в землю и сажаем на этом месте клён или ясень. И когда на веточке появляются первые листочки, мы считаем, что это знак, душа умершего добралась до волшебного кленового леса.

— А если кто-нибудь из вашего племени умрёт на чужбине, и не будет закопан в землю, и никто над ним не посадит дерево. Что с ним будет тогда? — Толстун всерьёз заинтересовался обычаями древесного народа.

— Тогда его душа не сможет попасть в лес Валина, и будет скитаться по свету, пока кто-нибудь не похоронит останки и не посадит дерево.

— А если бы ты, скажем, в море утонул, — не сдавался моряк.

— Даже и не знаю. Баньши никогда раньше не жили у моря. Возможно, душа так бы и странствовала по свету в поисках леса Валина. Вечно. И не было бы ей покоя. И тоскливо бы было ей одной в целом свете.

— Вот это, наверное, и есть приведения, которые от тоски воют по ночам, честных гномов пугают, — сделал неожиданный вывод Толстун.

— Ладно тебе самого себя-то пугать, — успокоил друга Ивашка, — Мало что ли нечисти на свете: тролли, гоблины, драконы, вон змеи какие-то чёрные. Ещё о приведениях думать.

— А ты запастись не можешь этим соком? — спросил эльф Хулкура.

— Нет. Всё равно мне через несколько дней нужны будут фрукты или ягоды, но и на них я не смогу долго протянуть, — покачал головой молодой колдун.

— Нда, для морских путешествий ты явно не годишься, — улыбнулся Ивашка, не везти же с собой целый клён в бочке. Давай залезай назад в дерево, а то скоро отлив. Пора с этого островка сматываться. Пей сока сколько сможешь и отчаливаем. Погода вон совсем испортилась. Скорее всего, ветер поменяется.

— Это уж как пить дать, — подтвердил и Толстун, оглядев горизонт.

Толстун, что называется, «как в воду смотрел». Ветер сменился на встречный. Мелкий дождик скоро перешёл в сильнейший ливень. Десант с острова срочно загрузился на фрегат. Ивашка, помня, что Хулкур долго без деревьев протянуть не может, проложил курс так, чтобы зайти на ближайший остров. Всё равно бы пришлось идти галсами, маневрируя против ветра. Хотелось, конечно, побыстрее убраться из этих вод, и по дому все стосковались, но мысль о двух пластинках, которые пообещал ему Хулкур, заставила гнома принять все меры, чтобы доставить жёлтого баньши домой живым.

Когда идёшь галсами, команде работы хватает вдоволь, всё время спускать и ставить новые паруса. А тут ещё галера сзади волочится. Но самое плохое было то, что управлять приходилось здоровенным чужим кораблём — это не маленькая подвижная гномская галера. Огромная парусность, а команды кот наплакал. Штурман за свою вахту вымотался так, что еле ноги волочил. Горло охрипло, поори-ка на холодном ветру под дождём несколько часов. Наконец, капитан сменил его, но только Ивашка спустился в каюту и переоделся в сухую одежду, явился эльф и пристал со своими уроками магии. Над книжкой заклинаний бедный ученик и заснул. А потом опять вахта под дождём, скрип мачты, хлопанье парусов. Только на третий день выбрались из этой сырости. Ветер унёс тучи на юг, и к обеду сквозь разрывы облаков даже проглянуло солнце. Штурман бросился в каюту за секстантом и успел точно определить местонахождение кораблей. Остров чуть не проскочили, он остался гораздо западнее, пришлось разворачиваться. Только под самый вечер вахтенный увидел впереди землю. Не соврали гoblinские карты. Когда якорь бросили, уже совсем темно было,

отложили высадку на утро. За ночь ветер совсем стих. Ивашка выспался, наконец. На остров, на этот раз, он не поплыл, на корабле остался. В лодке отправились Толстун с обоими колдунами да несколько матросов. У Ивашки с утра какое-то нехорошее предчувствие угнездилось в мозгу, и копошилось там, мешая отдохнуть, на солнышке понежиться. Прямо места себе не находил. Отвлёкся буквально на несколько минут, когда новый курс прокладывал, теперь уже напрямик домой, и снова поднялся на мостик. Бегал там от борта до борта, не зная, с какой стороны неприятностей ожидать.

Событие двадцать первое

Вернуться — не значит пятиться назад, это шаг вперёд.

В обед с отливом показалась лодка, а Ивашку страхи ещё пуще разобрали. И вот тут началось. Штурман смотрел на приближающуюся лодку, как вдруг тень накрыла её. Он глянул вверх и бросился к гарпуну. Над кораблём кружил дракон. И сразу закричали все, словно тишина лопнула. Пронзительно свистнула боцманская люлька, перекрывая все остальные звуки. Гномы затопали по палубе, кто спастись в трюм, кто к оружию.

Ивашка столкнулся с драконом впервые, как-то миновала судьба сия до этого. Когда он добежал до арбалета на корме, чудовище уже спустилось ниже и теперь несло прямо на корабль. Солнечные лучи сверкали на синей чешуе, из разинутой пасти валило пламя с чёрным коптящим дымом. Руки у Ивашки тряслись, с трудом он сдерживал себя, чтобы не броситься в трюм, прикрывая голову руками. Он кое-как направил стрелу вверх. И всё-таки не зря отрубил штурман коготь у дрона, что-то вдруг вспыхнуло в мозгу, и Ивашка успокоился, руки перестали дрожать. Даже время замедлило свой бег. Дракон всё пикировал, разинув усеянную кривыми зубами пасть, и Ивашка навёл ему стрелу точно в глотку. Опять какое-то шестое чувство не дало ему спустить тетиву. Гном обернулся на лодку, и увидел, как эльф пускает в чудовище шипящую голубую молнию. Она угодила ему прямо в крыло, и синий монстр взвизгнул так, что Ивашка оглох, и вся дальнейшая битва проходила для него в полной тишине. Дракон стал заваливаться на раненое крыло, а с лодки навстречу ему вспыхнул жёлтый лучик. «Лучи смерти баньши!» — пронеслось в голове у Ивашки. Раненый дракон снова раскрыл пасть. «Ну, сейчас он по нам огнём шарахнет!» — и штурман спустил тетиву. Стрела угодила в раскрытую, и дымящуюся как топка, глотку дракона, и готовое вырваться пламя, исчезло. И опять визг раненого зверя резанул по ушам, слух к Ивашке вернулся. Прямо как волной окатило. Щёлкнула ещё одна молния с лодки и дракон, налетев на неё, стал заваливаться ещё сильнее и закувыркался, падая.

— О, боги, да он прямо на нас шлёпнется! — прошептал Ивашка.

Но и тут, можно сказать, пронесло. Дракон упал прямо на корабль, ломая мачты и реи, запутываясь в канатах и с треском ломая палубу. Только не на фрегат, а на стоящую рядом галеру. До фрегата только щепки долетели, да брызги крови вперемешку с морской водой. Зелёная кровь чудовища и прозрачные капельки воды, падая, переливались на солнце. Галера накренилась на правый борт, но выдержала удар и вес дракона, только просела немного и закачалась на растревоженном море. Гномы всё ещё метались по палубе, надрываясь, свистел боцман, скрипела якорная цепь. (Кто-то выбирал якорь. Зачем?) Ивашка всё пытался перезарядить арбалет. Пальцы не слушались. А над морем уже опускалась тишина. Только дым, со свистом и шипением, вытекал из ноздрей дракона и чёрно-жёлтыми клубами спускался на воду.

Ткнулась о борт шлюпка, и с неё стали подниматься на палубу фрегата гномы, потом эльф и жёлтый баньши. Прибежал с мостика капитан, какой-то радостно-испуганный. Принялся обнимать Ивашку, эльфа, Хулкура.

— Ну, и птичку вы завалили. Это сколько же в ней мяса, что с ним делать теперь? —

капитан ещё не отошёл, смеялся, подпрыгивал, хлопал Ивашку по плечу.

— Домой отвезём, чучело набьём! — предложил Толстун.

— Чучело из дракона? — Ивашка тоже в себя приходил с трудом.

— А что? Я слышал, у короля во дворце есть музей, так там всякие разные чучела стоят.

И медведей и львов, но дракона, я думаю, нет.

— Да, он протухнет, пока мы до дому доберёмся. Ещё с месяц плыть, — капитан с сомнением оглядел синюю громадину.

— Я знаю сохраняющее заклинание, будет как новенький, — пообещал эльф, — А мясо можно использовать в еду. Я однажды ел дракона — нормальное мясо.

— Кому расскажем, не поверят. А галера до берега дотянет? Вон он как её переломал, — капитан уже загорелся идеей доставить королю такой подарок. Орден «Мужественного сердца» за это, как пить дать, отвалят.

— А как вы убили-то его?

— Я стрелу в пасть ему пустил! — воскликнул Ивашка.

— Я молнией в крыло два раза попал, — сказал эльф.

— Я послал в него луч смерти, правда, очень тоненький. На море трудно собирать энергию смерти, а в пустыне я одного дракона прямо на лету таким лучом сбил, — похвалился Хулкур.

— Да, неплохая из вас команда выйдет, — просиял капитан, Змеи от нас сбежали, гоблины фрегат подарили, дракон чучело и гору мяса. Так скоро всю нечисть на планете изведём. Скучно станет жить. Давай эльф произноси своё заклинание сохраняющее. Пора отчаливать. Это, насколько я понимаю в драконах, самка. Значит и самец где-нибудь поблизости чирикает.

Совет был верным. Ивашка заспешил на мостик, Толстун пошёл ставить паруса, эльф принялся колдовать, доставая из своих мешочков у пояса разные порошки, и развеивая их в сторону галеры с синей тушей на борту. Через час остров еле виднелся вдали, галера послушно шла на буксире.

Домой мчались на всех парусах, даже когда один раз шторм не на шутку разыгрался, и то старались, как можно больше парусов оставить. Канаты, связывающие фрегат с галерой, как струны звенели. Но шторм был только один, а так погода стояла неплохая, ветер почти попутный. Ивашка прикинул, что если так и дальше идти, то осталось всего несколько дней. И дома! Хулкур держался на фруктах. Худел, конечно, на глазах, но виду не подавал, что так плохо ему. Деревья нужны. Ивашка показал жёлтому баньши карту и объяснил, что теперь, вплоть до дома, островов по дороге нет. И хочешь, не хочешь, а придётся пояс потуже затянуть.

Часто собирались втроём: Ивашка, эльф и баньши — учили друг друга магии. Хулкур, понятно, без своего зелёного камня был слабоват. Скорее учился у эльфа, чем сам учил, но для Ивашки оказался очень полезен. Гном быстро освоил «маятник» и мог теперь пользоваться, хотя и не очень умело, голубыми и жёлтыми линиями, сплетая их в тонкие лучики. «Огни Агавы» действовали совсем не так как зелёный талисман. И взглянув на них после остановки «маятника» внутренним взором, Ивашка не увидел, ни голубых, ни жёлтых линий. Только ровное красное, даже кровавое сияние. Это была другая магия, гораздо более древняя, чем магия «жезла земли». Ивашка всё глубже погружался в мир заклинаний и чудес. Научился пускать молнии, похуже, чем эльф, но гоблину дырочку в брюхе проделать бы смог.

У команды тоже были заботы, надраивали, начищали гоблинский фрегат, те его порядком запустили. Теперь же медные части обшивки сверкали на солнце как пожар. Дерево отскоблили добела, так, что и ступать на палубу стало боязно — как бы не запачкать. Только вот зелёные гоблинские паруса портили общую картину. Тогда капитан распорядился перетащить с галеры все до единого паруса. Посадили десяток гномов перешивать их. И те за два дня сделали, что смогли. Полностью заменить все паруса не смогли — не хватило. Из зелёных оставили самые выгоревшие на солнце. Так что и не понятно, какого они цвета, то ли гоблинского, то ли неудачно покрашенные голубые, гномские.

В полдень Ивашка ещё раз проверил координаты судна. Вышло, что до берега осталось всего сто миль.

— Завтра будем дома. Может к обеду, а, может, и к утру доберёмся, если повезёт, — обрадовал команду штурман.

Ночь тянулась бесконечно. Ивашка специально себе до самой темноты работу придумывал. Время убивал. Отстоял вечернюю вахту. Все до единого паруса поставил, до последнего брамсея и стаксея. Ветер почти точно в корму дул. словно вся природа старалась помочь гномам побыстрее домой добраться. Только под утро забылся Ивашка чутким тревожным сном. А разбудили чайки. Значит земля близко. Штурман надел свой голубой парадный комбинезон с золотым офицерским шитьём и натянул на голову новый колпак, тоже с золотой кисточкой, срезанной у одного из убитых гоблинов. Посмотрелся в маленькое мутноватое зеркальце (своё нормальное оставил на галере). Позвал кока. Тот явился сразу. По глазам видно тоже всю ночь не спал.

— Что, Громыч, и у тебя кошки на душе скребут? — Ивашка взял у него чашку кофе и жареное мясо дракона.

— Меня как в тюрьму посадили, я своих год и не видел.

— Жена, дети?

— Да, жена и два пацанёнка, ещё маленькие были, узнают ли? — кок как-то грустно улыбнулся, одними морщинками у глаз.

— А я даже не знаю, ждут ли меня. Я ведь один. Только дружок один есть. Он с бабушкой живёт, родители в море потонули, рыбаками были. Он один, да я один. Вот и привязались друг к другу. Хороший такой гномик. А любопытный — страшно. Я ему из каждого плавания подарки привожу. Вот в этот раз он обрадуется, чего только у меня нет. И коготь дрона и меч тролля и скорлупа яиц дракона. Да вот ещё настоящий дракон сзади тащится.

— Ведь ты ещё молодой, штурман. Свои дети будут. После этого плавания разбогатеешь и женишься. С такими-то богатствами можно и принцессу отхватить, — кок ещё раз улыбнулся одними морщинками и вышел из каюты.

А Ивашка остался без аппетита жевать сочный прожаренный кусок драконьего мяса.

Ну, что ж, — думал он, — через несколько часов будем дома. Меня ведь сразу не отпустят с корабля. Будут месяцы считать. Сколько проплавал, да в скольких сражениях участвовал. Стыдно-то как. Да ещё ведь и не хватит-то месяцев! — вдруг обожгла его мысль. Ивашка схватил календарь и принялся лихорадочно, постоянно сбиваясь, высчитывать, сколько они проплавали. И выходило, что десяти дней не хватало.

— Вот так так, — схватился за голову Толстун, когда Ивашка рассказал ему запинаясь и постоянно вздыхая о своих расчётах. — Это что же, спешили домой, а угодили в тюрьму. И

это после того, что мы натворили. Корабль захватили, дракона завалили, дрона завалили, змей в бегство обратили, гоблинского шпиона разоблачили и в плен взяли. А сколько за это плавание мы с тобой вдвоём только гоблинов изничтожили. Да легендарный Эрл Рыжебородый нам в подмётки не годится. Подумаешь, десять гоблинов убил. Нет, я в тюрьму, теперь, идти не согласен. Конечно, Эрл Рыжебородый за десятерых орден «Бесстрашное сердце» с мечами получил и королевскую дочь в жёны. А мы этих обезьян штук сорок извели, да дракона. И за это в тюрьму? Нет, давай разворачивай корабль, лучше ещё десять дней поплаваем. Тут хоть кормят нормально, — Толстун носился по палубе, комкая новый колпак.

— А что же жёлтый баньши? — покачал головой Ивашка.

— Баньши, баньши, ну что нам теперь из-за него в тюрьму садиться снова, — Толстун безнадёжно махнул рукой, — Ладно, что уж, не восстание ведь на корабле поднимать. Может за все заслуги и простят нам десяток-то деньков? Ты-то как думаешь?

— Я думаю, за корабль и за дракона должны простить. Всё-таки не каждый день в порт гоблинские фрегаты пригоняют, — Ивашка обнял друга, второй всё ещё календарик держал, — Пойду с капитаном поговорю. От него тоже зависеть будет, в тюрьму нас посадят или принцесс в жёны отдадут. Не дрейфь Толстун Рыжебородый, как-нибудь, выкрутимся. В крайнем случае, я тюрьму по кусочкам разнесу молниями. Некуда сажать будет.

Капитан стоял на мостике, напряжённо глядя вперёд. Весь уже дома был. Когда Ивашка рассказал ему о своих опасениях, тот уставился на него как на приведение.

— В какую тюрьму? Не может такого быть. Я вот уже бумаги написал, чтобы вас с Толстуном к ордену представили, а эльфа отпустили на родину и жёлтого баньши тоже. Да, о нашем плавание через пару деньков уже песни будут во всех пивных горланить. Губернатор приёмами замучает. В столицу надо готовиться ехать, а не в тюрьму.

— Я Толстуну то же самое и говорил, а всё-таки червь какой-то гложет внутри. Предчувствия нехорошие, а я в последнее время со всем этим колдовством предчувствиям верить стал.

— Да, плохо дело. Вот если бы ты пил, я бы тебе посоветовал сходить рюмочку пропустить. Это от нервов лучшее лекарство, но так как ты не пьёшь, то сходи-ка ты бортовым журналом займись. Сделай последнюю запись.

Ивашка только ушёл в каюту, как сверху раздалось:

— Справа по борту корабль. Паруса голубые. Идёт нам наперерез. Расстояние около мили.

Штурман отметил и это в журнале — всё равно делать было нечего. И только потом спокойно поднялся на палубу. С идущего навстречу судна сигналили, требуя спустить паруса.

— Кто это такие, интересно? — Ивашка подошёл к капитану.

— Ну, судя по парусам — гномы. Обычная галера. Может, у них что случилось? — пожал тот плечами.

— Не думаю, тогда бы они выбросили вымпела, что помощь просят, А эти приказывают спустить паруса и лечь в дрейф, — это Толстун к ним присоединился.

— Очень не охота задерживаться. Может, наплюём на них.

Толстун, просигналь тоже вымпелами, что везём трофеи королю и поинтересуйся, что им надо.

Через пару минут вымпела поползли вверх по мачте и затрепетали на ветру. Корабли

уже совсем сблизились. Пару кабельтовых осталось. Галера явно шла на таран.

— Так ведь и утонуть можно в нескольких милях от дома, — капитан погрозил им кулаком.

Однако, увидев вымпелы на фрегате, гномы на галере отвернули в сторону и стали разворачиваться, пристраиваясь бортом к фрегату. Вскоре корабли поравнялись.

— Кто вы такие? — прокричал снизу высокий тощий гном в капитанской форме.

— Я капитан вон той галеры, что идёт у нас на буксире. А этот фрегат мы захватили у гоблинов. А вы кто такие?

— Давно плаваете-то? — снова прокричал гном снизу, не отвечая на вопрос.

— Четвёртый месяц. А что случилось? — капитан удивительно оглядел идущую борт о борт с ним галеру.

Вся она была облеплена лучниками с натянутыми луками, кончики стрел хищно поблескивали на солнце.

— Я сейчас к вам поднимусь, сбросьте лестницу, — капитан галеры вытащил из-за пояса клинок и стал подниматься по сброшенной Толстуном лестнице. Оружие мешало ему забираться. Одной рукой держаться на раскачивающейся лестнице было неудобно, но засунуть клинок назад в ножны тот почему-то не хотел. Боялся что ли их, так и поднимался с помощью одной руки.

Забравшись, гном ловко перекувыркнулся через борт и оказался перед подошедшим капитаном и Ивашкой.

— Итак, вы выплыли из порта на галере четыре месяца назад, а этот фрегат захватили у гоблинов, — И тут «Тощий» глянул на, идущую на буксире, галеру. Ранее фрегат заслонял её собой, да и стояла она против солнца. А теперь разглядеть на ней дракона не составляло труда. Сохранённый магией эльфа, он как живой покоился на исковерканной палубе галеры, поблескивая синей чешуей.

— Дракон? — только и выдохнул «Тощий».

— Дракон, — в один голос подтвердили Ивашка с капитаном, — Да вы объясните, что случилось? И кто вы такие? — нетерпеливо уже потребовал Ивашка.

— Мы-то? — не поворачиваясь и продолжая разглядывать дракона, осведомился гном, будто его спрашивали, как его зовут. — Мы сторожевой корабль.

— И что вы сторожите? — прыснул в кулак Толстун.

— А вот смеяться нечему. Пока вы драконов там ловили, на нас месяц назад гоблины напали. Целых четыре корабля. Высадили десант и почти полгорода спалили.

— Где же стражники были, а моряки где были? — Ивашка не верил этому тощему гному.

— Сражались с ним, конечно. Но те тоже хитрые, напали под утро, ещё светать не начинало. Все спали. И моряки и стражники. Пока проснулись, собрались, гоблины уже пол города разгромили. И два корабля пленниками набили. Шериф сразу отряды собрал и начал гоблинов теснить, те постреляли из луков, да и уплыли восвояси. — «Тощий» как-то скучно рассказывал, наверное, не в первый раз уже.

— А вы, значит, этот корабль у гоблинов отбили? — обвёл он руками фрегат, и меч в ножны всё-таки сунул, наконец.

— У гоблинов, у гоблинов. Послушай, может, мы поплывём дальше, а то вы тут таких страхов нарасказывали, а у всех дома жёны, дети, друзья. Живы, нет? Цел твой дом или руины одни остались. Вопросов-то сразу сколько. Далеко до берега-то? — капитан уже

сердиться начал на «Тощего».

— Миль десять. Ну, что ж, плывите, — и подозрительно так, — А у вас на борту гоблины есть?

— Да, нет. Всех перебили. Троль один есть. Ну, этого мы шерифу сдадим. Он шпион гоблинский.

— Ладно, плывите, на самом деле, у вас сейчас волнений хватит. Ну, да ничего, через пару часиков всё узнаете. Счастливо вам. — «Тощий», в общем-то, не плохим гномом оказался. Махнул на прощанье рукой и перевалился через борт. Одно мгновение и он уже на борту своей галеры.

Матросы на фрегате, помня, что они на самом деле являются каторжниками на галере, во время разговора двух капитанов старались держаться подальше. Когда же корабли разошлись в море, любопытные потянулись к мостику.

Событие двадцать второе

Вернуться — не значит пятиться назад, это шаг вперёд.

— Что там? — выступил вперёд Толстун.

— Даже и не знаю, как начать, — капитан снял колпак, вытер испарину на лбу, — Это пограничный корабль. Пока нас не было создали такие корабли, чтобы город с моря охранять.

— Это ещё от кого? — раздалось откуда-то с дальних рядов.

На спросившего зашикали. Он пытался тоже что-то пошипеть. Пока в дальних рядах шипели, капитан стоял молча. Наконец, снова образовалась напряжённая тишина. Ветер только хлопал парусами.

— Ну, в общем, пока нас не было, на город напал гоблинский флот, много домов разрушено и сожжено. Много горожан угнали в плен. Посадили на корабли и увезли.

Команда подавленно молчала. Эти гномы видели, как их товарищи втроём перебили экипаж огромного фрегата, а тут целый город разгромили и их близких увели в плен всего несколько кораблей гоблинов. Каждый думал, что окажись он во время дома, уж он бы такого не допустил.

— А далеко берег? — высказался опять за всех Толстун.

И словно в ответ ему с мачты прокричали.

— Земля!!!

Ивашка, всё время стоящий рядом с капитаном, даже не обрадовался этому крику.

Все как-то сразу отключились от несчастий ждущих их дома. Они-то уцелели, и тяжелейшее плавание закончено. Полетели вверх колпаки. Все начали кричать и подбрасывать Толстуна. Почему Толстуна? Наверное, потому что до капитана было далеко. Он стоял рядом с Ивашкой и тоже особой радости не выказывал, напряжённо в синеву моря вглядываясь, будто не доверяя крику с мачты.

Матросы, уронив несколько раз Толстуна на палубу, успокоились и отправились переодеваться в парадные комбинезоны, доставать из сундучков пропылённые голубые колпаки.

Скоро и первые лодки стали попадаться, шаланды рыбацьи. При виде чудовищного фрегата, а особенно когда за кормой вырисовывалась палуба галеры со своим синим чешуйчатым грузом, лодки наутёк пускались. Ивашку это даже забавлять стало. Когда вошли в порт стали видны и свидетельства пребывания здесь гоблинов. Остов сожжённой галеры, Разрушенные и тоже полусожжённые склады. Однако, чем ближе подходили к причалу, тем виднее становилось, что гномы уже опомнились от этого нашествия. Везде сновали строители, восстанавливали дома, ремонтировали лодки и баркасы, повреждённые пиратами. И даже по каркасу полусгоревшей галеры лазали гномы с молотками и пилами. Кипела, в общем, работа. И опять-таки, Ивашке понравилось, какое они впечатление производят. По причалу, словно ураган прошёл, все работу побросали, и давай, кто куда разбегаться. Но особенно обрадовало другое, что не все стрелкача задали и многие сразу вернулись, но уже с оружием в руках, поблескивали мечи и кинжалы, качались алебарды

(видно стражники собирались).

— Спустить паруса. Отдать якорь! — капитан показался на мостике, в руках держал гномский флаг. Золотой молот на голубом фоне. Свежий ветер развивал полотнище, и не заметить его с берега было невозможно.

Загремели якорные цепи, заскрипели лебёдки, спуская паруса. Фрегат встал. Перебравшись на галеру по канату, два матроса отдали якорь и на ней.

— Вот и дома, — Толстун подошёл к Ивашке, — интересно, мой-то домишко уцелел?

— Скоро всё узнаем, что попусту себе нервы теревить, вон уже стражники в лодке приближаются. Так что сейчас нам скажут — тюрьма или ордена, — Ивашка направился к борту, лестницу служивым сбросить.

Те хоть и видели гномский флаг у капитана, поднимались на борт осторожно, словно подвоха какого ожидали. Ну, да, пуганая ворона куста боится. Поднялись двое. Ивашка одного впервые видел, зато второго узнал сразу.

— Титыч, ты?

— Ивашка! А я слышал, тебя на галеры сослали за убийство, что ли, — и руку неуверенно подал.

— Сослали Титыч, сослали. Да вот наш капитан. Он всё расскажет.

— Дракон хоть не спит? — шёпотом поинтересовался второй стражник.

— Потапыч, ты что ли?! — Толстун бросился его обнимать, — А что это ты в стражники нанялся. Моряком вроде всегда был.

— Я-то ладно, тут у нас такое творилось. А вот ты что боцманом нарядился, должен, кажется, к веслу быть прикован.

— Вон дракон все вёсла переломал, когда падал, пришлось расковыряться, — отшутился тот и как-то сразу смешался, отступил назад, среди матросов затерялся.

— Я капитан этого судна и той галеры тоже, — вышел вперёд капитан, — Мне бы хотелось сойти на берег, встретиться с шерифом или губернатором.

— А у вас на корабле всё нормально. А то я смотрю Ивашка, Толстун офицерами заделались, вы случайно это судно не захватили? — Титыч, как всегда, во всём сомневался. Ивашка даже не обиделся на него. Ну, если гном во всём всегда сомневается, за что на него обижаться. Остряки из пивнушки «Жёлтая луна» рассказывали, что он даже в своей жене сомневается. Приходит как-то домой, а там жена, что-то по хозяйству возится. Он ей с порога: «А что это вы, гражданочка, у меня дома делаете»? Одно слово — «Титыч».

— Захватили, конечно, — не стал разуверять сомневающегося стражника капитан.

— Ага, то-то я сомневаюсь, что это тут Ивашка с Толстуном шастают. И что мне теперь с вами делать? — и головой так укоризненно покачал, как учитель, поймавший нашкодившего ученика.

Капитан, видя, как Ивашка улыбается, решил поддержать игру.

— Ну, что теперь делать. Сдавайтесь, переходите к нам, а то с двоими-то с вами мы быстро справимся.

— Ох, сомневаюсь я, шутите что ли? — но за рукоятку палаша схватился.

— Да, у гоблинов мы этот фрегат захватили. Их всех перебили, а фрегат себе взяли. Вот хотим губернатору вручить. А ещё мы дракона подстрелили не так давно. Он нам прямо на галеру и упал. Хотим его королю подарить. Чтобы он из него чучело сделал.

— Ага, значит, гоблинов перебили, корабль захватили, дракона подстрелили. Что-то я среди вас Эрла Рыжебородого не вижу, — это уже Потапыч засомневался.

— Что нам Эрл Рыжебородый, да вон Ивашка похлеще будет, — капитан подтолкнул штурмана вперёд, по плечу его похлопал.

— Ивашка-то? Да, я его с вот таких вот пор помню, — Титыч рукой себе по пояс показал, — Юнгой ещё служил. Что-то не больно он на Рыжебородого похож.

— Ладно, ребята. Пошутили, да, и хватит, наверное. Я капитан этого корабля. Мы его в честном бою захватили у гоблинов. И я хочу встретиться с шерифом и с губернатором. Можно мне сойти на берег?

— Неужели и, правда, захватили? — как-то жизнерадостнее уже засомневался Титыч.

— Вот ведь, ёлки-палки, говорю, захватили, перебили, подстрелили. Мы плыли, думали нас тут цветами да орденами встречать будут, а здесь вы со своими сомнениями, — вышел из себя капитан, даже голос повысил.

— Хорошо, хорошо. У нас теперь строго. Шериф сам все суда до единого велел проверять. Вы хоть знаете, что гоблины у нас натворили? — тоже разошёлся Титыч.

— Титыч, а ты не знаешь, моя пещерка уцелела? — разрядил атмосферу Ивашка.

— Точно не скажу, сомневаюсь, но вроде цела. У тебя ведь рядом с «Дубками».

— Да. Там, там, — радостно закивал Ивашка.

— Тогда, цела, — и пожал плечами, — наверное.

— Так, что, можно мне на берег, — гнул своё капитан.

— Поехали, что уж. Мы и доставим. Только один давай. Больно сомнительные у тебя помощники. Ивашка, Толстун, эльф вон какой-то шастает без цепи. Ох, сомневаюсь я, что к добру это, когда эльфы без цепей ходят.

Капитан уехал со стражниками и на Ивашку сразу набросились тревоги, предчувствия и прочая нечисть, не позволяющая спокойно сидеть на месте, да кофеёк попивать в ожидании заслуженной награды. Он метался по палубе, вглядываясь в берег, уходил в каюту, бросался на шконку, но сразу же вскакивал и снова выбегал на палубу, боясь пропустить возвращение капитана. И прекратил свои метания только, когда заметил, как они действуют на команду. Матросы, видя, что их любимец Ивашка, столько раз выручавший их из беды, сейчас носится как угорелый, места себе не находит, и тоже начали нервничать. Один раз даже до драки дело дошло. Благо Толстун подоспел да разнял петухов. Вот тогда Ивашка и успокоился.

— Ладно, — сказал он подошедшему Толстуну, — Ну, посидим в тюрьме десять дней. Вот беда. Это ведь не с гоблинами воевать.

— Нужно каким-нибудь делом заняться, — предложил боцман.

— Да, нет, не поможет. Слушай, Толстун, а что ты будешь делать, если нас сейчас отпустят на все четыре стороны?

— И деньги за скорлупу дадут?

— И деньги дадут.

— Я тогда, пожалуй, свою каморку продам, а себе новую буду строить, большую с бассейном и аквариумом — как у тебя. И ещё закажу столяру (ну, ты знаешь — Ушастому) модели судов разных и поставлю их на полки. Я такие у Обжоры Саныча видел в магазине.

— И в море не пойдёшь?

— В море-то?

— Ну, ты теперь боцман. Да, ещё в таком плавание, тебя теперь любой капитан с удовольствием возьмёт.

— Может, когда надоест отдыхать или деньги кончатся. А ты-то сам, что делать будешь?

— А я, — Ивашка задумался, говорить ли Толстуну о кладе. Потом, решив, что лучшего компаньона ему не найти, решился, — А я, Толстун, хочу построить небольшой корабль, набрать хорошую команду и снова сплавать в эти же места.

— За скорлупой?

— Нет. В прошлом плавание я купил попугая. А он на языке жёлтых баньши рассказывает, где зарыт клад.

— Клад? И что, ты этому попугаю веришь? — Толстун покрутил пальцем у виска, — Либо он, либо ты сумасшедший.

— Скорее всего, это на самом деле так. Это на острове «Дохлого Дракона» к юго-западу от Медузы. Я его уже и на карте нашёл.

— Остров может и есть, а вот клад.

— Я заодно хочу ещё и жёлтого баньши с эльфом домой доставить. Баньши мне за это обещал подарить волшебный талисман.

— Тебе мало, что ли? Смотри, как бы тебя не сожгли за колдовство. Сам знаешь, гномы этого не любят.

— Это очень сильный талисман, с его помощью я любого дракона или гоблина за полмили укокошу.

— И что, ты хочешь, чтобы и я с тобой плыл? Это аж до Западного материка? В самое логово драконов, гоблинов, эльфов? — Толстун недоверчиво оглядел себя, — Вроде и рано мне ещё помирать.

— То есть, понятно, ты не пойдёшь со мной? — разочарованно улыбнулся Ивашка.

— Что-то пока не хочется. Пещерка с бассейном к тому же ещё не готова.

— Да, если мы клад найдём, можно будет целый дворец в столице отгрохать.

— Давай мы с тобой попозже об этом поговорим, — Толстун опять побежал разбираться с повздорившими матросами.

Капитана не было долго. Солнце утомительно долго плыло над морем, затем уже стало спускаться за город в скалы. На берегу собралась огромная толпа любопытных. Гномы всё пребывали и пребывали и не только на пирсе. Все лодки, шаланды, яхты и вообще, всё, на чем только можно плавать, сконцентрировалось вокруг галеры с драконом и гоблинским фрегатом. Стражники, видно опасаясь, как бы любопытные не попытались взобраться на корабли, старались их отогнать. Да, где там. Что может сделать пара лодок со стражей против сотен и даже тысяч любопытных гномов.

Скуки на фрегате как не бывало, моряки находили среди любопытных своих знакомых, и началось: Как дела? Живы ли мои? Цел ли дом? А в ответ: Куда ходили? Что привезли? Неужели дракона убили? Правда ли, что вы целый гоблинский флот разгромили, а этот корабль захватили? И через пару минут уже ничего нельзя было услышать. Такой шум поднялся. Ивашка тоже принял участие в этом гвалте и единственное, правда, что ему удалось выяснить — это то, что его пещерка цела, а Дюшку кто-то недавно видел в порту. Сразу на душе полегчало. Дом цел, парнишка жив. Щемило сердце по Натали с Леночкой, но кричать о них малознакомым гномам Ивашка не решился. Да, и кто они ему? Они и виделись-то всего один раз, если суд не считать. Может, и дела ей нет до Ивашки, а все эти будущие совместные экспедиции лишь плод его воображения.

Штурман во всей этой сутолоке мелких лодчонок и не заметил, как капитан появился. Солнце уже почти спряталось в прибрежных скалах, отбрасывая длинные сиреневые тени на бухту. Гномы, накричавшись за день, и утолив, насколько могли, любопытство, приглушённо

галдели. Заметил капитана, Ивашка только когда тот через борт перелазил. И уже по сияющей его физиономии понял — всё хорошо. Гномы собрались сразу на палубе, стояли с открытыми ртами, ждали что скажет.

— В общем, так, все вольнонаёмные могут хоть сейчас сойти на берег. Быть на борту завтра в обед. Будем делить добычу. Для заключённых. Завтра с утра на борт поднимутся судья с шерифом. Они будут рассматривать ваши дела. Губернатор при мне дал судье указание, сделать всё возможное, чтобы всех помиловать. А в обед прибудет сам губернатор и все, кто своей судьбой будет недоволен, подавайте прошения. Я думаю, увидев скорлупу драконьих яиц, он будет вполне подготовлен, чтобы любого помиловать своей властью.

Обрадованная команда разошлась. Матросы побежали за сундучками, и буквально через десять минут, шлюпка уже неслась к берегу. И не много бы нашлось желающих потягаться с ней наперегонки. Ивашка, чтобы не видеть всего этого, спустился в каюту, где теперь жили эльф и жёлтый баньши. Эльф в последнее время, несмотря на хорошее питание, сильно сдал. На все вопросы гнома, что с ним, отвечал только одной фразой: «Эльфы не могут жить без земли!». Ну, а о Хулкуре и говорить нечего. Яблоки, груши, гранаты вроде бы давали ему все сколько было на корабле, но, взглянув на него сейчас, Ивашка прямо поразился — одни глаза жёлтые остались, весь прозрачный стал.

— Ничего, друзья, — поспешил он их обнадежить, — Завтра после обеда будем на земле. И я знаю недалеко от своей пещерки скверик, там этих клёнов видимо-невидимо, наверное, специально для тебя посадили.

— Хорошо бы! — чуть не хором ответили колдуны.

— Ребята, я тут с вами поговорить хочу, — видя, что те немного ожили, начал штурман, — Завтра будем делить скорлупу драконьих яиц. Капитан сказал, что мне положена десятая часть. Я думаю, что этих денег хватит, чтобы построить яхту средних размеров. Наберу команду гномов в десять и развезу вас по домам. Только по дороге зайдём на один островок. Согласны? — Ивашка оглядел этих двух совершенно не похожих друг на друга существ, высокого стройного эльфа с тонкими чертами лица и голубыми глазами и нескладного полупрозрачного баньши с лихорадочным блеском золотых глаз.

— Поплывём на Западный континент? — недоверчиво сощурился эльф.

— Ну, а что? Гоблины плавают. А мы, что хуже, что ли?

— Вот о гоблинах как раз и стоит думать, — прошелестел Хулкур.

— Да, нам троим сейчас гоблины разве что на закуску. Мы там у вас и драконов всех повыведем. Наведём порядок, — попытался отшутиться Ивашка.

— И почему все гномы такие хвастуны? Слушай, брат Вандермаст, ты уверен — с твоими пластинками ни чего не случилось? — ну, о чём может думать эльф как ни о магии.

— Завтра узнаем, — недобрые предчувствия снова нахлынули на штурмана, — «Как там Натали и Леночка?».

— Ладно, убийцы драконов, отдыхайте, — чтобы не показывать своего настроения колдунам Ивашка решил ретироваться.

— Слушай, брат Вандермаст, — остановил его эльф, — Если вдруг на мою долю будут давать деньги за скорлупу или за дракона или за корабль — возьми их на постройку судна. Пусть оно будет чуть побольше. Вон Хулкуру клён в бочке посадим на палубе.

Ивашку после этих слов слеза прошибла, мотнув утвердительно головой, он поспешно скрылся за дверью. Вышел на палубу. Звёзды уже на небо высыпали, и Луна на всю катушку светила. В детстве (Ивашка вспомнил) мальчишки постарше рассказывали, что Луна и

звёзды — это тоже гнилушки, какие баньши заколдовывают, чтобы ночью пещеры освещать, только к небу прибитые. Теперь-то Ивашка знал, что и звёзды и Луна, они всё время по небу движутся и не могут быть прибиты к нему. А как-то раз он даже слышал, что Луна — это такая же планета, как и та на которой они живут. Там свои моря, океаны, острова, материки и гномы там тоже живут. Ну, уж это точно враки. Гномы и на Луне. Лунатики.

Событие двадцать третье

Люблю уезжать, потому что всегда есть куда возвращаться. Люблю возвращаться, потому что всегда есть к кому. И в этом моё счастье.

Успокоенный воспоминаниями о детстве, Ивашка спокойно уснул. И проспал до восьми утра. Когда все уже были на ногах, наводили на себе и на корабле последний блеск. В общую суету он не включился, прошёл на камбуз, где матрос, заменивший кока, сошедшего вчера на берег, напоил его кофе и угостил кусочком вяленого драконьего мяса. Штурман тихонько сидел в углу и пережёвывал пахнущее дымком мясо. Там его и нашёл капитан.

— Во, ты даёшь. Я бегаю, ищу его по всему кораблю. А он тут лакомится.

— Случилось что? — Ивашка с сожалением отложил недоеденный кусочек.

— Да, ты на палубе-то был? — покачал головой капитан.

— Сегодня нет. А что случилось-то? — Ивашка даже похлопал себя по левому боку, на месте ли кинжал.

— Судьи уже плывут. Да, уже здесь теперь, наверное, пойдём быстрее наверх, — и потащил Ивашку за рукав.

— Дак, вроде, рано ещё.

— А ты бы усидел на месте, когда можно на дракона полюбоваться, жёлтого баньши, скорлупу драконью. И на такого олуха как ты, — прыснул в бороду капитан.

Судьи и, правда, были уже на корабле. Трое. В сиреневых своих комбинезонах и колпаках без безделушек. Кучкой ходили они взад и вперёд по сверкающему в лучах восходящего солнца фрегату. Рядом с ними вышагивали два стражника. А вокруг собрались уже все матросы, что были на галере прикованы к веслу. Ну, а здесь вёсел не было, не к парусам же их привязывать. К тому же общие беды сплотили экипаж, так что и различия не существовало — заключённый ты или вольный. Увидев, поднимающихся к ним капитана с Ивашкой, судьи бросили мерить шагами палубу и заспешили навстречу.

— Рад приветствовать вас на борту отбитого у гоблинов фрегата, — капитан так сиял, что Ивашка подумал: «Может на самом деле рад?».

— Давайте перейдём в каюту, — предложил штурман.

— Конечно, конечно, — опять взял инициативу в свои руки капитан, отеснив Ивашку от судей и сделав тому знак — не вмешивайся мол, — Вы, наверное, ещё и не завтракали? — переключил капитан своё внимание снова на судей. — Я коку заказал антрекоты из мяса дракона. Вещь, скажу я вам! Пальчики оближешь! Вы ведь дракона ещё не пробовали, а?

— Да мы вроде как судить приехали, — начал было, тот судья, что Ивашку судил, штурман его сразу узнал.

— Ну, и посудите себе. Но не в ущерб же здоровью. Кто же это на голодный желудок работает? — капитан уже втискивал их к себе в каюту, когда последний зашёл, кинул через плечо Ивашке, — Давай к коку, пусть несёт всё, что есть, и рому не забудь, что в стеклянных бутылках у гоблинов захватили. Давай! — и скрылся за дверью.

Когда Ивашка через несколько минут помогал вносить деликатесы, капитан уже скинул колпак и по-домашнему расположился на кровати. Судьи тоже позволили себе снять

колпаки и сидели, разинув рты, слушали об удивительном плавании в южные моря. На полу посреди каюты стояла корзина полная драгоценной скорлупы. Лучик света через иллюминатор падал прямо на камешки и те переливались, пуская на стены цветные зайчики. Одна эта корзина стоила столько, наверное, сколько все эти трое судей не заработают за всю жизнь. Капитан, увидев, вошедшего Ивашку, помог подать гостям мясо и разлил из огромной бутылки ром по фужерам. Гоблинам эта посуда вероятней всего служила маленькими рюмочками, ну, а гном мог в ней руки помыть. Капитан, прервавший свой рассказ, когда убедился, что мясо пошло в дело, театральным жестом указал на огромный гоблинский меч, висевший на стене, а потом на Ивашку.

— А вот и герой, который, можно сказать, в одиночку, ну, если быть до конца честным, то с помощью Толстуна (которого вы собираетесь судить) и пленного эльфа (это уже вам решать, что с ним делать) захватил у гоблинов этот корабль, перебив штук тридцать этой нечестии. Более того. Он, именно он, всадил в глотку, извергающего пламя, дракона, которого вы сейчас кушаете, стрелу, тот ей и подавился, на радость нам. Чучело этого дракона мы решили подарить королю, — капитан болтал и болтал, судьи потихоньку сходили с ума от крепкого рома (гномы такой делать не умеют), от блеска скорлупы, от ужасающего вида меча, от размеров кровати, на которой развалился капитан, и от лавины слов обрушившихся на них.

Только через полчаса, заметив, что антрекоты съедены, капитан вдруг оборвал рассказ о том, как жёлтый баньши превратился в дым и исчез в дереве.

— Кстати, вот и первый каторжник. Вам ведь пора уже, наверное, приступать к делу. Скоро губернатор прибудет. А тут одни каторжники.

Судьи точно проснулись. Отодвинув пустые тарелки и почти пустые «рюмочки», они обернулись к Ивашке.

— Да, да, я сразу узнал вас, — церемонно поклонился судья, который судил Ивашку, — Даже нет надобности в дело заглядывать. Вы получили год за убийство неизвестного гнома, который, скорее всего, убил Дубка, а потом напал на вас с Толстуном и мальчика.

Ивашка согласно кивнул.

— Если засчитывать это беспрецедентное плавание как один к трём, сколько вам ещё осталось? — обратился к штурману пожилой гном с седой бородой и такими же седыми косматыми бровями.

— Десять дней, — у Ивашки сердце отчаянно забилося.

— Да вы не волнуйтесь, конечно, десять дней мы вам скостим и месяцев бы скостили десяток. У меня сына гоблины убили, когда на город напали. Хотя вы за него отомстили, — слёзы показались под косматыми бровями и старик встал и обнял Ивашку, а потом, пошмыгав носом, прошептал «спасибо».

Ивашка не знал, что и делать. Старик шмыгал носом у него на плече и тихонько вздрагивал. Штурман обнял его и слегка похлопал по плечу. Он бы, наверное, так же горевал, если что случилось с Дюшкой или Натали.

— Ничего, ничего, отец. В этом плавание мы у них один фрегат отбили, а в следующем весь флот потопим. Вот с нами эльф есть, так он этих гоблинов как груши с дерева молнией сшибает. Его бы тоже надо освободить. Я его хочу домой отвезти. Он столько хорошего для нас сделал, и дракона помог завалить и фрегат захватить. А сейчас ему плохо, он без земли жить не может. Она ему нужна, чтобы силы восстанавливать.

Судья пошмыгал ещё носом на плече у Ивашки и сел на своё кресло, вытирая глаза

голубеньким платочком.

— Но ведь эльфы враги гномам, — напомнил тот судья, что Ивашку судил.

— Ну, какие же они враги, если они, как и мы с драконами и гоблинами воюют. Они враги наших врагов, значит наши друзья, — вмешался капитан.

— Нет, нет. Они все колдуны. Вот и Ивашка говорит, что он может убивать молнией, — это вставил своё веское слово третий судья. Он был небольшого росточка, с рыжей бородой, и на носу его красовалась огромная сизо-волосатая бородавка.

— Послушайте коллеги, и Ивашка и капитан утверждают, что эльф помогал им захватить этот фрегат, убить дракона. Сам разделался с несколькими пиратами. Я думаю, не будет ничего страшного, если мы позволим нашему штурману отвезти его домой. А если вы по дороге отправите на тот свет ещё несколько гоблинов, я буду считать, что эльф мстит за моего сына, да и за весь наш город, разорённый этими гориллами, — старый судья как бы точку поставил в этом затянувшемся споре.

Дальше всё пошло быстрее. Гномов вызывали одного за другим и прощали кому, как Толстуну, несколько дней, а кому и несколько лет, как Безухому, коренастому гному с бандитской рожей, правого уха у него не было. Говорит, в бою с троллями потерял. А тут вдруг выяснилось, что в драке-то в драке, только не с троллями, а с гномами, причём обидчика он заколол шпагой. Ну, да и его простили.

Последним зашёл молодой ещё парнишка, только борода начала пробиваться. Ивашка на него раньше и особого внимания не обращал. Звали его Серьга, за серёжку в правом ухе. И тут оказалось, что его приговорили к пожизненной каторге на галерах, за то, что он ограбил и убил всю семью рыбака гнома, когда тот сдал товар и задержался на день у Серьги дома, как у своего хорошего знакомого, чтобы утром на базаре купить жене и дочери подарков. Ночью Серьга их всех зарезал спящими, а деньги забрал себе. Да напился и по пьяной лавочке проболтался в забегаловке. Судьи не решились отпускать его на свободу. Они поставили условие, что если капитан возьмёт его на свой корабль матросом, то, проплавав пять лет, Серьга снова сможет прийти в суд и тогда по отзыву капитана они решат, исправился ли он окончательно.

Все остались довольны, судьи собирали дела и угощались на прощанье ромом. Старик судья, звали его Филином, за косматые брови, пригласил Ивашку в гости, говорил, что они с женой будут очень рады, и что Ивашка им теперь будет за место погибшего сына, и, конечно, опять шмыгал носом у Ивашке на плече.

Только судей отправили на берег, как стали прибывать матросы. Кто радостный — встретился с родными и знакомыми, а кто как Филипп, например, мрачнее тучи. Домик его полностью сожгли, а жену с сыном захватили в плен. Он метался по палубе как разъярённый лев и через каждые несколько минут подходил к Ивашке или эльфу, вышедшему на палубу погреться на солнышке, с просьбой научить его пускать молнии в гоблинов.

Стали поднимать из трюма трофеи: корзины с драконьей скорлупой, ткани, что у гоблинов захватили, казну фрегата. Огромные как блюдца гоблинские деньги весело переливались на солнце золотом и серебром. Отдельной горкой сложили гоблинское оружие, страшного размера мечи. Гном его и поднять-то не сможет. Арбалеты были похожи на гарпуны, каким так мастерски владел Толстун. Всю эту кучу наполовину закрывал флаг их зелёный с жёлтыми звёздами по углам.

Губернатор был точен. Только склянки пробили полдень, как его лодка ткнулась носом в борт фрегата. С ним и шериф был и капитан стражников. Ивашка немного волновался. И

как-то даже неуютно себя чувствовал в новеньком офицерском комбинезоне с золотым шитьём. У губернатора на мундире меньше золота было. Матросы стояли ровными рядами, палуба блестела, солнечные зайчики играли на ней, отбрасываемые начищенной медью. Фрегат выглядел великолепно.

Начальство обошло его весь с носа до кормы, весь трюм облазили. И лица их с каждой минутой всё шире расплывались в улыбках.

— Молодцы. Это не корабль. Это просто смерть гоблинам. Теперь мы на равных можем с ними в море воевать. Капитан, сколько гномов команды, по-твоему, нужно для такой громадины? — обратился губернатор к собравшимся в капитанской каюте.

— Гномов сто. И можно десант перевозить, ещё около сотни.

— Вот и я так думаю. А двести гномов, да на таком красавце, с любым гоблинским кораблём справятся. В общем, так. Ты этот фрегат у гоблинов отбил, тебе на нём и командовать. Набирай матросов, своих кого хочешь, оставь. Вот я смотрю у тебя штурман совсем молодой. Это и есть тот богатырь, что дракона убил и гоблинов крошил как капусту? Вы знаете, что Эрл Рыжебородый мне прадедушкой приходится. Я им горжусь. Вот и тобой штурман внуки гордиться будут. Жена-то есть у тебя, дети? — сменил он вдруг тему.

— Не знаю даже. Я хотел жениться на одной учительнице, у неё муж погиб, и девочка есть. Но вот жива ли она, и захочет ли за меня замуж выходить? — честно признался Ивашка.

— Как это не захочет. Да я сам пойду за тебя её сватать. Отцом посажённым буду. Думаю, мне уж она не откажет. Ну, ордена вам в столице король вручит, а я могу только медаль дать «За заслуги перед гномами». Это мой подарок тебе на свадьбу.

Лодка шла удивительно медленно. Еле вздымались и опускались вёсла. Пирс почти не приближался. На секунду Ивашке показалось, что даже удаляться стал. Был отлив, и гребцам приходилось бороться и с волной и с течением. Когда сильно куда ни будь рвёшься, время словно нарочно останавливается — не успевает за полётом мысли.

Капитан не отпускал Ивашку, уговаривал его подождать до прилива. В общем-то, правильно, конечно. Так и разбиться о пристань не долго. Но это ведь пришлось бы ждать до обеда. Не плыть же в темноте. И как только все дела на корабле были закончены, штурман, Толстун и ещё несколько гномов, покидали в шлюпку нехитрые свои пожитки, и поплыли к берегу. Отлив так отлив. Солнце уже зашло, когда лодка ткнулась носом в причал. Вот тут гномы чуть не потонули. Луна была полная, и отлив на несколько метров воду опустил. Зацепиться не за что. Волна подхватила шлюпку, и чуть оттащив от причала, погнала вперёд с явным намерением пустить отчаянных моряков на дно. Гномы как могли, тормозили вёслами, но те срывались от спешки, да и бесполезное это было занятие — лодка на гребне волны качалась. И разбились бы, но Толстун схватил свой мешок с пожитками и сунул между причалом и носом шлюпки. Раздался треск — два весла, которыми тоже пытались смягчить удар, разлетелись в щепки, а лодка (всё-таки молодцы гоблины — умеют строить) выдержала. Ивашке удалось канат вокруг сваи перекинуть и во второй раз волне пришлось откатиться без добычи. Сверху кто-то бросил смельчакам верёвочную лестницу и те быстро, быстро, пока не накатилась следующая волна, полезли вверх. Еле успели. С грохотом вода набросилась на беззащитную лодку и разбила бы её в щепки, но нет, и тут повезло, успела черпнуть воды через край и затонула.

Ивашка последним поднимался и выбрался на причал весь мокрый — волна успела

накрыть. Жалко было новенького комбинезона со штурманскими нашивками и золотым шитьём. Губернатор от себя лично приколот Ивашке, Толстуну и капитану значки «Почётный гражданин города» с красивыми перекрещенными мечами и венком. Но сейчас всё это на мокром комбинезоне вроде как бы и не смотрелось.

Стояла ранняя весна, и было ещё по ночам достаточно прохладно, и вода была холодновата — штурман сразу замёрз. Обнялись на прощание с Толстуном и договорились встретиться. Ивашка оглянулся ещё раз на еле различимый в сумерках фрегат и зашагал домой. На небо уже высыпали звёзды, и полная луна всю светила, но день ещё цеплялся за деревья, за крыши домов, за каждый кустик и травинку. Стояла та пора, когда не понятно, то ли вечер, то ли уже ночь. Фиолетовые сумерки. Ивашка совсем продрог в мокром комбинезоне, пока добрался до своей пещерки. У самого порта часть домов (гномы свои дома тоже называли пещерками, наверное, это пошло с тех легендарных времён, когда гномы на самом деле жили в горах в огромных пещерах), так вот, у самого порта часть домов была разрушена, кое-где шёл ремонт, а дальше город как город, каким его Ивашка и оставил.

У самого своего домика, ну, или пещерки, штурман столкнулся с патрулём, те было шагнули к нему, но рассмотрев офицерский мундир, отсалютовали и прошли мимо. Ивашка взялся за ручку двери и вдруг замер поражённый. Из-под двери сочился свет. Пробивался запах какой-то стряпни и голоса со смехом. Поражённый штурман толкнул дверь и ... ничего не произошло — прихожая была пуста. Зато дальше в комнате и на кухне были гномы, Ивашка ясно различил два детских голоса. И тут на него навалился запах домашнего печенья — рыбок. Всё ещё удивлённый сильно, он отодвинул штору, отделяющую кухню от прихожей, и оказался нос к носу с ... Натали. Она как раз выходила из кухни с тарелками в руках. И чуть не натолкнулась на моряка.

Очень долго стояли они так, смотря друг на друга. Ища друг у друга перемены. Натали была в простеньком домашнем комбинезончике с повязанным поверх фартуком. И этот домашний уютный вид её так растрогал Ивашку, что в носу защекотало. Он приложил палец к губам, призывая её к молчанию, и тихонько взяв у учительницы тарелки с печеньками, спросил, прижимаясь губами к симпатичному ушку с кисточкой.

— Кто там?

Натали обняла его прижавшись к мокрому мундиру и тоже прижав губы к его уху, так что не понятно было, то ли поцеловала, то ли нет, тихонько прошептала.

— Леночка и Дюшка, — потом отодвинулась от штурмана и критически его с головы до ног осмотрела. Ивашка встретился с её взглядом и без всякой магии прочёл в нём восхищения.

— Мокрый, — произнесла она одними губами.

— Волной на пирсе окатило, — и добавил совсем тихо, — Домой спешил.

— Вот ты и дома, — улыбнулась Натали.

И только сейчас Ивашка, наконец, почувствовал, что да он дома. Жив, здоров, свободен и дома. Из комнаты докатилась волна беззаботного детского смеха. Ивашка подмигнул учительнице и с тарелками, полными печенья, шагнул в комнату. И не узнал её. Угол завален какими-то свёртками, узлами. На стене, против камина появились полки, заставленные книгами. Кровать большая появилась. Не жилой вид. То ли кто приехал, то ли уезжает.

— Ивашка! — и маленький сорванец бросился моряку на шею. Тот только успел руки с тарелками развести.

Позже, сидели за столом, пили кофе, и, перебивая друг друга, рассказывали, с кем что

произошло. Ну, с Ивашкой понятно и ночи не хватило бы слушать о его приключениях, поэтому он пообещал всё завтра рассказать. А вот историю учительницы и Дюшкину слушал сжав кулаки, и желваки на скулах только играли.

Событие двадцать четвёртое

И все-таки, как хорошо дома! Так тепло, уютно, нет лучше места на земле!
Рэй Брэдбери

Когда гоблины напали на город, Дюшка был в школе, Натали с Леночкой тоже. А школа ведь почти у моря. Так что пираты чуть не первой её захватили, ну, и давай детей хватать, да на верёвки привязывать, к кораблям тащить. Дюшку с Леночкой тоже схватили, но пока вели, парнишка незаметно из кармана ножичек вынул. Это был подарок Ивашки и гномик с ним не расставался. Тихонько перерезал свою верёвку, потом у девочки, и, схватив её за руку, бросился бежать в ближайший переулок. Гоблины заметили, побежали следом, громяхая своими сапожищами. А переулок забором заканчивался. Гоблин Леночку схватил за руку, да как дёрнёт её к себе, та в крик. Пират с такой силой дёрнул,

что руку сломал. Ну, а ему-то что, кричи не кричи, знай, тащит за собой. Дюшка подбежал к нему и со всех своих мальчишеских силёнок воткнул нож в руку. Гоблин от боли и неожиданности Леночку отпустил, и ребята успели через забор перебраться, и пока гоблин за их спинами в порыве ярости сокрушал забор, успели закоулками далеко от моря убежать. Спаслись, в общем. Только вот рука у Леночки, что-то не срастается, видно сильно её пират раздробил.

Натали в это время выводила тот класс, где урок вела, в безопасное место и о судьбе детей не знала. Волновалась сильно. Нашла их только тогда, когда стражники и моряки гоблинам отпор дали — у своего дома. А дома, как такового, и не осталось. Развалили. Хорошо хоть не сожгли. Самое ценное и необходимое собрали и пошли к домику, где Дюшкины бабушка с дедушкой жили. А там горе. Дом сгорел дотла, а с ним и старики. Даже хоронить нечего. Решили к Ивашке идти, мальчик, еле живой от горя и усталости, дорогу среди развалин показал. Здесь пока и устроились. Потом от Натали все, какие могли, вещи потихоньку перенесли. Обживались. Губернатор обещал помочь дом восстановить, но кто строить-то будет. Мужских рук нет.

Ивашка выслушал до конца и хоть понимал, что не к месту вопрос, столько горя кругом, а он тут со своим, спросил, не утерпел.

— Пластинки и карты целы?

— Да, всё на месте, — Дюшка кинулся в угол и вытащил тубус и завёрнутые в тряпочку пластинки.

Ивашка осторожно развернул синий лоскуток и с тревогой разложил веером блестящие прямоугольнички с загадочными буквами. Потом порылся в своей котомке и достал ещё пластинки, сложил вместе. Оглядел притихших гномов и, грустно улыбнувшись, сказал:

— Если верить одному колдуну, (Я вас завтра познакомлю), то нападение гоблинов — их работа. Они притягивают несчастья. Это их было три, а теперь вон сколько. Что же делать?

— Из-за этих пластинок? — не поверила Натали. Она осторожно, словно об них можно обжечься, взяла пластинки в руки и повертела в разные стороны, будто ища на них, что ни будь, чего раньше не видела, — Но ведь я их сотню раз в руках держала.

— Вот именно поэтому, — Ивашка взял у неё пластинки и завернул в ту же тряпочку голубенькую.

— Ну, так и выбросить их и всё, — вмешался Дюшка, — сколько тогда из-за них бед и дедушка с бабушкой, и тебя с Толстуном посадили, и у Леночки вон рука не заживает.

Ивашка продолжал аккуратно заворачивать пластинки.

— Нельзя их выкидывать. Это не простые пластинки — волшебные. Завтра к нам колдун один придёт. Вернее, два колдуна. Один — эльф, другой — жёлтый баньши. Вот пусть они и решают, что с этим делать, — и штурман решительно запихнул свёрток в карман комбинезона.

— А теперь давай займёмся твоей рукой, малышка, — Ивашка осторожно взял в руки перебинтованную ладошку девочки.

— Пошевели пальчиками.

— Когда шевелю, мне больно, — сморщилась Леночка, но пальцами, закусив губу, шевельнула, только слегка ойкнула.

Ивашка залез в свой самый потайной карманчик и вытащил два красных камешка.

— Сейчас ты пойдёшь спать, а эти камешки сожми в кулачок. Вот под бинтик засунь, чтобы ночью не выпали. А утром этой рукой уже косички заплетать сможешь.

— Ой, мам, они тёпленькие, и рука сразу болеть перестала, — похвасталась девочка.

— Что это за камешки? — удивлённо посмотрела Натали на штурмана, словно не узнавая его, — Волшебные камни, волшебные пластинки, друзья колдуны, да ещё эльф с жёлтым баньши, которые давно вымерли.

— Ну, этот ещё жив, наверное, правда, очень слаб. Они, баньши эти, питаются соком клёнов, и без него долго не могут жить. Вот он завтра в наш парк сходит в клёне посидит, а потом в гости зайдёт, — увильнул от ответа Ивашка, не хотелось ему с первых же часов обрушивать на близких, что и не Ивашка он уже, а Вандермаст. Потом как-нибудь.

Дети стали просить рассказать о жёлтом баньши, но Ивашка сказал, что тот сам всё о себе расскажет завтра, а теперь пора спать.

Гномиков уложили на стареньком ивашкином диванчике. И здесь моряк сообразил, что спать-то ему и негде, осталась одна кровать. Он смущённо и вопросительно посмотрел на Натали. Та еле заметно улыбнулась, как непонятливому малышу, потом решительно достала из шкафа свою пижаму и Ивашкину тоже. Протянула ему, а сама ушла переодеваться на кухню. Штурман вылез из влажного ещё комбинезона, одел чистую сухую пижаму и в очередной раз понял, что вернулся домой. Так он и стоял посреди комнаты в пижаме и босиком, ожидая дальнейших событий. Вошла Натали, прикрыла абажуром светящуюся гнилушку и шмыгнула под одеяло.

— Ну, ложись, глупенький. Я ведь не тролль и не гоблин, что меня бояться.

— Да, я их вообще-то сильно и не боюсь, — ляпнул моряк, не придумав ничего умнее.

— Смелее, я замёрзла. Согрей меня, — и призывно распахнула одеяло.

Ивашка зажмурился и нырнул в эту белую мягкую бездну.

Утро наступило стремительно. Спешить было некуда, и Ивашка лежал на спине с закрытыми глазами и прислушивался. Что-то шипело и погромыхивало на кухне. Это Натали готовила завтрак. Шуршались, попискивали, похихикивали на диване. Проснулись гномики.

Как всё-таки хорошо быть дома. Может бросить все эти глады, приключения, магию. Денег теперь на всю жизнь хватит. Буду вон детишек воспитывать. Учить их. И ещё лечить больных с помощью «Огней Агавы». И тут же решительно открыл глаза. Нет. Нельзя. Он

должен пройти эту свою дорогу. Найти клад на острове дракона, отвезти жёлтого баньши домой и прибавить к своим пятую и шестую странички книги Херне.

— Подъём, бандиты. Сколько можно дрыхнуть, — и стянул с гномиков одеяло, — Леночка покажи свою руку.

Девочка протянула доверчиво руку.

— Совсем не болит. Я пальчиками свободно шевелила. Вот смотрите.

— Камешки не выронила?

— Нет, вот они под бинтом.

— Давай-ка теперь разбинтуем руку. Думаю, всё уже зажило. Можешь косички заплетать, — штурман развязал бинты, бережно убрал красные искорки в потайной кармашек.

— Ну, иди маме похвастай.

В порт Дюшка увязался за штурманом, так не терпелось ему увидеть эльфа и жёлтого баньши, который умеет прятаться внутри дерева. Ивашка же всю дорогу молчал — думал. Где же теперь разместить друзей. Он-то надеялся на свой маленький домик. Втроём они бы там разместились. А теперь? К Толстуну не пойдёшь. У него хибара совсем крохотная. Да и хотелось эльфа и Хулкура иметь под рукой всегда, учиться у них магии. Так бы и не придумал ничего путного — Дюшка помог.

— Слушай, Ивашка, а где ты своих друзей поселишь? — спросил мальчик своего друга, словно мысли прочёл.

— Вот всю дорогу об этом и думаю.

— А давай дом большой купим. Ты ведь говорил, что много денег заработал.

— Дом? Где ж его купишь, сейчас вон сколько гномов без жилья осталось, — такая мысль Ивашке даже в голову не приходила.

— Я видел в торговом квартале объявление, на доме висит, что он продаётся.

— Большой дом-то? — идея начинала штурману нравиться.

— Огромный, с колоннами и садиком, двухэтажный.

— Я хотел на эти деньги корабль построить, чтобы за кладом сплавать и эльфа с баньши домой отвезти, а если ещё дом огромный купить, может не хватить.

— А тогда твой старый можно продать и яхту Натали, — видно очень хотелось гномику пожить в большом доме с колоннами и садиком, что он таким предприимчивым стал.

— Ты просто купец какой-то, одно купить, другое продать.

— Если не хватит, я все свои копилки сломаю и все сокровища продам, — это было уже слишком, вы ведь знаете, что самое священное для маленького гномика, да и для большого тоже — это его копилка. И если уж гном решился разбить копилку, значит ему чего-то действительно сильно хочется.

Ивашка взглянул на солнце, до прилива было ещё время.

— Что ж, пойдём, дойдём до дома с колоннами, посмотрим, стоит ли на него деньги переводить, — и они зашагали в сторону торгового квартала.

В этом квартале селились в основном богатые купцы или вышедшие в отставку капитаны. Вокруг каждого домика был разбит маленький садик, дорожки посыпаны жёлтым песочком. Красиво, в общем. Раньше Ивашка даже и не мечтал там жить — не по средствам простому моряку. Круто судьба переменилась, из заключённых в торговый квартал.

Дюшка вприпрыжку нёсся впереди, моряк еле поспевал за ним. Что за дом с колоннами он увидел ещё издали. Двухэтажный дворец — почти как у губернатора. Таких, как Ивашкин

домик нужно дюжину продать, чтобы такой купить.

— Смотри, добежав до забора, — предложил мальчик. И сам с восхищением уставился на украшенный резьбой фронтоном.

— Смотрю, — печально отозвался моряк.

— Правда, красивый.

— Правда, — и тут Ивашка заметил продавца дома. Это был «дракончик», тот самый гном из-за которого он сел в тюрьму.

«Дракончик» Ивашку явно не узнал. Борода его подёрнулась сединой от всех приключений за это плавание, а офицерский мундир изменил его ещё сильнее.

— Вы покупать хотите, — подошёл к ним убийца Дубка.

— А это ваш дом? — Ивашка надвинул колпак на самые глаза и старался не смотреть на «дракончика».

— Да как сказать, он был куплен братом моей жены, но сейчас его убили, а я его единственный наследник. Так что документы у меня, они в полном порядке, — и «дракончик» даже похлопал себя по карманам.

— Сколько же вы хотите? — Ивашка стремился быстрее закончить разговор, пока его не узнали.

— Четыре тысячи. Это с мебелью. Желаете посмотреть.

Ивашка хотел сказать, что дорого и, развернувшись уйти, но Дюшка, разгадав видно его намерения, заканючил.

— Возьмём, возьмём. Смотри, какие цветочки, — подпрыгивая, чтобы заглянуть за забор.

Вообще-то, были у Ивашки четыре тысячи дублонов, и даже оставалось ещё тысячи три. На корабль, конечно, не хватит, но, продав свою пещерку и яхту Натали, да, плюс тысяча дублонов причитающаяся эльфу за драконью скорлупу, и которые он отдал Ивашке. Можно построить неплохую яхту.

— Хорошо, давай посмотрим.

В доме, сразу бросалось в глаза, давно никто не жил. Всё покрывал толстый слой пыли. В углах пауки наткали свои ловушки для глупых доверчивых мух. Цветы, когда-то стоящие на окнах, засохли и осыпались.

— Мда, — протянул штурман.

— Ну, — смешался «дракончик», — тут четыре месяца никто не жил. Давайте я пару сотен сброшу.

Цена и так была не слишком большой, видно гном сильно спешил смотаться из города. «Порыться бы у него в мозгах», — подумал Ивашка, но для этого нужно смотреть на него в упор, а быть узнанным Ивашке очень не хотелось.

— Договорились, давайте через полчаса у нотариуса, что живёт возле «Жёлтой Луны» подписываем бумаги, мне до прилива в порт надо.

Всю дорогу домой Ивашка мучился, что же ему делать. Покупать дом. Идти к шерифу и заявить, что знает, кто убил Дубка. С одной стороны из-за этого «дракончика» они попали на галеру и сидели в тюрьме — с другой стороны, ведь это он Ивашка присвоил их серебряную пластинку. И самое главное, не будь этой драки — разве был бы он сейчас офицером, богачом и немного колдуном. Разве были бы у него «Огни Агавы», комбинезон из шкуры морской змеи, кинжал из когтя дрона, жезл власти из его же клыков, меч железного тролля, гоблинские карты и много других волшебных вещей. Разве познакомился бы он с

эльфом и жёлтым баньши. Так может оставить этого дракошу в покое? Пусть получит свои деньги и убирается из города. Так ничего и не решив, они с Дюшкой добрались до дому. Вот здесь Ивашка всё и решил, и даже сомнений не возникло. Увидел тесноту, убогость своего домишки, и сразу всё стало ясно. Он отсчитал три тысячи восемьсот дублонов и ещё сотню вручил Натали.

— Я тут домик покупать побежал. Дюшка вам дорогу покажет.

Найми несколько грузчиков вещи перевезти и несколько женщин уборку там сделать. Если денег не хватит, я потом ещё дам. А я пойду друзей встречу и сразу туда приведу, — и, не дав ей даже рта раскрыть, убежал.

Время неумолимо приближалось к полудню. У нотариуса управились быстро, бумаги были уже готовы, пока Ивашка бегал домой «дракончик» уже всё подготовил — видно тоже сильно торопился. Штурман только подпись поставил, вручил тому деньги, и подождал, пока гном их пересчитает при нотариусе. Потом «дракончик» предложил обмыть покупку в «Жёлтой Луне», но Ивашка вежливо его поблагодарил и чуть не бегом в порт бросился. И успел-таки к приливу.

Лодка с эльфом, баньши и другие моряки, сходящие на берег, как раз приближалась к пирсу. Через несколько минут, в тот момент, когда с лодки конец на причал кинули, и Толстун подошёл. Вдвоём они приняли эльфа и Хулкура. Баньши совсем ослаб, еле держался. Да, и эльф не намного лучше был. Ивашка сразу отказался от своего плана их домой тащить. С Толстуном они поволокли баньши почти волоком к ближайшему скверу. Эльф, шатаясь, ковылял следом.

На их счастье в сквере оказался клён. Хулкур у них на глазах превратился в жёлтое облачко и весь в ствол впитался. Ивашка это впервые видел и даже рот от изумления открыл. Несколько гномов, сидевших в сквере на скамейках, и тоже с интересом за этим сначала наблюдавших, вдруг с криком, что-то про колдунов, бросились врассыпную. Минута и рядом никого не осталось.

Эльф добрёл до старого дуба, и, прислонившись к нему спиной, закрыл глаза и стал сползать вниз. Ну, это уже Ивашка видел на острове и сильно за него волноваться не стал.

Пока колдуны тянули из деревьев энергию, штурман рассказал Толстуну про покупку дома у «дракончика». Друг был трезв как стёклышко и благодушен.

— И чёрт с ним, пусть катится. За Дубка отомстили, а за плавание, и на самом деле, ещё и поблагодарить этого негодяя должны. Пусть убирается из нашего города.

Ивашка с улыбкой оглядел Толстуна. Тот был в новенькой боцманской форме с медалькой «почётного гражданина», борода аккуратно расчёсана и подстрижена. Не Толстун, а картинка.

— Слушай, братан, а ты жениться не собираешься? — и хитро так подмигнул.

— Дом вот тоже куплю или построю, а там видно будет. А что случилось, что ты спрашиваешь-то?

— Уж больно ты на жениха похож. Хоть сейчас в мэрию иди.

Так они и болтали, ожидая, когда баньши, наконец, вылезет из дерева. Часа два, наверное, прошло, уже и эльф к ним присоединился, а Хулкура всё не было. Ивашка проголодался, да и замерзать стал. Накрапывал въедливый осенний дождик, ветер изредка налетал, срывая с деревьев первые жёлтые листья и пронизывая гномов до костей.

Но вот и Хулкур появился. Жёлтое облако стало вытекать из клёна и уплотняться на глазах пока не приняло вид довольного улыбающегося жёлтого баньши. За то время, что

Хулкур сидел в дереве, в сквер пришло несколько гномов, погулять с малышками, и опять перепуганные разбежались, едва баньши в виде жёлтого облака стал из клёна вытекать. Да, не любили всё-таки гномы колдунов и боялись.

— Теперь по всему городу слухи поползут про колдунов, — неодобрительно покачал головой Толстун, — Добром это не кончится.

— Точно, давайте-ка скорее сматываться отсюда, а то стражники нагрянут, — и они вчетвером пошли к новому ивашкиному дому.

Дождик усилился, улицы были почти пусты, так что до торгового квартала добрались без приключений. Зато у новых своих апартаментов Ивашка с ужасом увидел целую толпу. Женщины и мужчины сновали туда-сюда, что-то заносили, что-то выносили. В общем, правду говорят, что переезд равносителен пожару.

Натали была в доме, руководила женщинами, которые уборку делали. Ивашка вмешиваться не стал, нашёл уже приведённую в порядок комнату и впихнул туда друзей от греха подальше. В этой суматохе на них никто и внимания не обратил. Комната, видно, служила кабинетом бывшему хозяину дома. Стояли удобные кожаные кресла вокруг стола с массивными ножками и красивой чернильницей в центре. Вдоль стен стояли полки с книгами, и висела плохонькая карта Теплового океана. Ивашка на неё даже внимания не обратил, прошёл мимо посмотреть, что за книги ему вместе с домом достались. И сазу же эльфа окликнул — книги-то были не простые.

— Магические? — и без ответа стало ясно, так у колдуна глаза загорелись.

А тут и Хулкур вытащил одну и к груди прижал.

— Что это? — спросил Ивашка.

— Это Сильрикус, летопись нашего народа. Она считалась утерянной около тысячи лет назад. У этой книги нет цены. Силкур, наш король, отдаст за неё все сокровища, которые ещё сохранились у жёлтых баньши, — и книгу ещё сильнее к себе прижал.

— Посмотри, брат Вандермаст, — это уже эльф что-то нашёл.

Ивашка подошёл к нему и с любопытством оглядел потрёпанную тоненькую книжицу в кожаном потрескавшемся переплёте с серебряными, аж чёрными от времени застёжками.

— И что это? Теперь летопись эльфов? И тоже бесценная.

— Да, нет. Ты зря смеёшься! Это завещание Херне!

— Того самого? А как же таблички? — не понял Ивашка.

— Таблички — это, как бы, учебник. А это не книжка, по которой учатся колдовать — это его предсказание будущего. Прочтём?

— Что, прямо сейчас? Может, перекусим сначала? — недовольно пробасил Толстун.

— Да, давайте поедим, а то колдовать на пустой желудок не очень и хочется, — поддержал друга Ивашка.

Событие двадцать пятое

Ты не можешь менять направление ветра, но всегда можешь поднять паруса, чтобы достичь своей цели.

Оскар Уайльд

Ивашка пошёл к двери и, проходя мимо карты, бросил на неё косой взгляд и усмехнулся. Толстун это заметил и как-то мимоходом сообщил.

— Там какой-то остров к северо-западу от Медузы кружочком обведён.

— Где?! — Ивашка круто развернулся и к карте подошёл.

— Да вот, — ткнул пальцем Толстун.

— Остров «Дохлого Дракона», — прочитал пораженный штурман.

— Тот самый. Что бы это значило? — Ивашка в затылке почесал.

— А может «дракончик» этот дворец продал, чтобы корабль купить и туда сплавать, — слова Толстуна окатили Ивашку, как ведро холодной воды.

— И я сам ему эти деньги вручил.

— По-моему, нужно в порт будет вечером наведаться и поспрашивать, собирается ли кто корабль покупать и не набирает ли команду для плавания в сторону «Медузы», — Толстун как всегда мыслил практически.

— Придётся так, и сделать, уж больно «дракончик» спешил, теперь и мне эта спешка кажется подозрительной, — Ивашка опять поскрёб затылок.

— А сейчас-то что делать?

— Если мне не изменяет память, мы собирались перекусить.

Штурман спустился в холл, суеты за это время значительно поубавилось. Грузчики уже исчезли, видно все пожитки из ивашкиного домика были перенесены. Зато уборка кипела вовсю. Везде стояли вёдра с водой, везде стояли лужи, везде стоял гвалт. Это, какая-то бойкая гномиха, руководила процессом. Натали, вместо того, чтобы, как и положено хозяйке, стоять в сторонке и смотреть, лазила по углам со шваброй и снимала с потолка паутину. Бойкая гномиха покрикивала и на неё. Но, если честно, дело успешно двигалось вперёд. Можно было сказать — второй этаж сиял чистотой, а первый сиял от отражённого в лужах солнца. Дюшка вертелся здесь же. Дождь кончился, проглянуло не жаркое осеннее солнышко и как же мальчишке не воспользоваться теплом и не побегать босиком по лужам. Одним словом — все были заняты.

Ивашка выловил Дюшку, как раз, пронесившегося мимо, за шиворот и поставил перед собой.

— Молодец. Все, значит, трудятся, а ты дурью маешься. У меня для тебя есть задание. Сходи в ближайший ресторан и закажи обед персон на десять, и побольше фруктов пусть принесут. А вина там или рома не надо. И добавь, что заказывает тот, кто убил дракона. А то я их знаю, до утра ждать придётся.

Спал Ивашка плохо и проснулся с тяжёлой гудящей головой. Что было тому виной, он и сам не догадывался, то ли то, что пришлось спать на новом месте, то ли то, что все их

подозрения подтвердились. «Дракончик» на самом деле был в порту, нанял там большую галеру и набирал команду по кабакам. Эту новость принёс поздним вечером Толстун, после обеда ходивший в порт. Боцман даже поговорил с одним матросом нанятым «дракончиком». Куда они идут точно им не сказали, куда-то южнее Медузы и назад. Хорошего во всех этих известиях было мало. У конкурента уже был корабль, была почти укомплектована команда. У Ивашки не было ничего кроме денег, да и тех значительно поубавилось после покупки дворца. И самое главное, все его друзья и он сам были вымотаны только что завершившимся плаванием. Нужен был отдых.

До темноты сидели и думали, что же предпринять. Махнуть рукой на клад было нельзя. И Ивашка и эльф чувствовали, что под «сокровищем» попугай подразумевал не деньги, а какой-то магический предмет. Может, ещё странички из книги Херне?

Так ничего вчера и не решили. Хотели сегодня сходить ещё раз в порт, посмотреть, не продаётся ли корабль. Какой ни есть. В верфь сходить, может, кто строит корабль и согласится продать.

За окном опять моросил осенний дождь, извилистыми струйками сползали по стеклу холодные капли. Настроения эта картина Ивашке не добавила. Он спустился в кухню, вскипятил себе чашечку кофе и выглянул в садик и чуть чашку не выронил. Жёлтый баньши и эльф были там. Натворить они успели не мало. Раньше вокруг дома шёл не высокий заборчик из кирпича. Теперь сад со всех сторон окружала стена плотно переплетённой ежевики, высотой не менее пяти метров. Через эти колючки и дракон бы не продрался. А в центре сада стоял толстенный клён, правда, не очень высокий. Эдакий крепыш. Там, где раньше стоял неказистый колодец, бил родник, образуя весёлый ручеёк, исчезающий где-то под стеной. В углу сада стояли две заморённые яблоньки, теперь любой гномский садовод от зависти бы съел свой колпак. Два раскидистых дерева были по-осеннему так увешаны красно-жёлтыми плодами, что ветки не ломались каким-то чудом. Или на самом деле чудом. Колдуны стояли под деревьями, защищаясь от дождя, и хрустели яблоками. И вообще, всё в саду так разрослось, что и ступить было не куда. То ягоды размером с мячик, то цветочки скорее напоминающие женскую шляпку.

— Ну, вы тут порезвились, — подошёл к колдунам штурман.

— Детишки проснутся, обрадуются, — приветливо улыбнулся Хулкур.

— А соседи? Тоже обрадуются? — не сдавался Ивашка.

— Так соседи через такой забор ничего не увидят, — ещё шире улыбнулся баньши, довольный своей проницательностью.

— Вот забор-то они и увидят. Я бы мимо такого не прошёл, обязательно постарался бы рассмотреть, что за ним прячут.

— Ладно, брат Вандермаст, что сделано — то сделано, — примирительно прочирикал эльф на своём птичьем языке, и уже по гномски, чтобы и баньши понял, спросил, — Что ты надумал? Есть новые идеи?

— Идей нет, а вот препятствие ещё одно я вспомнил. Через пару дней нам надо отправляться к королю. Нужно везти чучело дракона. А там всякие пиры, да награждения, на несколько дней затянутся. А отказаться, я понимаю, не получится — король всё-таки.

— Да! — крикнул эльф.

— Сколько плыть до этого острова? — включился в разговор Хулкур.

— Месяц в худшем случае. Да там сколько-то. Ну, и назад. Меньше чем за два месяца не управиться, — прикинул Ивашка.

— Есть одно заклинание, — задумчиво, как бы ещё не решив до конца, стоит ли говорить, произнёс эльф, — Оно выводит объект за пределы времени.

— Как это? — не понял штурман.

— Предположим «дракончик» отплывает, мы его догоняем, где-нибудь подальше от порта, и произносим это заклинание. И на некоторое время корабль просто исчезает, а потом появляется вновь. Причём на корабле пройдёт всего несколько секунд, а у нас много дней. Если мне не изменяет память, то максимальный срок действия этого заклинания тридцать три дня.

— Так ведь это и есть выход, — обрадовался Ивашка, — Они отплывают, мы их заколдовываем, строим свой корабль, едем в столицу, пируем там с королём, а потом выходим в море и расколдовываем их, а дальше уж мои проблемы. С помощью своих карт, где указаны все течения и ветра, мы их быстро обойдём, откопаем клад и оставим с носом, — словно гора с плеч упала, Ивашка себя даже выше ростом почувствовал.

— Тогда не надо откладывать этого мероприятия, нужно идти заказывать корабль, — сразу засобирался он, — А вы тут поосторожнее, а то весь город сбежится. Успеем ещё прославиться.

Для начала Ивашка заглянул на верфь. Весело перестукивали топоры, визжали пилы, орал друг на друга мастера, а на них на всех орал хозяин верфи, а на того уже совсем безбожно орал заказчик. Шуму было, будто не маленькую яхту строят, а корабль типа фрегата, который Ивашка с друзьями отбил у гоблинов. Штурман в это дело вмешиваться не стал и спокойно стоял на расстоянии, наслаждаясь колоритной речью корабелов. Минут через десять всё это закончилось поражением гнома заказавшего яхту. Не было сухого дерева. Ивашка огорчился вместе с толстяком гномом непременно хотевшим увидеть, свою яхточку, ко дню рождения жены. Если леса не хватает на маленький кораблик, то, что же тогда делать Ивашке, решившему построить бриг. И всё-таки подождав пока толстячок уйдёт, Ивашка подошёл к хозяину и представился, не забыв добавить, что он именно тот Ивашка, который сшиб дракона и захватил гоблинское судно.

Хозяин верфи, назвавшись «Джон Стеньга», заверил, что наслышан об Ивашкиных подвигах, сам позавчера ездил пощупать дракона.

— Это, конечно маленький дракон, — безапелляционно заявил он, — вот на наш город, когда ты ещё маленький был и под стол пешком ходил, действительно огромные драконы напали. Как пыхнут огнём из пасти, так полквартала в руинах.

Ивашка в душе обиделся за своего «маленького дракона», но вида не подал, пусть себе тешится.

— Я бы хотел бриг у вас заказать, — прервав воспоминание о похождениях под стол пешком, сказал штурман.

— Бриг!!!??? — подпрыгнул Стеньга и в прыжке голову обеими руками обхватил. Приземлившись, он стал её усиленно раскачивать, очевидно, определял надёжность шеи.

— Бриг, — заверил его Ивашка.

Прыжок повторился. А шею бы тут наверняка пришёл конец, но вмешался случай, приземлившись, Стеньга поскользнулся, и плюхнулся в кучу опил и стружки. Ивашка вытащил его оттуда и старательно отряхнул.

— Молодой вы ещё, зачем же над стариком смеяться, — хозяин вычесал пятернёй опилки из седеющей бороды.

— Да, что я такого сказал? — пытался защититься моряк.

— А то, что у меня нет ни одной сухой доски. Вон сколько досок вокруг и ни одной сухой. И ни одной мачты, да я шлюпку не смогу сейчас сделать, а тут «бриг». Их никто и строить-то не умеет. Тут чертежи нужны. Вот яхту маленькую или там галеру, да и то когда доски будут.

— А сколько этим доскам сохнуть? Их, кстати, на бриг-то хватит? — не успокоился Ивашка. Был у него один козырь в рукаве. Ну, по крайней мере, он так думал.

— Опять ты со своим бригом. Я же сказал не смогу. Чертежей у меня таких нет. И ни у кого кроме гоблинов их нет.

— У меня есть чертежи. Были на захваченном судне. Три комплекта: на фрегат, который мы захватили, на двухмачтовый бриг и на бригантину (Видели такие корабли?).

— Бригантину, нет. Только слышал, говорят красавица, — облизнулся Джон Стеньга.

— Смогли бы вы по гоблинским чертежам построить?

— Ну, нет у меня сухого леса, — взмолился хозяин.

— Давайте так, я даю вам скопировать все эти комплекта чертежей, высушиваю все эти доски и привожу две мачты. Сколько у вас уйдёт времени на постройку? И сколько это будет мне стоить? — Ивашку-то как раз больше всего последний вопрос волновал. Денег после покупки дома у него осталось маловато.

Стеньга укоризненно на него посмотрел.

— Я допускаю, что у тебя есть чертежи, о которых ты говоришь, и даже допускаю, что ты сможешь достать мачты, но вот высушить доски. Осенью, когда каждый день дождь. По моему, дракон, когда падал, ударил тебе по голове, — и корабел печально улыбнулся.

— Господин Стеньга, вы не ответили на мой последний вопрос. Сколько мне это будет стоить и каковы сроки? — Ивашка не сдавался.

— Хорошо! — зарычал хозяин верфи, — Давайте считать. Так бы я с вас взял тысяч семь — восемь. Я ещё чертежей не видел. Ну, да будем надеяться, что гоблины они и есть гоблины. В судостроении нам с ними не тягаться. Минус тысяча за чертежи, минус полтысячи за мачты и минус полтысячи за сушку досок. И минус тысяча, чтобы на все эти чудеса посмотреть своими глазами. Я отменю все заказы, всю верфь брошу на бриг. Это займёт месяц. Вас устроит? — Стеньга разошёлся не на шутку, из глаз только что молнии не вылетали.

— Значит, четыре тысячи? — подвёл итог Ивашка. Больше ему и наскрести-то было тяжело.

— Четыре тысячи дублонов и бриг твой! — захихикал вдруг Джон Стеньга, — Ну, давайте сушить доски.

— Я вернусь с чертежами и деньгами через час и приведу моего друга, который высушит ваши доски, можете не сомневаться.

Пришли втроём. По дороге Ивашка одолел Хулкура вопросами. Сможет ли он просушить доски? И чем вообще отличается одна древесина от другой?

— Даже и не знаю, как это будет на вашем языке. Скажем так — равномерностью распределения волокон дерева и плотностью этих волокон...

— Стоп. Мысль у меня есть неплохая. А можешь ты сучки убрать с доски?

— Могу, наверное, и волокна равномернее распределить и воду выгнать лишнюю. Только не знаю, хватит ли у меня сил.

— А если тебе «Огни Агавы» взять в руки?

— Попробовать можно, — не очень уверенно ответил баньши.

— Я тут вот ещё что за тебя решил, у хозяина верфи нет мачт. Смог бы ты на верфи, где-нибудь, вырастить большую корабельную сосну? И желательно тоже поменьше сучков.

— Это легче всего, — Хулкур снисходительно улыбнулся.

Дошли до верфи. Молотки не стучали. Пилы не визжали. Все мастера столпились вокруг штабелей досок и в ожидании чуда упражнялись в остроумии. С появлением наших друзей установилась тишина. Ещё бы, свободно разгуливающий по городу эльф и жёлтый баньши. Такое не каждый день увидишь. Гномы с трудом верили своим глазам. Ивашка кивнул Хулкуру на штабеля досок:

— Вот я тебе говорил, про которые, нужно их высушить и от сучков избавить. Ну, и все остальные твои улучшения. Делай, что сможешь, — Ивашка передал баньши два красных камешка, а сам подошёл к Джону Стеньге.

— Вот чертежи и деньги.

Стеньга бережно принял свитки с гоблинскими печатями и так же бережно развернул их. И даже языком защёлкал.

— Это и есть тот бриг, который нужно построить. Это будет самое большое и быстрое судно во всём гномском королевстве.

— А вот деньги, — протянул Ивашка увесистый свёрток.

— Что деньги. Если бы я увидел чертежи раньше, я бы из любви к искусству этот корабль построил. Были бы доски и мачты, — но деньги взял и рассовал по своим кармашкам.

Гномы они про деньги всегда говорят не совсем то, что думают.

В это время подошёл эльф с доской в руках, молча протянул её Ивашке. Тот повертел её в руках. Доска как доска. Штурман передал её Стеньге. Джон долго крутил её в руках, ощупывал, взвешивал, попробовал сломать через колено, ковырял ножиком, и, наконец, повернулся к Ивашке.

— Я сорок лет строю корабли. Я знаю о дереве всё, но если меня кто ни будь, спросит сейчас, что это за древесина, я не смогу ответить. Что он сделал с моими досками? — Кивнул гном на баньши.

— Не знаю, — улыбнулся Ивашка, — Баньши, они с деревьями всякие чудеса умеют творить. То есть, доски теперь пойдут?

— Ни одного сучка, ни трещинки, а лёгкие какие, — продолжал причитать Стеньга, — Из этих досок я построю лучший в мире корабль. Гоблины полопаются от зависти. А это что такое? — вдруг завопил он.

Прямо на глазах посреди верфи поднимались к небу две сосны, ровные, гладкие, без единой веточки и сучка. Только несколько иголок на самой макушке. Пять минут охов и вздохов изумлённых корабелов, и деревья стояли во всей своей красе.

— Это мачты, — Ивашка и сам был в восторге.

И всё-таки не любили гномы колдунов, даже добрых. В этом штурман сразу убедился. Восторги быстро стихли, и взамен наступило напряжённое молчание, и конечно косые взгляды на всю их компанию. Впрочем, рабочие скоро занялись своим делом. Эльф с баньши отошли в сторонку, а Ивашка со Стеньгой договорились, что как только Стеньга сосны срубит и ошкурит, Ивашка придёт с баньши и высушит мачты.

Там на верфи их и нашёл Толстун. Оказывается, ему и Ивашке пришло приглашение от губернатора. Вечером тот устраивает приём в честь моряков, захвативших гоблинский фрегат и сбивших дракона. Наскоро простившись с корабелями и пообещав ещё наведаться,

компания направилась назад к новому Ивашкиному дому. Весь город был забросан опавшей листвой, и жидкая грязь чавкала под ногами. Каждый день лили дожди, нудные осенние дожди. И только Ивашкин садик резко отличался от общего уныния. Баньши был молодец. Зеленели трава и деревья, всюду цвели цветы и даже птицы чирикали, видно последние со всего города собрались, привлечённые кусочком лета.

Натали была дома, возилась на кухне. Хотя Ивашка и нанял кухарку, чтобы освободить учительницу от свалившихся на неё забот по содержанию огромного дома, но та, не привыкшая, сидеть сложа руки, старалась всё делать сама. Услыхав про приём у самого губернатора, Натали засуетилась, вытаскивая из шкафа один за одним различные комбинезоны, прикидывала их перед зеркалом, и тут же бросая на кровать.

— В чём я пойду на этот приём? Мне совершенно нечего надеть, — наконец бросив на кровать последний комбинезон, горестно воскликнула она, и села на разноцветную кучу тряпок.

— Я не специалист по дамским комбинезонам, но, по-моему, в любом из них ты выглядишь очаровательно. Я даже боюсь, как бы кто ни будь не влюбился в тебя из этих важных персон. Тогда придётся запустить в него молнию и опять отправляться на галеры.

— Не надо ни в кого молнии запускать. Во-первых, мне кроме тебя никто не нужен, а во-вторых, я туда не пойду. Ну, не в чем мне идти.

— Хорошо. Сколько стоит красивый новый комбинезон, — сдался штурман и полез за деньгами. Дублонов осталось совсем чуть-чуть. Правда, была ещё тысяча дублонов доставшихся эльфу, и отданные Ивашке. Эльф от денег категорически отказался и отдал их на постройку судна. Штурман их пока не трогал.

Событие двадцать шестое

Зима — время пушистых снежинок, горячего чая и хороших книг... Будьте счастливы этой зимой.

И. Бунин

Натали убежала за обновой, и её место перед зеркалом занял сам Ивашка. Что может идти мужчине больше чем офицерский морской мундир с золотым шитьём и медалью. Нет, гном сам себе определённно в нём нравился. Эльф с баньши критически его оглядели и вытянули вверх большие пальцы на руках — хорош. Толстун только хмыкнул.

А на улице опять нудно шуршал в опавшей листве дождь. Шли втроём, стараясь не наступать в сырые грязные лужи. Первым держался Толстун, за ним Ивашка, бережно поддерживая за руку Натали. Хорошо хоть дом губернатора был неподалеку, а то бы вымокли и вывозились все. Натали выбрала комбинезон цветом точь в точь как форма у Ивашки, тоже шитый золотом. Штурман сразу понял, сдачи не будет. Однако выбор одобрил. Ужаснулся только — неужели эта красавица выбрала его, вчера ещё простого матроса, потом преступника. Одни ли несчастья приносят странички дневника Херне. А вот мне повезло. Ивашке хотелось кричать на весь город — «Я люблю самую прекрасную женщину во всём гномском королевстве».

Окна губернаторского дома призывно светились, обещая тепло, уют. На пороге их встретил старенький гном с совершенно седой бородой, вежливо поклонился и открыл дверь. Ивашка в таких дворцах и не был ни когда. Свой новый дом он считал верхом совершенства, а тут была такая пышность и красота, что вся Ивашкина гордость сразу улетучилась. Сразу всего и не опишешь, красивые бархатные шторы, ковры, колонны из зелёного шлифованного камня, огромный камин, картины на стенах. Штурману больше всего понравился столик в углу заставленный макетами различных кораблей.

Надо сказать, что гномы почти не знали музыкальных инструментов. Так уже повелось, что у них в ходу были только барабан и рожок. Вот эти два музыкальных инструмента и создавали атмосферу праздника в губернаторском доме. Ивашке она понравилась, напоминала чем-то бьющийся о скалы прибор.

Гномов было много, выделялись пестротой своих нарядов женщины, беспечно порхающие по залу. А в основном были морские офицеры и богатые купцы. Когда наши герои выпутались из штор и зашли в главный зал, нестройный хор голосов смолк, и наступила напряжённая тишина. Ивашка растерялся. Столько важных персон и все на него уставились. Хоть назад за шторы прячься. Выручил сам губернатор, Распахнув объятия, он направился к совсем стушевававшемуся гному.

— Давайте, господа, поприветствуем наших героев. Фрегат, дракон — это их рук дело, — губернатор по-отечески тепло обнял Ивашку и Толстуна.

И замер перед Натали.

— Ну, правильно, — ещё громче воскликнул он, — кому как не героям достаются такие красавицы. Вы у нас будете королевой праздника, — теперь уже Натали засмушалась, лоя восхищённые взгляды офицеров и завистливо — презрительные из-под причудливых

дамских причёсок.

А вообще-то Ивашке этот приём не понравился. Светские дамы не приняли Натали, капитаны и богатые купцы подходили к Штурману все с одним и тем же предложением — совершить плавание за драконьей скорлупой. Сначала Ивашка вежливо отказывался, потом просто говорил — «Нет!», а под конец забился в уголок у камина и старался ни кому не показываться на глаза. Вскоре рядом оказался Толстун, а потом и Натали.

Гости уже все разогретые вином говорили всё громче. Кто-то пытался затянуть морскую песню. У стены, увешанной оружием, возникла ссора и несколько гномов бросились разнимать сцепившихся купцов.

— Смотри, почти как в наших портовых кабаках, — шепнул Толстун Ивашке.

Несколько раз к ним подходил их капитан. Поговорили о предстоящей поездке в столицу к королю. Работы над чучелом дракона велись вовсю. Шкуру содрали и выделали. Череп выварили. Сейчас плотники сооружали скелет и набивали чучело опилками. Сразу столько опилок найти было мудрено. Отъезд планировали через неделю. Капитан тоже предложил нашим друзьям ещё одно плавание за скорлупой яиц дракона. Ивашка, уставший за вечер говорить «нет», только головой отрицательно покачал.

Возвращались домой уставшие и разочарованные. Дождь продолжал моросить. Порывами налетал холодный злой ветер. Дома, после тёплой ванны, Ивашка с Натали сразу завалились в кровать. Гном думал, что сразу заснёт, но не тут-то было, даже пожалел, что дал клятву больше не пить никогда спиртного. Может, если бы напился, то и вечер веселее прошёл. Ивашка лежал с открытыми глазами, смотрел в потолок и вспоминал, как раньше, когда он возвращался из плавания, почти всё время проводил в кабаках и ресторанах, спуская с трудом заработанные гроши. И ведь было весело, были друзья. Неужели нельзя, чтобы были друзья, и не надо было пить. В общем — грустные мысли. Рядом ворочалась Натали, тоже не спала, переживала свой провал в высшем женском обществе. Ивашка нежно погладил её по голове.

— Не переживай, глупенькая. Они просто завидовали тебе. Ты была самая красивая, самая нарядная, и у тебя самый замечательный муж. Ну, что им ещё остаётся делать? Да, к тому же все их мужья так и увивались вокруг тебя. Я даже стал нервничать и волноваться. Молнии не молнии, а искры у меня с пальцев соскакивали. Чуть ковёр не прожёт.

Натали прижалась к нему и прыснула в плечо:

— Нашёлся тоже колдун на мою голову. Наколдуй, чтобы завтра была хорошая погода. Ага, не можешь, — и щёлкнула колдуна по носу.

— Спи. Будет завтра погода, — отшутился «Брат Вандермаст», и ещё плотнее прижавшись к жене, крепко заснул.

А назавтра и правда стояла отличная погода, словно зима решила на несколько дней отдать свои права лету. Вот только понежиться Ивашке не пришлось. Перед обедом забежал Толстун и, отдышавшись, выдохнул:

— «Дракончик» через три часа отплывает.

— Вот и дождалась, — хлопнул себя по коленям Ивашка, — а мы и не готовы.

— Ничего, успеем, — успокоил его Эльф.

— Да, надо поторопиться. Толстун, дуй в порт. Ты яхту Натали знаешь, заполни ёмкости водой и купи на несколько дней провизии.

— Слушаюсь, капитан, — гном шутливо отдал честь и улетучился. (Если Толстун может улетучиться.)

— Хулкур, залезай в дерево и через час будь готов.

— Слушаюсь, капитан, — и баньши тоже исчез. Ну, этот на самом деле исчез.

— И нам надо подготовиться, — эльф усадил Ивашку на стул, — Слушай. Заклинание выведения из времени очень сильное, потребуется вся твоя энергия и энергия баньши и моя, возьмёмся за руки, чтобы легче передавать энергию. Тут главное — следить за своим самочувствие, и как только силы начнут покидать тебя, нужно немедленно прервать контакт, разжать руки. Бери с собой «Огни Агавы», бери жезл из клыков дрона и одень костюм из змеиной кожи, вдруг «дракончик» на нас нападёт.

Ивашка ушёл прощаться с Дюшкой и своими женщинами. Все сразу стали уговаривать его взять их с собой, но штурман был непреклонен.

— Как-нибудь в следующий раз, а сейчас всего лишь прогулка на пару суток. Не переживайте, вот построят корабль, и все вместе пойдём за нашим кладом. Ну, не скучайте, — Ивашка вытер слезинку у Дюшки и, прикоснувшись губами к затылку Леночки, поспешно вышел.

Как не торопилась разномастная компания, к отплытию галеры «дракончика» не успели. Толстун метался по пирсу, ждал друзей, а галера всё уменьшалась и уменьшалась, уходя всё дальше от берега. Когда гном, эльф и баньши показались, наконец, Толстун набросился на них как разъярённый гоблин, проклиная по очереди всех баньшей, всех эльфов и всех гномов на свете. Спешно погрузились в яхту и, развернув парус, бросились вдогонку, благо отлив был в самом разгаре. К этому времени галера еле виднелась на горизонте. Зато с ветром повезло — дул прямо в корму. Солнце то пробивалось, то снова пряталось в облака, и море, подыгрывая ему, меняло цвета от серого до зеленовато-синего.

Помаленьку, сначала даже не заметно для глаза галера стала приближаться. Через час уже можно было различить отдельные вёсла, вспенивающие воду. Ещё через час, когда берег окончательно скрылся из вида, яхта уже была в нескольких кабельтовых от галеры «дракончика». Однако эльф не спешил, попросил подойти ещё поближе.

— Они не обратят на нас внимание? — забеспокоился Толстун.

— Ну, так что? — успокоил его Ивашка, — Они сейчас исчезнут на целый месяц.

Подожли чуть не вплотную к корме. На них и вправду закричали с галеры.

— Эй, на яхте, кто такие, что надо, что вам моря мало, к нам прижались? — закричал с кормы гном в офицерском мундире.

— Толстун, так держать. Начали. Берёмся за руки, — скомандовал эльф.

Ивашка взялся его левую руку, баньши за правую.

— Сосредоточьтесь на передаче энергии.

Ивашка закрыл глаза, как учил его эльф, а затем и баньши, отключился от всего. Только руку, в которой были «огни Агавы» сильнее сжал, чтобы камешки врезались в ладонь, чтобы почувствовать их.

Эльф начал читать протяжное, с какими-то подвываниями на тарабарском языке, заклинание. Вдруг, как будто вспышка света ударила по глазам, Ивашка ещё сильнее зажмурился. И почувствовал, как через его тело волны энергии устремились от «огней Агавы» к эльфу. Было неприятно, словно частичку самого себя отдаёшь, покалывали пальцы, и свет слепил через плотно сомкнутые веки. А маг всё продолжал бубнить своё заклинание. Понемногу поток энергии стал ослабевать, пока последние мурашки не перестали бежать по телу. Тогда, как учил его эльф, штурман положил камешки в карман и взял в руки магический жезл из клыков дрона. И снова почувствовал, как потекла энергии, хотя на этот

раз и гораздо слабее. Сколько всё это продолжалось, Ивашка сказать бы не смог, он вдруг провалился в какой-то липкий сон, словно шмель прилип к капле мёда и всё никак не может выкарабкаться и даже наоборот сильнее и сильнее погружается в эту каплю. Пока не очутился там весь, со всеми своими усиками и крыльшками, шестью лапками. Шмель сделал последнюю попытку, дернулся ещё раз и тут... Ивашка, наконец, смог открыть глаза. Солнце склонялось к горизонту, уже готовое спрятаться в перину из облаков. Яхта, предоставленная сама себе, рыскала, хлопала паруса, нос зарывался в волну. Штурман бросился к штурвалу, выровнял лодку и только сейчас, оглянувшись по сторонам, понял, что они одни. Галеры не было. Значит получилось.

Толстун, эльф и баньши вповалку лежали на палубе. Гном проверил у них пульс — все были живы. Спали, утомлённые сильным заклинанием. Ивашка вдруг вспомнил, что убрал потерявшие энергию красные камешки в карман. Вытащил их и обрадовался. Они снова были живые, тёпленькие, искрящиеся. Эльф первым пришёл в себя. Ивашка уже яхту развернул и теперь боролся со встречным ветром, галсами шёл к берегу. Одному управлять яхтой было очень трудно. Яхта всё же была не маленькая. Так что, когда эльф очнулся, штурман был на пределе.

— Встань к штурвалу! — взмолился он.

— Чего не умею, того не умею, — развёл руками маг.

— Вставай, а то потонем все, — и Ивашка подтолкнул эльфа к штурвалу, — вот так и держи!

— Хорошо! — эльф вцепился руками в ручки штурвала, даже пальцы побелели.

— Не надо давить, просто не давай ему крутиться, — гном улыбнулся, вспомнил, как сам первый раз управлял судном. Тоже к концу вахты руки разжать не мог.

— Ты лучше Толстуну дай в руки «огни Агавы», может он быстрее в себя придёт, — огрызнулся колдун.

— Давно бы дал, да сам еле на ногах стою. Если сейчас свалюсь, потонем ведь.

— Верно. Я и сам даже не ожидал, что это заклинание столько энергии из нас выкачает, — эльф от напряжения взмок, капельки пота сбегали у него по вискам, одна повисла на кончике носа.

Ивашка разобрался, наконец, с парусами, подтянул канаты, подсел к Толстуну, разжал ему кулак и положил в него красные камешки. Подумал, что Толстун может во сне разжать руку и потерять магические кристаллики, взял свой носовой платок и обернул вокруг руки боцмана, а потом для надёжности эту руку сунул в карман комбинезона. Толстун, пока Ивашка всё это с ним проделывал, даже не пошевелился во сне.

— Вот это мы влипли, — заволновался штурман, — причаливать придётся в темноте в отлив, и если ещё и без Толстуна — разобьёмся.

— А скоро берег-то? — с кормы поинтересовался эльф.

— Кто его знает, темнеет уже. Галеру мы догоняли часа три, да ещё ветер был попутный, а сейчас идём против ветра, галсами. Часов шесть, не меньше. Ну, и отлив. Если к полуночи доберёмся, хорошо будет, — Ивашка присел впервые с того момента как очнулся.

— Получилось хоть колдовство? — через пару минут поинтересовался гном, вставая и закладывая новый галс, — Лево руля.

Эльф, что есть силы, крутанул штурвал, чуть не вырвал его.

— Так держать. Обезвредили мы «дракончика» или нет?

— Конечно, всё получилось как нельзя лучше. Правда, на такой огромный объект

потребовалось большое количество энергии. Мы буквально всю из себя выкачали. На пределе сработали, ещё бы немного и не хватило. Зато теперь тридцать три дня они будут находиться вне времени. Нам хватит?

— Я надеюсь. Стеньга обещал построить корабль за три-четыре недели. Мы за это время как раз в столицу смотаемся. Я вот только не знаю с вами что делать, с тобой и с баньши. Одних оставлять? Как бы вы в какую неприятность не влипли. Гномы, они не очень любят колдунов. И с деньгами проблемы появились, все до последнего дублона ушли.

— Я тебе говорил, пользуйся моей тысячей, нам эльфам ваши дублоны ни к чему. Лишь бы быстрее увидеть вместе шесть страничек книги Херне, обломок жезла Земли, и узнать, что там за клад на острове «Дохлого Дракона», а потом, после всего этого, вернуться домой. Загостился я, — эльф стоял далеко, и темновато уже было, но Ивашке показалось, что голос его дрогнул.

«Правильно, — понял друга Ивашка, — как я домой стремился, а всего-то четыре месяца, а он уже, сколько по свету мотается. Я к тому же всё время среди гномов был, а он один одинёшенек.

Часа через два пришёл в себя Толстун. К тому времени звёзды уже высыпали на небо, и ориентироваться стало легче. Ивашка доверил боцману парус, а сам по звёздам и карте прикинул куда плыть. Оказывается, их отнесло к западу, и теперь нужно было плыть на северо-восток. Прямо на Вегу. Звезда ярко выделялась среди своих подруг. Отличный маяк.

Ивашка встал к штурвалу, развернул яхту и попросил эльфа заняться Хулкуром. Сколько времени прошло, а тот хоть бы пошевелился разок.

— Жив хоть? — спросил гном склонившегося над баньши мага.

— Дышит, правда слабо, — через несколько долгих секунд последовал ответ.

— Переборщили мы с этим заклинанием, чуть не окочурились все. Толстун, отдай Хулкуру «Огни Агавы». Нужно будет его сразу к какому-нибудь клёну тащить.

Эльф принял у Толстуна камешки, и так же как несколько часов назад сам Ивашка, вложил в ладонь баньши.

— Маяк вижу, — радостно вскрикнул с носа Толстун, — почти прямо по курсу, возьми чуть левее, — помог он сориентироваться Ивашке, — Вот так!

Через час вошли в бухту. Порт был слабо освещён маяком и фонарями на мачтах судов.

— Как бы не столкнуться с кем ни будь.

— Давай на вёслах пойдём, — Толстун не дожидаясь ответа стал спускать паруса.

Но всё закончилось вполне благополучно. Подогнали яхту к причалу, привязали её. Не обошлось, конечно, и без стражников, но, увидев офицерскую форму Ивашки, те только поинтересовались всё ли в порядке и ушли.

Баньши ещё не очнулся, и его пришлось тащить волоком. По тёмным улицам пробрались к парку и опустили молодого мага к подножию клёна. Снег начал падать, холодный сырой ветер забирался под промокшую одежду.

— Ну, вот и зима, — Ивашка поймал на ладонь снежинку. Маленькая звёздочка сразу растаяла.

— Что это такое? — слышался слабый голос несказанно обрадовавший наших друзей — это очнулся Хулкур.

— Это снег. Зима.

Событие двадцать седьмое

На уроке географии дети играли в карты

Целый день отдыхали. Эльф перебирал книги в библиотеке. Баньши колдовал что-то со своими деревьями и цветами. А Ивашка сидел у окна и смотрел, как крупные снежинки садились на прихваченные морозом лепестки цветов. Снежинки сразу таяли, оставив после себя капельку воды. За обедом Толстун порадовал. Он один не валялся на кровати, а с утра убежал в город, и вот, только к полудню, вернулся.

— Ходил к губернатору, — как о чём-то незначительном сообщил моряк.

— И что? — в один голос удивились колдуны.

— Чучело уже завтра будет готово полностью, а послезавтра отправляемся в столицу, — выдал свою новость Толстун.

— Так пора собираться? — спросил Ивашка.

— Губернатор сказал, что перевозку чучела берёт на себя. А от нашей команды поедут трое: капитан и мы с тобой.

— А эльфа и Хулкура он не хочет брать.

— Сам лучше подумай. Гномы колдунов не любят. Зачем губернатору рисковать?! — Толстун указал на волшебников, — Да, и им спокойней дома сидеть.

И баньши и эльф заявили, что и на самом деле, лучше им остаться дома, чем зимой тащиться неизвестно куда.

— И, пожалуйста, не задерживайтесь там, становится всё холоднее и холоднее, скоро деревья уснут, и у них не будет сока. Я могу продержаться немного на фруктах, но лучше бы ты быстрее доставил меня домой. У нас там зимы не бывает. Деревья всегда зелёные. Всегда есть сок, — попросил Хулкур.

— Специально задерживаться не будем, — успокоил его Ивашка, — Ну, а там не мы будем решать, всё-таки сам король.

— Надо, наверное, прогуляться на верфь, посмотреть, как у них дела продвигаются, — предложил штурман после обеда.

Особых дел не было. Только эльф отказался, сославшись на то, что откопал в библиотеке интересную книгу.

— Придёте, расскажу. Это и нас касается, — загадочно пообещал он.

Зато Хулкур идти согласился. Тем более что там его ждало незавершённое дело. Нужно было высушить изготовленные из выращенных им деревьев мачты. Погода немного разгулялась, снег идти перестал. Даже солнышко изредка пробивалось сквозь тучи. Беспечно переговариваясь, дошли до верфи и там убедились, что Стеньга своё дело знает. Вроде, всего-то три дня назад здесь были, а корабль уже вырисовывался, рангоут стоял, кое-где корпус обшивали доской. Гномов вокруг возилось как муравьёв. Стеньга успевал везде. Кричал на нерадивых, сам за топор хватался или за молоток. Однако, увидев наших друзей, приосанился, принял важный вид и вразвалочку неспешно подошёл.

— Везде самому надо поспеть, а то тут не доглядишь — гвоздь не забьют, там не досмотришь — щель оставят. Смотришь, корабль и ко дну пойдёт ещё в порту, — и гном

огорчённо развёл руками.

— Мы вот пришли мачты до ума довести и узнать, может, ещё как-нибудь, можем помочь ускорить работу, — сообщил ему Ивашка.

Деревья, выращенные Хулкуром, уже были спилены, обтёсаны и превращены в новенькие, сверкающие белизной мачты. Баньши сразу к ним пошёл и стал собирать жёлтые лучики, чтобы малейшую жизнь в дереве убить, как ни горько ему было это делать. Хозяин несколько минут наблюдал за ним, а затем, склонившись к Ивашке, зашептал:

— А если я завезу на днях на верфь доски, брус, сможет этот маг подойти и так же над ними поколдовать, чтобы они суше и прочнее стали.

— Даже и не знаю, — задумался Ивашка, увидевший, в этом предложении Стеньги выгоду (ох, уж эти гномы). — У баньши на это уходит слишком много энергии, жизненных сил. Ему их потом долго восстанавливать приходится. Фрукты нужны. А где их зимой достанешь — дорого всё.

— Понимаю, — подмигнул ему корабел, — Мы ведь с вами гномы и знаем, что за дублоны можно достать всё, даже жизненную силу, не говоря уже о фруктах. Что вы скажите, если за просушку материала на один корабль и за две мачты я заплачу тысячу дублонов.

— Цифра красивая, — только и смог промолвить Ивашка.

— Значит по рукам, — и Стеньга бросился пожимать руку штурмана.

— Ну, мне ведь нужно с ним посоветоваться, — Ивашка растерялся от такой напористости.

— Дак, вон же он, советуйтесь, — корабел явно умел брать быка за рога.

Ивашка хмыкнул и подошёл к Хулкуру. Тот как раз закончил доводку мачт до совершенства.

— Слушай, — виновато улыбнувшись, начал Ивашка, — Хозяин верфи хочет, чтобы ты ещё столько же досок просушил и вырастил ещё две мачты, за это он заплатит тысячу дублонов.

— Зачем мне ваши деньги? — удивился Хулкур.

— Честно говоря, я бы хотел, чтобы ты это сделал. У меня деньги все до последнего дублона ушли на покупку дома и постройку судна. А ведь нужно ещё купить арбалеты, катапульты, провизию, наконец, нанять матросов...

— Всё, всё, — остановил его баньши, — Тебе, чтобы отвезти меня домой, нужны деньги? Так?

— Так. — Согласился гном.

— Тогда не о чём и разговаривать?! Пока вы ездите в столицу и обратно, у меня будет время, и я займусь этим делом. Мне тяжело убивать жизнь в деревьях, но ради возвращения домой, я это сделаю. А хватит ли тогда денег? — вдруг спросил Хулкур.

— По правде, чтобы организовать такое путешествие потребуется гораздо больше, но тысячу обещал дать эльф. И может немного одолжит Толстун, — пожал плечами Ивашка.

— Не надо одалживать, лучше скажи корабелу, что я согласен сделать вдвое больше работы, естественно за две тысячи дублонов.

— Вот это здорово! — обрадовался Ивашка, — А то я ночами не сплю, всё гадаю, где денег на поход набрать. И вдруг, раз и сами в руки приплыли. Пойду, скажу Стеньге.

— В общем, баньши согласен, — выпалил, подходя к корабелу Ивашка, — Даже больше того, он согласен за эту же сумму и ещё столько же работы проделать.

— Замечательно! — просиял хозяин верфи, — Значит по рукам. С меня две тысячи дублонов, а с вас просушка дерева и мачты на два корабля.

— По рукам! — гномы обменялись рукопожатиями.

— Это дело стоит обмыть, — сразу повеселевший Стеньга, радостно потёр руки, — Приглашаю всю компанию в ресторан.

— Да мы с Ивашкой зарок дали, когда в тюрьме сидели — не пить больше спиртного, — попытался уклониться от приглашения Толстун.

— Это проблема! — огорчился корабел, — Ну, ничего, мы с магом пропустим по рюмочке, а вы кофейку попьёте, зато пообедаем от души. Я надеюсь, вы не давали зарок и не есть больше никогда.

— Нет, вроде, — улыбнулся Ивашка.

— Вот и замётано. Вперёд. Какой ресторан вы предпочитаете? — уже на ходу поинтересовался Стеньга.

— Мы с Толстуном раньше всегда в «Желтую Луну» ходили, — сообщил штурман.

— Нет, это для матросов, чтобы окосеть от дешёвого рома и подраться, — покачал головой хозяин верфи, — Знаете что, отведу-ка я вас в «Голубой флаг», были там?

— Слышать слышали, а бывать не приходилось, — признался Толстун.

Ивашка тоже покачал головой. «Голубой флаг» был расположен в Торговом квартале и там собирались в основном богатые купцы да капитаны судов. Матросов туда даже и не пустили бы.

Дошли быстро. Оказалось, что ресторан находился совсем рядом с новым Ивашкиным домом, всего-то в двух минутах ходьбы. Внутри тихо играла флейта и мерно, как прибой, выстукивал барабан. Пахло хорошим ромом и специями с островов. Гнилушки были аккуратно заделаны в светильники, подвешенные под потолком, причём, цветные стёкла изменяли цвет, и казалось, что весь зал состоит из отдельных пятен, зелёного, синего, красного цвета. Народу было не много. Стеньга подтолкнул наших друзей вперёд, поближе к музыкантам, и усадил за свободный стол. Тут же появился официант, поздоровался со Стеньгой как со старым знакомым:

— Что господа желают? — и почтительно поклонился.

— Ну, чего господа желают? — оглядел компанию корабел.

— Чего ни будь мясного, — пожал плечами Толстун.

— И фруктов побольше, для нашего заморского гостя, — указав на баньши, добавил Ивашка.

Официант понимающе кивнул.

— Что будете пить?

— Мне рому. Ему, — Стеньга указал на баньши, — виноградного слабенького вина. А этим двум отщепенцам, потерянным для нашего общества, но великим героям, сделай яблочный сидр.

— Незамедлительно, — и одетый в белое как приведение официант исчез.

Меж тем музыка смолкла, и на сцене появилось новое лицо. Молодая женщина слегка полноватая вышла на помост, села рядом с флейтистом и красивым голосом запела грустную морскую песню.

И вечно жёны будут сидеть,
Любимых всё будут ждать,

А волны морские будут им петь,
И ветер — пряди трепать.

Всегда один и тот же вопрос,
Вернётся любимый иль нет?
Седеет золото их волос,
А жены всё ждут ответ.

Вернись моряк, вернись же домой,
Сквозь штили, сквозь бури вой,
Вернись моряк, услышь голос мой,
Я жду тебя мой родной.

А годы идут за кругом круг,
И нет парусов вдали.
Надежда лишь шепчет: А вдруг, а вдруг,
Ты только вперёд смотри.

И вечно жены будут сидеть,
Любимых всё будут ждать,
А волны морские будут реветь,
И ветер — платки срывать.

Пока песня звучала, все в зале сидели не шелохнувшись, замороженные грустной мелодией и очарованием прекрасного голоса певицы. Первым очнулся Толстун. Он вынул из вазы, стоящей на столе, жёлтый кленовый лист и протянул его певице.

— Это лучшая песня про моряков, которую я слышал, — благодарно улыбаясь, прошептал он.

Певица взяла лист покрутила перед лицом, смущённо поклонилась и чмокнула Толстуну в щёку.

— Присаживайтесь за наш столик, — пригласил её Стеньга.

Женщина сначала отнекивалась, но Толстун скорчил такую грустную гримасу, что она рассмеялась и под села на краешек стула к их столу.

— Разрешите представить, — на правах хозяина стола встал Стеньга, — Это мои друзья. Те самые, что убили дракона и захватили гоблинский фрегат. Это главный герой — Ивашка штурман. Сейчас он заказал мне бриг и собирается на нём к ещё более опасным приключениям. Это — боцман Толстун, его верный товарищ и тоже главный участник всех побед. А это и есть тот самый жёлтый баньши, о котором столько говорят в городе. Он великий колдун. Если бы вы видели, как он за несколько минут вырастил два огромных дерева, — расхвастался хозяин верфи, как будто сам принимал участие в том знаменитом теперь уже походе.

— Ну, а я — Луиза, — блеснула голубыми глазами певица.

— Вы нам ещё споёте? — поинтересовался смущённый боцман.

— Конечно, попозже. Это моя работа, — кивнула женщина. И почему-то выделив среди сидящих за столом Толстуну, обратилась к нему.

— Я рада, что вы захватили этот корабль и убили всю команду. У меня муж погиб во

время последнего нападения этих гадов на город, — слезинка выступила на её ресницах.

Толстун тоже зашмыгал носом — чего раньше за ним никогда не бывало и, вытащив из кармана, протянул Луизе платок.

— Да я за каждую твою слезинку готов по гоблину истребить! — неожиданно заявил он.

Ивашка даже на стуле подскочил. Такого раньше он за Толстуном не замечал. Уж не влюбился ли заядлый холостяк.

Луиза, успокоившись, ушла исполнять следующую песню. Ивашка обсудил со Стеньгой условия работы Хулкура и, решив все эти мелкие вопросы, засобирался домой. Неожиданно перед отъездом столько дел накопилось. Хорошо хоть самим походом и перевозкой чучела дракона занялся губернатор, а то хоть разрывайся на несколько Ивашек — всё равно не успеешь. А хотел штурман проверить вот какое дело перед отъездом. Столкнувшись в последнее время с морскими картами, которые были в ходу у гномов, Ивашка поразился, до чего все они не точны, и вообще очень плохо и небрежно выполнены. Тогда он задумал на основе имеющихся карт своего последнего плавания, изготовить хорошую точную карту Тёплого океана и, размножив её, продавать через магазин Обжоры Саныча. Несколько дней Ивашка уже потратил на согласование карты. И вот теперь его труд был практически завершён, и нужно было только найти знающего картографа для размножения карты и договориться с Санычем о цене на них.

Захватив дома карту, в которую он вложил столько любви и труда, штурман решил сначала зайти в магазинчик Обжоры, поинтересоваться, за сколько можно её продать, и сколько заказывать картографу копий. Дверь, как всегда, была распахнута настежь. Всякие диковины по-прежнему были свалены в углу в кучу, которая почти достигала потолка. Вот только в отличие от обычной пустоты у прилавка толпились гномы. И как же был поражён Ивашка, когда увидел, что покупали у Саныча горожане — скорлупу драконьих яиц и зелёный бархат.

— Вот так — так, — пробившись к прилавку, покачал головой штурман.

— А, Ивашка, привет! Ну, и задали вы мне работёнки. Уже третий день кручусь как белка в колесе. От покупателей отбоя нет. Ты по делу или так? — не отрываясь от взвешивания кусочка скорлупы, поинтересовался Обжора.

— По делу, но тебе, я смотрю, не до меня, — Ивашка огляделся, прикидывая, сколько гномов обступило прилавок.

— Ни чего, для тебя я время всегда найду. Надька!!! — гаркнул он так, что даже стёкла зазвенели.

На крик из двери, ведущей в складские помещения, появилась такая же, как и сам Саныч, толстенная жена его.

— Ну, что? Пожар, что ли? — недовольно закричала она на мужа, стараясь переорать зашумевшую очередь.

— Займись тут, — Саныч кивнул на покупателей, — Мне надо с Ивашкой поговорить.

— Знаю я ваши разговоры, боитесь, что ром прокиснет, — всё ещё недовольная пробурчала женщина, но к прилавку встала.

— Вот так всегда, — оправдываясь, проговорил Саныч и развёл руками, дескать, что с этих женщин взять, ни во что не верят. Идёшь делами заниматься, а они всё про ром, да про ром.

— Да, я тебя надолго не задержу, — пообещал Ивашка.

— О чём разговор-то?

— Скажи, пользуются сейчас спросом карты Теплого океана?

— Спросом? Да я все маломальские бумажки похожие на карты продал. Нет ничего, — сразу загорелся торговец.

— А почём можно продать вот такую карту, — и Ивашка развернул перед ним своё творение.

Саныч толк в картах понимал, поэтому, увидев карту Ивашки, аж зацокал языком от восхищения.

— Да! Это карта! Это на самом деле карта. Да ей цены нет. И течения, и мели, и все-все острова. Я такой и не видел. Где взял-то? — перенёс своё внимание с карты на Ивашку Саныч.

— Сам нарисовал, — смутившись, признался штурман.

— И она точная?

— Проверил лично. В последнем плавание два раза она нам жизнь спасала, — обиделся Ивашка за свою карту.

— Наслышан, наслышан я о вашем походе. Видел, сколько товара мэрия через мой магазин продаёт.

— Ну, ты ведь, наверное, тоже не в убытке, — хитро прищурился Ивашка.

— Не в убытке, — кивнул головой торговец.

— Значит, будет карта расходиться? — снова поинтересовался штурман.

— Конечно, будет! А если ещё написать, что это ты её составил, и что по ней вы нашли драконью скорлупу, то расхватают и ни каких денег не пожалеют, — заверил Саныч.

— И почём можно продать?

— Ну, давай так. Я буду продавать по пятьдесят дублонов...

— А не дорого? — удивился моряк.

— Тебе с каждой проданной карты я отдаю сорок дублонов. Пойдёт?

— Конечно! А сколько нужно сделать копий?

— Я думаю штук пятьдесят пока, — прикинул Обжора.

— Так много? Кому они вдруг понадобились?

— Ты ведь знаешь гномов. Увидели, что вы привезли скорлупу драконьих яиц, и теперь все у кого есть даже плохонькое судёнышко, решили плыть за сокровищами. А карт-то и тютю, — развёл руками Саныч.

— Что, все прям так и решили за скорлупой податься, — не поверил Ивашка, — Там ведь и гоблины и драконы. Да, и плыть не близко, тем более — зимой.

— Нет, всё-таки ты плохо гномов знаешь, — рассмеялся торговец.

— Хорошо, а не подскажешь, кто с этой карты может быстро снять хорошие копии? И сколько за это возьмёт? — поинтересовался штурман.

— Ага, дак ты просто хочешь деньги получить, а сам ничего не делать, — опять хохотнул толстяк.

— Ну, почему же не делать. Я ведь в эту карту столько труда и любви вложил, — обиделся Ивашка.

— Ладно, ладно. Ты молодец. Это замечательная карта. Давай так. Ты мне отдаёшь эту карту. У тебя у самого-то, кстати, есть ещё одна?

— Нет.

— Ну, вот! Ничего! В общем, ты мне оставляешь карту, я сам нахожу картографа, заказываю ему пятьдесят штук по десять дублонов за штуку. А тебе отдаю полторы тысячи

дублонов. Скажем, через две недели. Устроит такой вариант?

— Конечно, устроит, — сразу согласился Ивашка.

— Если же карта ещё будет пользоваться спросом, то за каждую проданную, я и дальше буду платить тебе по двадцать пять дублонов. Пойдёт?

— Пойдёт, — опять кивнул головой Ивашка.

— Всё. Давай прощаться, а то мне Надька сейчас такой скандал устроит, — заторопился Саньч, выталкивая Ивашку через дверь назад в магазин.

А там действительно собиралась гроза. Жена Обжоры едва их заметила, упёрла руки в бёдра и уже было раскрыла рот, чтобы сказать, что она думает обо всех алкоголиках на свете, но Саньч подошёл к ней и смело дохнул в лицо. Гнев на этом лице сменился недоумением. Даже челюсть отвисла.

— Я заключил шикарную сделку, — шепнул ей толстяк, но так, чтобы и Ивашка слышал, — Дублонов эдак с тыщонку заработаем, — и, хлопнув жену по массивному заду, подтолкнул к Ивашке, — Вон, ему спасибо скажи.

Правда, «спасибо» Ивашка не дождался. Покупатели зашумели, и толстяк с толстушкой бросились к прилавку, помогая друг другу быстрее обслуживать гномов.

Событие двадцать восьмое

Какова молния, таков и гром победы.

Аркадий Теплухин

Придя домой, Ивашка обнаружил там всеобщий переполох. Все бегали, суетились, будто к переезду готовились.

— Что случилось? — заволновался он.

— Завтра утром вы выезжаете в столицу, — сообщила ему взволнованная Натали.

— Ну, и что? Шум-то из-за чего? — не понял моряк.

— А то, что едем мы не через перевал, его снегом, говорят, завалило, а через Западные Пустоши, — внёс, наконец, ясность подоспевший Толстун.

— Через Западные Пустоши? — не поверил Ивашка, — Это же владения троллей. Что мы самоубийцы, что ли?

— Да, вот губернатор так решил, — пояснил боцман.

— Куда не пни — одни пни, — высказал Ивашка любимую поговорку своего деда, — Он что же троллей не боится?

— Я догадываюсь, о чём он думает, — усмехнулся Толстун.

— И о чём?

— Ведь мы с тобой те самые непобедимые гномы захватившие корабль и перебившие полсотни гоблинов, завалившие дракона, привёзшие кучу драконьей скорлупы. Так что нам стоит совершить прогулку по Западным Пустошам.

— Точно, — согласился Ивашка, — наверное, именно так он и думает. А ты-то что думаешь? — поинтересовался штурман у друга.

— Я думаю, что без эльфа нам не обойтись, — кивнул Толстун на стоящего рядом и не вмешивающегося в разговор их товарища.

— Это на самом деле так опасно? — вступил тот в разговор.

— Опасно, — честно признался Ивашка, — Тролли считают эту территорию своей, а гномы своей. Несколько столетий идёт война. То мы их чуть потесним, то они нас. Вот сейчас как раз такое время, когда они нас. Сейчас вся Западная Пустошь захвачена троллями. А другого пути в столицу нет. Летом можно пройти через перевал в Призрачных горах. Но вот сейчас перевал, говорят, завален снегом. Да и тащиться туда с драконом удовольствие ниже среднего.

— Большая она эта Пустошь? — уточнил эльф.

— Так-то, конечно, большая, но нам нужно только пройти по дороге, — Толстун поморщился, — наверное, за день можно пройти. Если поспешить.

— А потом назад тоже по ней, сквозь растревоженный улей? — продолжал допытываться маг.

— Скорее всего, — утешил его Ивашка.

— Тогда я поеду с вами, — кривая улыбку скользнула по тонкому лицу эльфа, — Если вы погибнете, кто же доставит меня домой, — пояснил он.

— И кто соберёт книгу Херне, — уже одному Ивашке шепнул маг.

— А много всего народу идёт? — поинтересовался у друга Ивашка.

— Губернатор мне сказал, что возьмёт десять стражников, двадцать носильщиков, двадцать пони с погонщиками и десять матросов с его личной галеры, плюс мы да несколько слуг, где-то гномов семьдесят наберётся, — прикинул боцман.

— Ну, это солидно, — чуть обрадовался штурман, — На такую армию да ещё с драконом тролли могут и не сунуться.

— Хорошо бы, — Толстун энтузиазма не проявил.

— Ладно, решили ехать — значит, поедим, — прекратил обсуждение Ивашка, — Нужно все наши магические и полумагические вещички собрать, костюмы из змеиной кожи, кинжалы из когтей, жезлы из зубов, меч тролля, огни Агавы, не плохо бы и пару больших арбалетов прихватить.

— Точно, арбалеты бы не помешали, — кивнул Толстун.

— Давай так, — Ивашка окинул взглядом перевёрнутый вверх дном дом, — Ты дуй к капитану, и попроси его снять с корабля и подбросить к дому губернатора два арбалета, а я тут всё в порядок приведу.

— А успеем? — посмотрел на небо боцман, желая определить, где же сейчас находится солнце, но тучи так заволокли небо, что ничего даже не напоминало о солнышке.

— Быстрее начнёшь — быстрее сделаешь. Не бойсь друг, без тебя не уедем, подождём, — успокоил его Ивашка.

Толстун умчался, а штурман с эльфом навели порядок в мешках с пожитками, которые отложили в дорогу. Под протестующие взгляды и крики Натали он вытащил несколько пар тёплых носок и свитеров, впихнув на их место костюмы из змеиной кожи.

— Лучше помёрзнуть, чем получить стрелу в пузо, — только и сказал он ей.

Пока собирались, уже совсем стемнело. Вконец расстроившаяся учительница покормила собирающихся в путь мужчин и увела детей, чтобы не мешали, а то Дюшка два раза поднимал скандал и начинал канючить, чтобы и его взяли в столицу посмотреть на короля.

— Послушай меня, малыш, — успокаивал гномика Ивашка, — Вот если бы мы двинулись в столицу летом и через перевал, а не через владения троллей я бы, конечно, взял тебя. Ну, а так, сам посуди, придётся воевать, а я, вместо того чтобы сражаться, буду тебя оберегать. Из-за этого могут пострадать Толстун или вот эльф, а может даже губернатор. Ты же не хочешь этого.

— Ладно, — согласился, наконец, мальчик, — Только ты свою медальку дашь мне поносить, — поставил он всё-таки условие.

— Безусловно. Если бы не ты, всего этого приключения бы не было, а значит половина «медальки» и так твоя. Будем носить по очереди.

Успокаивая гномика, Ивашка вдруг подумал, интересно, получается, едем, вроде, за наградами, а готовимся как на войну, даже похлеще. Магические жезлы, кинжалы из когтей дракона, маг — лучше бы троллям не соваться.

Толстун появился, когда даже и ждать его устали, на дворе уже ночь всюю была.

— Арбалеты доставили, утром выходим, — запыхавшись, доложил он.

— Вот и хорошо. Отдыхай, поешь и спать ложись. Мы всё собрали. Итак, завтра очередной поход за славой.

А утро выдалось совсем не для похода, шёл мокрый снег, который временами переходил

просто в дождь. Ветер с гор забирался под одежду и пронизывал до костей. Все нервничали, кричали на опоздавших, суетились, кто по делу, а кто и совсем без надобности. Лошадям передалось настроение гномов, и потребовалась масса усилий, что бы запрячь их в повозку с чучелом дракона. Потом пропал губернаторский конюх, и только через полчаса выяснилось, что расковался пони, который предназначался для перевозки его превосходительства, и конюх искал кузнеца, и приводил его в чувство после попойки, маялся бедняга с похмелья.

Но вот вроде с лошадьми управились, и отряд двинулся к городским воротам. Несмотря на ветер, дождь и снег, провожающих было на удивление много. Для Ивашки самым неожиданным было то, что специально проводить в дорогу Толстуна в это слякотное утро пришла певица из ресторана — Луиза. Толстун сразу засмутился, отошёл к ней, и сколько бы штурман не смотрел в их сторону, эта парочка стояла под дождём и ворковала. Только у самых ворот боцман догнал отряд и присоединился к Ивашке и эльфу.

— Хорошая девушка, — похвалил Луизу эльф.

— Я ей ничего и не говорил даже, — пробурчал в ответ Толстун.

— Да, ладно, пора тебе уже жениться, дом строить, детей заводить, — похлопал друга по плечу Ивашка.

Толстун опять что-то пробурчал, но теперь этого уже вообще никто не услышал.

Сразу за городскими воротами, вдоль дороги идущей к Западной пустоши начинались фермерские домики, сиротливо смотревшие сквозь облетевшие деревья. Голубая краска, выгоревшая за лето на солнце, сейчас намокла и тоже не добавляла веселья пейзажу. Всё было серо-грязное, и небо и земля и домики.

Дожди изводили три дня подряд. Вечером четвёртого дня высыпали звёзды, окружив прибывающую луну в ледяном венце. Её дрожащий свет проник в клубящуюся, полную страхов мглу. Речные берега озарило бледное сияние покрытой изморозью травы — она то вспыхивала алмазным блеском, то чернела там, где стояли кучи соломы. Сама река, служащая естественной границей между землями гномов и Западными пустошами, блестела точно ртуть. Жилые места кончились ещё днём, и целый вечер шли по степи. Только трава кругом. По дороге много лет почти никто не ездил, и она совсем заросла, лишь более редкая трава служила ориентиром. Тот берег реки ничем на первый взгляд не отличался от этого. Та же степь.

Чтобы попасть в столицу, необходимо было переправиться на тот берег, пересечь Пустошь, и снова переправившись через реку, оказаться по другую сторону гор — всего в двух днях пути от гномской столицы. Раньше, может, не так и давно, через реку был мост. От него теперь остались только деревянные быки, заросшие мхом.

Отряд подошёл к берегу поздно вечером и переправляться не стали. Никто не знал, что ждёт их на том берегу, какова глубина и скорость течения реки. Утро вечера мудренее, решили гномы и разбили лагерь. Костры губернатор разводить запретил, чтобы не привлекать внимание троллей, если таковые окажутся вдруг поблизости. Лошадей к воде и то не подводили, могут заржать и выдать отряд врагу. Губернатор собрал на совет капитана и Ивашку. Вопрос был только один, как переправляться на ту сторону. Деревяные плоты нет, лодок нет, а река вздулась от обильных дождей. Положение получалось безвыходное. Однако ответ нашёлся сам собой.

— А ведь большая повозка под чучелом дракона деревянная, — сообразил капитан.

— Точно, — сразу понял его мысли Ивашка, — Это даже не плот, а целый паром. Сначала на нём переправим лошадей, затем лошади помогут перетягивать на ту сторону и

дракона и нас.

— Вот и хорошо, — обрадовался губернатор, — Тогда отдыхать, а чуть станет светать, будем переправляться.

Ночью было холодно. Это всегда так, если зимой или осенью ночью небо ясное — значит к морозу. Так хотелось развести костёр и просушить хоть мокрую одежду. Но гномы и сами понимали, лучше помёрзнуть, а с троллями не встречаться, чем помереть с сухими штанами. Так и продрогли до рассвета. А тут сразу водные процедуры. Пять гномов взяли в руки толстый канат, привязанный к повозке, и, разматывая его, потихоньку зашли в воду. Шли чуть не крича от боли — холодная вода сводила ноги. Только и это долго не продлилось, скоро глубина стала такая, что пришлось пуститься вплавь. Течение было сильное и гномов начало сносить вниз по реке. Оставшиеся на берегу с замиранием сердца смотрели на барахтающихся в воде товарищей, но вот, плывущий первым, Толстун достал ногами дно и, подвывая от боли в схваченных судорогой ногах, вытянул на мелководье и остальных. Выбравшись на берег, промокшие и озябшие гномы, закрепили канат вокруг лежащего на берегу валуна и принялись скакать и подпрыгивать точно молодые жеребята — пытались согреться.

Уже по канату на тот берег переправились ещё десяток гномов поздоровее. На плот, получившийся из повозки, загнали пять лошадей, и переправа началась. Лошадей на тот берег спровадили быстро, а вот с чучелом дракона пришлось повозиться. Даже набитый соломой и опилками дракон весил не мало, и плот практически полностью оказался под водой. Чучело стало сносить с плота, несколько гномов бросилось в воду, чтобы удержать чудовище, не дать ему уплыть, погонщики лошадей кнуты обломали об бедных животных, стараясь заставить их двигаться быстрее. Всё-таки не дали зелёному монстру уплыть, вытащили на берег. А тут и скупое зимнее солнышко проглянуло, потеплело немного.

Последним рейсом переправили на Пустоши губернатора и пожитки. Сразу, не теряя времени, двинулись в путь. От побывавших в воде гномов валил пар.

— Вроде бы начало не плохое, — шепнул эльфу Ивашка.

— Что вперёд загадывать, но и бояться не стоит. Трусам боги всегда посылают лишние испытания. А смелых сама беда боится. Но тебя-то беда не обойдёт стороной, — помолчав, добавил маг.

— Из-за пластинок, — догадался Ивашка.

— Из-за них. Ты собрал пять штук, да у Хулкура две обещанные. Семь страничек — это много даже для такого удачливого молодца как ты.

При всём при этом уже несколько часов шли без всяких приключений. Троллями и не пахло. В обед сделали привал. Костров не разводили, пожевали хлеба с вяленой рыбой и запили водой сырой. Одежда высохла на теле, да и не яркое зимнее солнышко всё-таки согрело немного воздух. Так что, на Пустоши жаловаться было грех. Ивашку же не покидало ощущение беды. Он подъезжал к эльфу и заговаривал с ним об этом, но маг отвечал, что сам ничего не чувствует, а брат Вандермаст просто нервничает.

А штурман нервничал не зря. Солнце уже склонилось к закату, и вдали показалась излучина реки, на той стороне уже гномская земля, когда появились тролли. Скорее всего, это были дозорные, или что ни будь в этом роде. Десятка два на высоких мохнатых лошадях, выросли они вдруг на фоне заходящего солнца. И сразу же с гиканьем устремились на гномов. Но по мере приближения скорость их всё снижалась, пока метрах в трёхстах они вообще не остановились. Гномы сгруппировались вокруг дракона, вперёд вышли лучники,

приготовились к отражению атаки. Суетились только Толстун с Ивашкой. С пони срочно сняли большие арбалеты и установили их на телегу с драконом. Боцман навёл их на цель. Расстояние было великовато, и гномы ждали.

Троллей видно смутил дракон. Гномские мастера, что набивали чучело, постарались на славу — монстр был как живой. Того и гляди расправит могучие крылья и умчится в небо. Топтание на месте продолжалось с полчаса. Тролли видимо соображали, что этот дракон в сопровождении гномов делает в их владениях. Дракон всё это время мирно сидел и не подавал признаков жизни. Напуганные вначале степняки понемногу приободрились и стали не спеша, шагом, подъезжать к чудовищу. Когда расстояние сократилось до двухсот метров, Ивашка дал знак Толстуну, а сам подошёл ко второму арбалету. Обе стрелы ушли одновременно. Толстуну повезло больше, его стрела врезалась во всадника и буквально вырвала его из седла. Ивашкина стрела угодила в лошадь, и, падая мохнатая кляча внесла сумятицу в ряды троллей. Боцман перезарядил арбалет, а Ивашка бросился к эльфу.

— Пульни в них молнией, — и вложил в руку магу «огни Агавы».

Эльф кивнул головой, прикрыл глаза и вытянул вперёд руки, впитывая энергию. Одна была зажата в кулак (в ней лежали красные камешки), в другой был жезл из клыков дрона. В это время свистнула вторая стрела, посланная Толстуном, и сразу же полыхнула молния, ярко-голубая, отчётливо видимая на фоне заходящего солнца. Тролли как раз сбились в кучу, помогая подняться наезднику убитой Ивашкой лошади.

Штурман не видел, попала ли стрела, но что молния угодила в самую гущу троллей и лошадей, было хорошо видно. Всадники вылетали из седла, лошади переворачивались в воздухе и падали на землю в десятке шагов от места, куда маг послал молнию.

В стане врагов царил ужас и замешательство, оставшиеся в седле тролли пустили коней вскачь, лишь бы уйти подальше от непонятного взрыва. При этом большая часть поскакала прямо на гномов. Вперёд выступили лучники, и рой жужжащих смертей понёсся навстречу беспорядочно скачущим врагам. Оставшиеся в живых пытались развернуть лошадей, но те взбесились от стрел, от молнии, от грохота взрыва и норовили сбросить всадников и умчаться в степь. Оказавшихся в сотне шагов, пятерых троллей, сброшенных на землю, губернатор приказал брать живыми. Те особо и не сопротивлялись. Один, правда, попробовал отбиваться шпагой, но Толстун метнул в него кинжал из когтя дрона и раненый в плечо степняк сдался.

Уцелевшие тролли, всего несколько всадников, рысью уходили в степь. На своих маленьких лошадаках гномы преследовать их не могли, да и особого желания не было — хоть разбитые, но всё-таки тролли. Зато трофеи подсчитали. В плен захватили восемь степняков, четверо из них было серьёзно ранены. Убитых тоже восемь. И десять лошадей удалось поймать. Гномам достались ещё семнадцать отличных шпаг, несколько кинжалов и луков. Потерь со стороны гномов не было вовсе.

Когда радость от победы улеглась, и отряд в сгущающихся сумерках двинулся к реке, губернатор подозвал к себе толстуна и Ивашку.

— Я всё удивлялся, как это вам удалось с гоблинами справиться. Теперь-то понятно. Я сам чуть в штаны не навалил, когда молния шарахнула. Думаю, переночуем на этом берегу, а утром спокойно переправимся.

— Переправляться на тот берег в темноте, конечно, не стоит, — поддержал губернатора Ивашка, — А вот насчёт троллей, сомневаюсь. Скорее всего, утром их тут будет целое войско.

Губернатор испуганно замахал руками, как бы отгоняя нечистую силу.

— Надо выставить охранение, — продолжил штурман, — Мы с Толстуном по пол ночи покараулим.

— Опять без костров, — совсем приуныл губернатор, — А, по-моему, они после такой взбучки не сунутся.

— Да, им просто не поверят. А если и поверят, то обязательно пошлют отряд побольше, проверить и попытаться захватить мага.

— Ладно, — вздохнул важный гном, — Ещё одну ночь, как-нибудь, перетерпим.

Событие двадцать девятое

Где пируют, там и бока вздуют.

Окрылённые только что одержанной победой, гномы не очень и расстроились, услышав приказ не зажигать костров. У всех было одно на уме — завтра поутру переправимся на свой берег. А там уже троллей нет. А там уже дома.

Ивашка свою половину ночи проспал спокойно. Толстун разбудил его далеко за полночь. Звёзды на небе уже редеть начинали, а на востоке ярким синим глазом горела Венера. Штурман обошёл спящий лагерь, проверил дозоры. Гномы, стоящие в охране, не спали, бдительно вслушиваясь в ночные шорохи. Ивашка даже зашёл немного в степь и прислушался своим обострившимся, после победы над дроном, слухом. Всё было тихо. Только предчувствия нехорошие всё равно не покидали моряка.

Восток стал светлеть. Ивашка зашёл ещё дальше от лагеря, держа наготове кинжал из когтя дрона. Всмотрелся в предрассветные сумерки. Степь точно вымерла. Ни троллей, ни кого другого живого. Даже птиц и то не слышно. Ещё через полчаса совсем рассвело, и Ивашка скомандовал трубить подъём. Спали все одетые, так что время на сборы ушло не много. Процедура переправы гномам была уже знакома. Быстро управились с чучелом дракона и лошадьми. А когда половина отряда была уже на той стороне, появились тролли. Их было несколько сотен, выросших, словно из-под земли. Даже Ивашка, всё время оглядывающий степь, пропустил момент их появления.

Надо отдать должное гномам. Они были готовы к повторной атаке троллей. Два больших арбалета были надёжно установлены на подставке и заряжены. К тому моменту, когда степняки приблизились на расстояние в два полёта стрелы, на берегу остались только Ивашка с Толстуном и эльфом и два десятка лучников. Паром только отчалил от этого берега, и назад ждать его надо было только минут через десять — пятнадцать.

— Ну, вот, это будет нормальная заваруха, — криво усмехнулся Толстун.

— Слушайте все, — отмахнулся от него Ивашка, — Сейчас, когда они пойдут в атаку, мы с Толстуном успеем пару раз выстрелить и маг пустить пару молний. Как только тролли окажутся на расстоянии выстрела, стреляйте и сразу прыгайте в воду и плывите к тому берегу. Паром будет, где-нибудь на полдороге сюда. Всем ясно? — штурман оглядел притихших гномов.

— Ясно, — послышался нестройный ответ.

— Не тушуйтесь. Может, они от молний разбегутся, как в прошлый раз.

Ивашка всмотрелся в ряды всадников вдалеке.

— Кажется, пошли.

Тролли приближались не спеша — опасались. Только, как бы медленно они не двигались, через несколько минут оказались в пределах досягаемости стрел из арбалетов. Ивашка не видел в кого целился Толстун, поэтому не стал выбирать ни первого, ни самого нарядного, а пустил стрелу в гущу отряда, почти на глаз. Тут же перезарядил арбалет, даже не взглянул — попал или нет. Вторую стрелу выпустил опять в самый центр нападающих врагов. Когда заряжал в третий раз, полыхнула молния и почти сразу за ней ещё одна.

Штурман как раз прицеливался, и молния на секунду ослепила его, и он выпустил стрелу, не целясь.

— Пли, — закричал он, и в воздухе запели стрелы лучников.

Зрение, наконец, вернулось к Ивашке, и он, вставив четвёртую стрелу, взглянул, наконец, на атакующих троллей. Отряд резко сократился, всюду метались лошади без седоков, часть троллей повернула назад в степь, но несколько десятков всадников продолжало приближаться.

— Отходим! — закричал Толстун и первым бросился в воду.

За ним последовали и остальные. Ивашка замешкался на секунду, выпустил пятую стрелу, и, что есть силы, побежал к реке. За спиной явственно слышался храп коней. Тролли были в нескольких шагах. А тут ещё вода замедляла бег. Гном мчался по колена в воде, высоко задирая ноги, кого-то обогнал, и когда вода дошла до пояса нырнул в обжигающе холодную воду, стараясь плыть вдоль самого дна и уйти как можно дальше от берега. Ноги, руки, а особенно голову ломило от холода. Перед глазами плясали красные круги, но Ивашка заставлял себя продержаться в воде ещё чуть-чуть. Ну, ещё чуть-чуть. Сделать один ещё гребок. Но вот сознание уже начало пропадать, а лёгкие горели огнём, к тому же свело судорогой левую ногу. Ивашка всплыл, жадно глотая воздух. Сделал несколько гребков по инерции, и вдруг почувствовал под ногами твёрдую почву. Со всех сторон что-то кричали, свистели над головой стрелы, храпели кони, но все эти звуки доходили до штурмана как бы со стороны, и только выбравшись на берег, он позволил себе оглянуться, разобраться в происходящем. Почти все лучники уже выбрались на берег, только несколько гномов барахтались ещё в воде. Эльф как раз выбирался из реки. Тоже сильно устал — сразу рядом с Ивашкой на мокрую траву свалился. Тролли на лошадях крутились на том берегу, в воду не совалились. Гномы осыпали тот берег стрелами, но те на излёте падали на троллей и вреда не причиняли. Жаль было арбалетов, брошенных на том берегу. Ивашка попытался разглядеть их среди троллей и с ужасом обнаружил, что те уже развернули их в сторону гномов и сейчас заряжают.

— Уходим все! Они сейчас откроют огонь из арбалетов! — закричал Ивашка и бросился поднимать эльфа, — Уходим, уходим, — поторапливал он друга.

Гномы спешно отступили от берега. У троллей по видимости не было опыта стрельбы из таких арбалетов и две первые выпущенные стрелы плюхнулись в воду. Пока те перезарядили, гномы успели отойти от берега и ещё две стрелы, выпущенные вдогонку, только легко ранили одну лошадь, а вторая отскочила от шкуры дракона.

Через час сделали первый привал, провели перекличку, и здесь только обнаружилось, что одного из стрелков нет.

— Наверное, утонул, — предположил Толстун.

— Скорее всего, — согласился Ивашка.

— Мы, похоже, тоже не лыком шиты, — вмешался губернатор, стоящий рядом, — Я с берега наблюдал, их не меньше трёх десятков ранено и убито. А как они от молний шарахнулись, сразу пол отряда наутёк пустилось. Будет, чем короля порадовать, кроме дракона и гоблинского фрегата. Это тоже победа. Потеряли одного гнома, а взамен не меньше четырёх десятков троллей перебили. Ещё несколько таких боёв и они уберутся с Западных Пустошей.

— Честно говоря, не очень-то радужная перспектива, стать участником ещё нескольких таких боёв, — криво усмехнулся Ивашка, — Я чуть не утонул, а эльф вон до сих пор в себя

прийти не может.

— Эльф у вас молодец, — похвалил его губернатор, — Хотя я эльфов и не люблю, но вашего за сегодняшний бой с радостью расцелую.

Переправившись через реку, словно в другой мир попали. Появились деревья, скрашивая пустынный пейзаж. Правда, голые ветви довольно уныло смотрелись на фоне затянутого тучами неба. Но это были деревья, это была своя земля. Здесь не нужно было опасаться троллей. На вечернем привале весело затрещали костры, разгоняя зимнюю сырость. Вкусно запахло жареным мясом и печёным хлебом. А сознание, что трудный поход почти завершён, пьянило не хуже рома. Следующий день ехали уже по обжитой, заселённой земле. То справа, то слева от дороги появлялись Гномские поселения — маленькие фермы или даже небольшие посёлки. Кое-где крестьяне ещё пахали землю, подготавливая её под весенний сев.

Гномы, увидев страшную процессию, во главе которой ехал дракон, вели себя по-разному, но основная масса пускалась в бега, и только отдельные смельчаки подходили поближе к дороге, посмотреть на дракона. Лошади и собаки сразу уносили ноги, осознавая своими лошадиными и собачьими мозгами, что с драконом вступать в близкие отношения не стоит.

Деревня, в которой остановились на последний перед столицей ночлег, при всём желании вместить всех не могла, и кроме губернатора остальные гномы решили устроиться в рощице на краю деревушки. Жители сначала попрятались по оврагам и огородам, но, видя, что пришельцы дракона не боятся, стали потихоньку высовываться из своих щелей. Первыми добрались до чудовища, конечно, мальчишки. Ивашка даже пожалел, что не взял с собой Дюшку. Каким героем чувствовал бы себя парнишка среди сверстников. С опаской, но, стараясь не потерять достоинство, вслед за сорванцами появился староста деревушки, седой угрюмый гном с изрытым морщинами лицом и длиннющей белой бородой. Перебросился несколькими словами с губернатором и увёл его к себе ночевать.

Губернатор пригласил Ивашку, Толстуна и капитана зайти к нему, как стемнеет, выпить по кружечке пивка или рома. Но наши герои вежливо отказались, объяснив, что дали в тюрьме клятву не пить больше никогда. Капитан пошёл один.

Ночь прошла спокойно. Только Ивашка долго не мог уснуть. Представлял себе встречу с королём, вручении награды, а потом поездку на остров за сокровищами и визит в гости к баньши и эльфу. Да, впереди у него были прекрасные дни. Ещё бы, выйти в море на новеньком корабле в новенькой капитанской форме, с Натали и Дюшкой на борту. Разве мог он мечтать, о чём-нибудь подобном, буквально полгода назад.

Утром в лагере царило приятное оживление. Почему нет, к обеду нужно добраться до столицы. Из почти сотни гномов, что было в отряде, может два или три бывали раньше в резиденции королей. Горы, отделяющие их порт от остальной страны гномов, были трудно проходимы, особенно зимой. А с захватом Западных Пустошей троллями связь между двумя городами была не регулярна, и по своей охоте соваться в горы, желающих было мало. Когда-то горы были родиной гномов, но века, проведённые на равнине, сделали своё дело. Даже пословица появилась: «Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт».

Выехали чуть свет. Поселения встречались всё чаще. И видно вести о приближении странного отряда опередили их, потому что гномы уже не разбегались при виде дракона, а наоборот прямо под ноги лошадям и под колёсатели бросались, желая своими руками пощупать дракона. Движение сильно замедлилось и губернатор уже начал волноваться, что

не успеет, как рассчитывал, попасть к обеду в город, когда на горизонте замаячили зубчатые стены сторожевых башен. Город (а надо сказать, что у гномов не было привычки давать своим городам имена, просто город или просто столица, порт) или Столица был основан давно. Так давно, что никто и не знает когда. Эльфы бы сказали: «Ещё при богах». По крайней мере, несколько тысячелетий назад. В те времена велись жестокие войны с троллями и гоблинами, драконы сметали гномские поселения с лица земли шквалами огня, и столицу построили окружённой мощными каменными стенами, глядя на которые даже и не верилось, что их создали маленькие гномы. Казалось, великаны создали их для себя.

Теперь, подъезжая к городу, Ивашка проникся несказанной гордостью за тех мастеров, что возвели эту твердыню. Башни из красного камня возвышались своими зубцами на высоту не менее пятидесяти метров. На них не то, что лезть, смотреть-то страшно. Огромные подъёмные ворота сейчас были гостеприимно опущены и по краям стояли стражники в блестящих под лучами неожиданно выглянувшего зимнего солнышка латах.

Новость о прибытии моряков добралась, видно, и до столицы, так как мощённая камнем площадь перед воротами была запружена нарядно одетыми гномами. Губернатор выехал вперёд отряда, когда увидел, что от толпы к ним направляется процессия офицеров в парадных мундирах буквально усыпанных золотом. Ивашка тоже пробился в первые ряды, желая не пропустить момент встречи. Однако ничего интересного там не обнаружил. Придворные долго раскланивались с губернатором. Потом губернатор долго кланялся придворным и заверял их, что основная причина, заставившая его совершить героический зимний переход через Западные Пустоши — это желание видеть присутствующих здесь гномов. Любезностям, казалось, не будет конца и Ивашка почувствовал, как желудок его начинает посасывать от голода. Наконец, обмен поклонами и улыбками закончился и под радостные крики горожан отряд стал потихоньку втягиваться в ворота. Ну и как тут обойтись без неприятности — дракон не желал втягиваться в ворота. До чего вредная тварь — даже в виде чучела и то неприятности создаёт.

Пришлось распороть швы на брюхе дракона, и высыпать часть опила, что, кстати, оказалось очень вовремя. От двух купаний в реке опилки намокли и начали загнивать. Целые полчаса высыпали, опил из чудовища, о потом протаскивали того через ворота. Вымотались все, почище, чем когда реку форсировали под носом у троллей.

Дворец короля находился почти у самых ворот, короткая широкая улица заканчивалась грандиозной площадью с фонтанами, сейчас, правда, из-за зимних холодов не работающих, и целой галереей статуй. Тут были все сто двадцать три короля когда-либо правящих гномским королевством. Был и легендарный Пол Альый Горн, выведший гномов из гор на равнины, и кажется совсем недавно правящий Фул Хромая Нога, погибший при обороне Западных Пустошей и даже Рыжебородый, победитель гоблинов. Короли были и пешие и конные, с мечами, с копьями, в рыцарских доспехах и обнажённые до пояса. Были и мраморные и бронзовые. Один, Ивашка, правда, не знал, как его звали, был высечен из обсидиана и своей сверкающей чернотой выделялся на общем фоне.

А впереди этих вечных стражей дворца стоял, окружённый своей свитой придворных, нынешний король Эмиль Восьмой Красный. Был он ещё не стар и цвет бороды сразу объяснял — почему его прозвали красным. Именно не рыжим, а красным. Борода была ярко красная. Даже не верилось, что это настоящий её цвет. Огромная витая корона из золота так же была окружена непокорными красными волосами, торчащими во все стороны. Немного клоунский вид. Голубой офицерский мундир был весь усеян золотыми цепочками и

сверкающими кусочками скорлупы дракона.

Конечно, если говорить откровенно, мундир Ивашки усыпан золотом и скорлупой не намного меньше и даже медалька висела на груди. Ну, да что делать, любят гномы украшаться, если, конечно, могут себе это позволить — в смысле финансов.

Гномы из свиты короля, хоть и понимали, что перед ними чучело дракона, к тому же значительно потерявшее свой грозный вид после операции перед воротами, однако старались держаться подальше. Так сказать: «Бережённому — боги берегут».

Ивашка сильно вперёд не высовывался, стоял рядом с Толстуном и эльфом, пока губернатор и капитан произносили свои длинные красивые речи, и с тоской думал, что обед явно не намечается. Успеть бы, хоть поужинать. Вдруг штурман услышал своё имя и перехватил вопросительный взгляд короля. Ивашка поклонился и сделал шаг вперёд.

— Так ты и есть тот самый Ивашка? — улыбнулся как-то облегчённо король, — А я-то представлял себе великана какого-то. Чуть не с гоблина ростом. А ты самый обычный гном. И если бы не это чучело, и не те корзины со скорлупой дракона, честное слово я бы не поверил.

— Я, Ваше Величество, один и не мог всё, о чём рассказал сегодня губернатор натворить. Мне всегда мои друзья помогали: Толстун и эльф, — Ивашка указал на смешавшегося гнома и гордо вскинувшего голову эльфа.

— Вот-вот, я хочу про все ваши подвиги услышать, наконец, не из третьих рук, а от самих участников, и дождь вот опять собирается. Прошу господа ко мне во дворец. Пообедаем, послушаем рассказы героев и отведаем рома из бутылок запечатанных ещё при Эмиле Втором, ему более двухсот лет. Прошу, господа! — и король, указав рукой на дверь, первый пошёл по дорожке из малахита, ведущей к украшенному такими же малахитовыми колоннами к крыльцу.

Такого длинного стола Ивашка ещё не видел. Метров сорок в длину. Около ста гномов вокруг него разместилось. Сновали слуги, разнося напитки и кушанья. Барабан, где-то наверху, выстукивал нехитрую мелодию. Сверкал на столах хрусталь. Матово переливались золотая и серебряная посуда. Но всё это затмевал блеск украшений на дамах и кавалерах. И насколько Ивашке не понравился приём у губернатора неделю назад, настолько же он был доволен сегодняшним. Им отвели во дворце с Толстуном и эльфом уютную комнатку, в которой они переоделись и умылись перед обедом. Только наши друзья привели себя в порядок, пришёл молодой гном, почти мальчик, и пригласил их в банкетный зал, на праздничный обед.

Событие тридцатое

Музыка должна высекать огонь из людских сердец.

Людвиг ван Бетховен

Ивашку усадили совсем рядом с королём, и в течение всего просто бесконечного обеда, штурман, стесняясь, рассказывал Эмилю Восьмому о своих приключениях, не упоминая, конечно, про «Огни Агавы» и серебряные пластинки. Ивашка даже стал беспокоиться — не останется ли он голодным. Не рассказывать же королю с набитым ртом. Но тут король переключился на эльфа, попросил того поведать о своих приключениях, и Ивашка набросился на блюда, стоящие перед ним. Да, кушанья были королевские. Ничего вкусней, моряку есть не доводилось, ну, разве что печенье в виде рыбок, сделанные Натали в день их знакомства. Ивашка уже к седьмому блюду преступил, что-то типа тушёных овощей, но тут король снова перенёс своё внимание на него, и пришлось оставить овощи в покое и срочно запить лимонадом.

— А почему ты ром не попробуешь? — удивился король, — Уверен, что ничего подобного тебе пробовать не доводилось. Он стоял в подвале двести лет, дожидаясь этого момента.

— Не обижайтесь, но мы с Толстуном дали в тюрьме клятву больше спиртного в рот не брать. Все беды на земле от рома и пива — мы решили. И вот уже полгода не пьём.

— Интересное наблюдение, — усмехнулся Эмиль Восьмой. — Мне тоже приходится принимать иногда участие в судах, а ведь вы правы. Почти все преступления совершены после обильного употребления рома. Может, мне начать борьбу за прекращение производства рома?

— Нет, вот этого, наверное, делать не стоит, сразу появятся контрабандисты, подпольные торговцы, самогонщики. И будут наживаться на этом.

— И опять верное замечание, — похлопал моряка по плечу король, — тебе нужно перебраться в столицу будешь у меня советником. А то некоторые, такого иногда присоветуют, что после еле расхлебашь.

— Не знаю, Ваше Величество, я сейчас корабль строю по гоблинским чертежам, и хочу на нём отвезти домой жёлтого баньши и эльфа, и ещё разок попытать счастья со скорлупой дракона. Вот если это всё удастся, тогда может быть и переберусь в столицу. А пока меня ещё море держит.

— Отвезти домой эльфа и баньши? Но ведь это Западный материк? Там ещё не один гном не бывал, — король даже не допитый стакан на стол поставил.

— Я им обещал, к тому же ни у кого из гномов раньше и не было такого корабля, как у меня.

— И что это за такой необычный корабль, — полюбопытствовал Эмиль Восьмой.

— Его строят по чертежам, которые мы захватил у гоблинов. Это бриг. И его строят из дерева, над которым колдовал жёлтый баньши. Оно стало намного легче и гораздо прочнее, — Ивашка заволновался, стараясь, поточнее, описать свою мечту — лёгкий манёвренный бриг.

Король в кораблях явно ничего не понимал, переспрашивал каждое слово. Зато в конце сделал неожиданный для Ивашки вывод:

— Я знаю теперь, чем ты будешь заниматься, когда вернёшься из этого плавания.

— Как это? — не понял сначала штурман.

— Почему мы раньше всегда проигрывали троллям на суше и гоблинам в море? — пошёл в наступление изрядно поддавший горячительного Эмиль.

— Ну, не знаю. У гоблинов лучше корабли, и они сильнее нас физически. У троллей больше опыта ведения войны в конном строю, — предложил моряк.

— Но ведь ты их победил: и тех, и других, — не унимался король. — Или это везение?

— Нет, не везение. Мы использовали новые арбалеты. Испробовали новую тактику. И у нас был эльф, то есть магия была на нашей стороне.

— Вот! — просиял король, — Ты понял. Магия!!! Так вот, когда ты вернёшься из плавания, я назначу тебя министром. Создашь новое министерство. Назовёшь его, как хочешь. Магическое, колдовское, оккультное. Сам придумай название.

И задача твоя завести дружбу с эльфами и баньши. И чтобы они научили гномов магии. Сам ты ведь научился?

— Ну, мне ещё до эльфа, как до западного материка пешком, — потупился польщённый Ивашка.

— Прошло-то всего несколько месяцев. А если начать обучать талантливых специально подобранных детей? Чего они достигнут к твоему возрасту? В общем, решено. Будешь министром магии.

За этим разговором, принявшим столь необычное направление и сулившим не скучное будущее, Ивашка и не заметил, как закончился обед, гости уже встали из-за стола, и, разбившись на группы, вели негромкие беседы, в то же время, прислушиваясь к словам короля. На Ивашку посматривали кто с интересом, кто с завистью, а кто и с затаённой злобой. Ещё бы, вчера был простым матросом и каторжником, а завтра министром. Но штурман, задумавшись над словами короля, этого всего не замечал. Он уже строил планы на будущее. Открывал школы магов, отбирал в них детей, искал среди эльфов и баньши учителей. В своих фантазиях за несколько минут он перешагнул через десяток лет и громил уже со своими повзрослевшими воспитанниками гоблинские суда и отряды конных троллей.

Очнулся Ивашка, когда Толстун ему отвесил оплеуху.

— Эй, ты, что — уснул? Пошли к себе, видишь все уже ушли.

И, правда, придворные вслед за королём покинули зал. Слуги уже убирали со стола, полотёры натирали мраморный пол. Из всех гостей только Ивашка, Толстун и эльф ещё не вышли из-за стола.

— Ещё подумают, что мы самые голодные, — пошутил Толстун, но потом огляделся и взял со стола из серебряной вазы румяное яблоко и сунул себе в карман.

Ивашка лежал с открытыми глазами на кровати во дворце и не мог заснуть. Мысли как стаи шмелей налетали на него. Жужжали в голове, мешая спать. Луна на ясном небе светила вовсю, и в комнате с широким окном было почти светло. Только мешала заснуть штурману совсем не полная Луна. Не давали заснуть мечты. Все гномы по своей натуре мечтатели. Бросив строить в горах неприступные замки и перебравшись на равнины, гномы приобрели удивительную способность строить грандиозные воздушные замки. Каждый гном в мечтах становился либо королём, либо всенародным героем, или, например, самым богатым, знаменитым купцом. Ну, а Ивашка сейчас строил из воздуха школы и громил с помощью

молний воздушные гоблинские фрегаты.

— Не спишь? — вдруг услышал он из того угла, где стояла кровать эльфа.

— Да вот, размечтался, — признался Ивашка и покраснел. Хорошо, что темно

— Надо тебе уснуть, брат Вандермаст. Завтра тяжёлый день. Вручение наград, конечно приятная процедура. Но вчера в конце пира, когда король предложил тебе стать министром, я послушал мысли придворных. Это были чёрные мысли. Злость, зависть, планы, как бы навредить тебе. В этом вы гномы очень похожи на эльфов. У нас тоже не любят тех, кому улыбается удача. Так что будь завтра внимателен, осторожен, собран. А для этого нужно выспаться. Спи, — голос эльфа как бы удалялся и замолк в темноте.

Ивашка с теплом подумал о друге. Жаль, что им придётся расстаться. Тяжело терять друга и учителя. Ивашка, засыпая, вспомнил один из его уроков о жизни и о страхе, о сне. У этого эльфа, не ведавшего, что такое страх, Ивашка научился побеждать собственную слабость. Дело даже не в том, чтобы побеждать, а в том, чтобы вообще не испытывать страха. Вера эльфа изменила его отношение к жизни. Стоит ли бояться смерти, если знать, что смерти нет и в помине? Если ты уверен в иллюзорности и тщете всего сущего. И жизни тоже нет. Нет этого дерева, что за окном, утёсов вдали, луны. Есть лишь сон, заблуждение, видимость. Волшебная сказка, рассказанная нам богами. Для существа, научившегося понимать разницу между истинным и мнимым, не существует того состояния, которое не посвящённые называют смертью. Завершив свой жизненный путь, он не умирает, а соединяется с высшими божествами, которые и есть истина. Так замыкается круг жизни, исполняется предначертание судеб. Труден путь посвящения. Он требует от тебя большого усердия. Если ты просто отвергаешь жизнь, если не ценишь то, что даровано тебе свыше, пусть даже в этом иллюзорном существовании, если ты слепец, призываешь смерть, то никогда тебе не обрести высшую истину, никогда не соединиться с богами. После своей кончины ненасытным вампиром ты снова вернёшься к своему народу. Люби жизнь и люби миг соединения с высшей истиной.

Тогда на корабле, слушая всё это, Ивашка не очень понимал, что ему втолковывает маг. Слишком это отличалось от того, во что привыкли верить гномы. Только вот сейчас, пройдя после урока бесчисленные испытания смертью. И змеи, и дракон, и гоблины, и тролли хотели забрать у Ивашки эту иллюзорную жизнь. Только теперь понемногу стал задумываться гном над верой эльфов. Хорошо бы всё это было правдой.

Проснулся Ивашка от песни. Толстун сидел на кровати и пел любимую песню детей с улицы, где они вместе росли. Ивашка позабыл её. И вот теперь после десятка лет с удовольствием выслушивал фальшивившего друга. Песня была про героя их детства гнома Том и называлась «Каменный тролль»:

На каменном стуле в пещере пустой
Тролль с чавканьем кости жуёт,
Жуёт их и гложет год целый, быть может,
Ведь мясо само не придёт!
Давай! Глотай!

В горной пещере один он живёт,
И мясо само не придёт.

Пришлёпал тут Том в больших башмаках,
Сказал: «Эй, плати за ту кость, что в руках!
Ведь это мосол от дядюшки Тима,
Давно уж его поглотила могила!

Помост! Погост!

Уж с год, как у нас не видели Тима.
Я думал, его поглотила могила».

А тролль говорит пареньку: «Погоди!
Я их стащил, значит, кости мои!
Нельзя, что ли вволю несчастному троллю
Дохлого дяди мосол помусолить?!

Унести! Уплесть!

Можно же бедняге старому троллю
Бесплатно с погоста кость помусолить?!»

Но Том: «Ты болтать-то зря прекрати!
Украл наши кости — так живо плати!
Дядин скелет — не бесплатный обед,
Так выкладывай старые кости!»

Тролль ухмыльнулся и Тому в ответ:
«Я и тебя съем за пару монет!
Могу и задаром съесть до костей,
Свежее мясо глотать веселей!

Гляди! Беги!

Могу и задаром сожрать до костей,
Свежее мясо глодать веселей!»

Но только собрался он Тома схватить,
Обед меж пальцев утёк:
Увёртливый Том любил пошутить
И дал ему добрый пинок.

Пригнись! Берегись!

Увёртливый Том любил пошутить
И дал ему добрый пинок!
Но мясо и кости покрепче скал

У тролля, что кости в пещере глодал.
Троллинный зад не почуял пинка,
Будто ударили в бок валуна.

Ой — ёй! Ну и вой!

От смеха схватился тролль за бока,
Чтоб пальцы спасти, мало тут башмака!

Еле до дома Том дохромал,
Распухла нога — аж башмак не влезал.
А троллю забава вышла на славу,
И кости остались за ним по праву.

Пинок! Не впрок!

Троллю забава вышла на славу,
И кости остались за ним по праву. (Стихи Д.Р.Р. Толкина)

Эльф проснулся и с неподдельным вниманием прослушал все куплеты.

— У нас эльфов тоже есть похожие песни, которые смеются над жадностью и самоуверенностью, — улыбнулся он, когда Толстун выдал всю балладу.

— Давайте, встаём и готовимся к завтраку, — скомандовал Ивашка, — Сегодня нас будут награждать орденами «Бесстрашного сердца» с мечами. Надо быть нарядными с расчёсанными бородами, а не мочалками.

И началось. Ну, да вы знаете гномов. Вечно они в самый ответственный момент что ни будь, теряют. Ивашка не мог в своих вещах найти медаль «Почётного гражданина». Толстун потерял нарядный колпак. Когда всё это нашлось, пропал клинок, который отбили у троллей в последней битве, и который Ивашка решил преподнести в подарок королю. Эфес меча был усыпан драгоценными камнями, а сам клинок покрыт замысловатой резьбой. Его забрали у мёртвого предводителя врагов из первого отряда, полностью уничтоженного.

Наконец нашёлся и меч — всё время висел на стене, на самом видном месте, над камином. Так что к завтраку наши друзья спустились самыми последними, под неодобрительный гул придворных. Эмиль Восьмой осуждающе покачал головой.

— Простим вам это опоздание, всё-таки эти господа собрались здесь ради вас, — король указал на стоящих полукругом придворных.

— И так, преступим! — сразу посерьёзней он, — Я считаю, что подвиги, которые вы совершили за последние месяцы стоят в одном ряду с делами знаменитых героев нашего королевства. Орден «Бесстрашного сердца» с мечами до этого момента был вручён только десяти гномам. Среди них Эрл Рыжебородый — не буду перечислять его подвигов. Это — Эдик Маленький, который один оборонял «Змеиный остров» от двух кораблей гоблинов целых два дня до прихода подкрепления. Он награждён посмертно — умер от ран. Это — великий Ивен, выведший разгромленную армию гномов из мёртвых болот и перехитривший всех троллей. Я не буду перечислять всех кавалеров ордена, о каждом из них любой гном знает с детства. Теперь их станет двенадцать. Гномы Ивашка и Толстун совершили не один,

а несколько подвигов. Я хочу рассказать о них, чтобы не было гномов, которые могут сказать, что не знают, за что эти герои получили свои награды. Они уничтожили за два боя четыре десятка гоблинов, захватили фрегат, убили дракона, чучело которого присутствует сейчас перед дворцом, затем разгромили отряд троллей в Западных пустошах и сильно потрепали второй. Разве же это не великие дела. Теперь гоблины и тролли будут думать, прежде чем напасть на гнома. Особо я хочу отметить третьего участника всех этих событий — эльфа. Мага. Да, гномы не любят магов. Да и, наверное, эльфов. Но это особый случай. Этот эльф сражался и рисковал жизнью за гномов и заслужил награды. Я не могу дать ему орден «Бесстрашного сердца», этим орденом награждаются только гномы (Собравшие одобрительно загудели).

Король поднял руку, успокаивая гномов, и закончил.

— Поэтому его я награждаю медалью «Почётного гражданина» нашего города и премией в десять тысяч дублонов.

Ивашка с Толстуном просияли и бешено зааплодировали. Придворные тоже ударили несколько раз в ладоши, но особой радости при этом не выражали.

Король вручил ордена и медаль. Ивашка в ответ преподнёс ему меч, отбитый у троллей, и, запинаясь, промямлил, что будет достоин этой великой чести и не уронит престижа данного ордена.

А потом был пир, который превзошёл даже вчерашний обед. Было много поздравлений нашим друзьям: и искренних, и завистливых, и почти откровенно враждебных. Не одурманенные ромом Ивашка с Толстуном отчётливо видели все эти мелочи. Но отнеслись к этому беспечно. И зря, множество бед принесёт им ещё зависть и злоба придворных. Но это будет потом, а сейчас ордена позвякивали мечами у них на груди, рассыпая во все стороны искры света, отражённого от бесчисленных алмазов, вделанных в орден. Пока играла музыка, и расточались улыбки, пока блистающие драгоценностями придворные дамы строили им глазки, пока сама королева чмокнула Ивашку в щёку во время танца, когда он подарил ей кусок драгоценной скорлупы дракона величиной с кулак, какого-то особенно красивого цвета, пока колесо фортуны поднимало их наверх к своей высшей точке, пока был праздник, и даже эльф расслабился, ел фрукты и улыбался, завистники воспользовались первым же удобным моментом. Праздник подходил к концу, и король собрал награждённых и губернатора в маленьком будуаре. С ним был главнокомандующий и первый советник. Эти гномы были родными братьями и всегда стояли друг за друга горой. Справиться с ними поодиночке было не возможно. Сейчас они были уже не молоды, и седины, заработанные в дворцовых интригах, внушали уважение. Главнокомандующего звали Май Стальной меч, первого советника Бен Стальной меч. Их отец, Юнг Стальной меч, был одним из героев прошлой войны за Западные пустоши. Май, чьи неоднократные походы во главе гномской армии всегда заканчивались неудачей, очень болезненно переживал успех наших друзей. И тут же они с братом выработали план, как отделаться от нежелательного конкурента в борьбе за влияние в государстве. А то, что Ивашка стал всенародным героем, и слава его затмила даже славу самого Эрла Рыжебородого, братьям стало ясно ещё вчера. Шпионы, посланные в город, приносили братьям неутешительные вести. Народ полюбил Ивашку и его друзей и восхвалял их на каждом шагу, не забывая, сравнивать их успехи с неудачными походами Мая Стального меча. Да царедворцы и сами видели, как к Ивашке относился король. Итак, они приступили к выполнению своего замысла по устранению Ивашки, Толстуна и эльфа.

Событие тридцать первое

Давать шансы человеку, который вас предал, наверное, тоже самое, что дать вторую пулю тому, кто первый раз в вас не попал.

Король расспрашивал Ивашку подробно о его ближайших планах и о времени возвращения в столицу с целью основания школ магии и боевого искусства.

— Какой дорогой вы собираетесь идти назад? — улучив паузу в разговоре, спросил губернатора Бен Стальной меч.

— Скорее всего, через перевал. Погода стоит хорошая и, я думаю, сейчас перевал легко преодолим, — не задумываясь, ответил губернатор, — Дракона у нас теперь нет, а налегке, даже если в горах остался снег, мы как-нибудь, переберёмся.

Бен сразу сменил собеседника и обратился к Ивашке.

— Вы тоже хотите идти через горы, господин герой? Бойтесь троллей? — усмехнулся и повернулся к королю, как бы желая показать: «Вот они — нынешние герои».

Ивашка, не искушённый в дворцовых интригах, сразу же клюнул на эту провокацию.

— Могу и через Пустоши проехать, — и оглянулся, ища поддержки у Толстуна с эльфом.

Простодушный Толстун, услышав, что в его смелости сомневаются, вскочил с кресла, в котором удобно развалился, и, ударив себя кулачищем в грудь, почти закричал.

— Тролли — это не гоблины, что их бояться. Поедем через Пустоши.

Но ведь с ними был эльф. Он тоже встал со своего кресла в самом углу будуара и, не повышая голоса, но достаточно громко, чтобы все слышали, сказал:

— Теперь, раз обещание уже произнесено, конечно, мы втроём пойдём через Западные пустоши. Я только хочу сказать или вернее объяснить, почему гномы не могут забрать у троллей назад эти земли.

— Ты что, учить нас собираешься, — сразу же вспыхнул главнокомандующий.

— Сядь, Гай, давайте послушаем нашего гостя, остановил король воеводу.

Эльф будто и не заметил выходки Гая Стального меча.

— Тролли живут на Западных пустошах — это их дом. Они пасут там коней и другой скот. Их там всё время много. И они обороняют эту землю как кормилицу, как дом. А гномы этой землёй не пользуются. Более того, за целый дневной переход до реки и столько же после реки, земли пустыют и сейчас. Там никто не живёт и её некому оборонять. И я не удивлюсь, если скоро тролли переберутся через реку и начнут осваивать и эти земли. Земля нужна государству, когда она может приносить какую-то пользу. А какая польза гномам от Западных пустошей? Я знаю, что вы сейчас скажите, — перебил эльф новую вспышку военначальника, — Эта земля всегда была гномской, она полита кровью гномов, защищавших её. И не дело эльфов лезть своими советами и отдавать троллям нашу землю. Правильно я угадал?

— Почти! — Всё-таки не выдержал Гай, — Если ты боишься пройти назад этой дорогой, так и скажи, а не строй из себя умника.

— Да прекратите вы ругаться! — остановил их Эмиль Восьмой, повысив голос. — Тем

более что эльф в чём-то прав, мы несколько раз отбивали у троллей Западные пустоши. Затем армия уходила, оставались одни дозоры, и тролли возвращались. Гномы не занимаются выращиванием коней и овец, и мы даже и не пытались использовать эти степи. Да, эльф прав, — король покачал головой и повернулся к магу, — и какой из этого следует вывод?

Эльф задумался.

— Существует несколько решений, но я думаю, вы ими не воспользуетесь. Первое — продать Западные пустоши троллям с оговоркой, что вам будет разрешено пользоваться дорогой. Второе — основать на границах пустоши города-крепости и начать освоение степи. Третье — договориться с троллями о совместном их использовании.

— Да это просто какой-то тролльский шпион! — чуть не завизжал Бен Стальной меч.

— Спокойно, господа! — тоже повысил голос король, — над этим всем нужно как следует подумать, и не во время праздника, а на трезвую голову. Советник, запишите на следующую ассамблею гномских старшин, вынести предложения эльфа. У вас есть, что ещё добавить, — повернулся он к магу.

— Есть. Раз мы пообещали, то мы втроём пойдём назад через Западные пустоши. Так вот мы предлагаем, вы уж извините, что я говорю от лица всех троих, мы предлагаем главнокомандующему прогуляться с нами одному или с любым количеством солдат.

— Что решили спрятаться за солдат?! — сразу взвился Гай.

— Нет, зачем же, — спокойно, не повышая голоса, отпарировал эльф, — давайте пойдём вчетвером, без солдат.

Ивашка смотрел на короля, что тот скажет. Король слегка улыбнулся:

— А ведь маг молодец, какой хитрый капкан поставил. Его обвинили в трусости, а теперь, чтобы не оказаться трусом нашему командующему придётся ведь идти в поход по Западным пустошам без войска. Как пойдёте, Гай Стальной меч, докажите, что в вас течёт кровь Юнга, героя войны с троллями.

— Конечно, поиду! — зло прошипел Гай, побледневший настолько, что казалось, в нём совсем нет крови.

— Вот и хорошо. Я считаю, вы доберётесь благополучно. Заодно проверите боеспособность войска в Порту. Мне не нравится, что кучка гоблинов нанесла городу такие разрушения, и столько гномов пострадало. Нужна чёткая организация обороны побережья. Ведь это единственный наш выход в море. Нужно какое-нибудь особое снаряжение, хорошие лошади, — обратился Эмиль Восьмой к Ивашке, тем самым, признавая его старшим отряда разведчиков.

— Конечно, хорошие пони нам не помешают. Но самые наши хорошие лошадки всё равно не уйдут от коней троллей. Нас четверо, нужно восемь пони и четыре больших арбалета, таких, какие используют в качестве гарпунов на кораблях.

— Какие гарпуны, — вмешался Гай, — какая польза от нескольких стрел, когда на тебя мчится конница. Совсем с ума посходили.

— Эти арбалеты уже четыре или пять раз спасали нам жизнь. И я без них не поеду, — вступился за друга Толстун, — а кому не нравится, может ехать один, хоть пешком идти.

— Вы совсем забываетесь, боцман! — рыкнул на него главнокомандующий.

— Господа, так вы и до реки не доберётесь, передерётесь ещё во дворце. Я думаю, мы найдём четыре таких арбалета и несколько десятков стрел. Когда вы выступаете?

— Завтра с утра и выедем, — ответил Ивашка, — нас уж, наверное, корабль готовый

ждёт.

— Кораблём сам будешь командовать? — прищурился Эмиль.

— Конечно сам. Мой ведь корабль. Я в него столько денег вбухал.

— Тогда своей властью присваиваю тебе звание шкипера. Гай Стальной меч выдайте шкиперу Ивашке капитанский патент. Я надеюсь, капитан, — обратился король к Ивашке, — что через несколько месяцев вы явитесь с докладом о проделанном плавании и возможно пополните наш флот ещё одним фрегатом.

— Ох, — шепнул на ухо Ивашке Толстун, — у меня ещё с прошлого плавания кости болят. А тут привезти ему ещё фрегат.

— Постарайтесь, Ваше Величество, — кивнул новоявленный шкипер и оглянулся на братьев. Новая щедрость короля симпатии к Ивашке царедворцев не прибавила. Ивашка встретился с четырьмя холодными злыми глазами, метаящими ненавидящие молнии.

Выступили с утра, лошадки, воспитанные в королевских конюшнях, ходко трусили рысью. Даже и понукать не приходилось. Каждый вёл в поводу ещё одну лошадь, нагруженную большими арбалетами, стрелами и запасом провизии. Всё-таки, путешествие займёт не меньше недели. По обочинам дороги раскинулся уже знакомый путникам ландшафт. Возделанные равнины, сейчас отдыхающие после страды. Светило не яркое зимнее солнце, и домики не казались больше грязными и поблёкшими, стены и крыши подсохли и опять радовали глаз голубизной, сливаясь на горизонте с безоблачным небом.

Поздно вечером, проделав пятьдесят километров, остановившись на ночлег в деревушке, наверное, последней перед раскинувшимися дальше незаселёнными полями и холмами. Когда хозяин дома узнал, что в его пещерке остановился сам главнокомандующий, да ещё в придачу два кавалера ордена «Бесстрашное сердце», то засуетился, доставая из закромов всё, что было вкусного, и даже курицу зарезал, чтобы побаловать дорогих гостей куриным бульончиком. Гай Стальной меч сидел в сторонке от Ивашки и его друзей и с ними не разговаривал, а, поев, сразу завалился спать. Суевающимся вокруг его персоны хозяину и хозяйке даже спасибо не сказал.

Наши друзья, утомлённые продолжительной дорогой, тоже вскоре отправились на боковую. Всю ночь шёл дождь, колотя тугими струями в окна и под этот монотонный шум, Ивашка отлично выспался, хотя раньше с трудом засыпал на новом месте.

Дождь к утру прекратился, но небо всё было в тучах и воздух сырой. Копыта коней вязли в размокшей дороге. Пони просто из сил выбились к обеду. Решили остановиться и сделать привал. До реки оставалось не много. Час или два езды. Наши путешественники подкрепились своими запасами и той снедью, что ухитрилась засунуть в их котомки хозяйка, приютившего путников в прошлую ночь домика.

Небо оставалось пасмурным, и только начали разливаться по степи сумерки. Ивашка стал седлать лошадей. Через реку решили перебираться в темноте, всё меньше шансов напороться на троллей. И всё-таки избежать встречи со степняками не удалось. И реку благополучно перешли и всю ночь ехали, стараясь покрыть как можно большее расстояние и даже под утро, когда звёзды стали одна за другой пропадать на небе, и не взошедшее ещё солнце, окрасило облака на востоке в розовый цвет, гномы сошли с дороги и углубились немного в степь. Но всё это не помогло. Днём, когда в дозоре стоял Толстун, охраняя сон остальных, вдруг буквально из-под земли показались всадники. Было их около десятка. Тролли тоже заметили лагерь и пришпорили коней. Боцман растолкал спящих и припал к прицелу одного из арбалетов, установленных вокруг лагеря. Тролли неслись плотной массой,

и когда расстояние позволило стрелять на поражение, Толстун спустил тетиву. Стрела угодила в вырвавшегося вперёд всадника и буквально снесла его с седла. Толстун оглянулся, Ивашка уже добежал до второго арбалета, а Гай всё ещё капался со снаряжением, доставая бесполезный в предстоящей битве меч. Эльф стоял с закрытыми глазами, вытянув вперёд руки, и читал заклинание. Оценив за мгновение обстановку, Толстун подбежал к третьему арбалету и, так как тролли подскакали уже вплотную, навскидку послал стрелу. Тут же полыхнула молния, угодив в центр надвигавшегося отряда. Успел сделать выстрел и Ивашка. Времени на перезарядку явно не хватало, и Толстун метнулся к последнему заряженному арбалету, на ходу оттолкнув запутавшегося в перевязи меча главнокомандующего. За спиной снова полыхнула молния. Что-то кричали тролли, визжал Гай Стальной меч, храпели кони. Боцман развернул арбалет и сразу же выстрелил в нависшего над Гаем всадника. Тот завалился назад, не успев, проткнуть копьём перепуганного полководца. Краем глаза гном заметил, как Ивашка метнул в тролля скачущего на эльфа свой кинжал и тот вошёл по самую рукоятку в глаз степняку. Толстун достал свой и огляделся, выискивая жертву. На Ивашку с разных сторон на полном скаку сразу два тролля. Одного моряк видел и развернулся ему навстречу, вытащив меч, доставшийся от железного тролля в пещере. Второй оказался у него за спиной и готовился метнуть копьё. Толстун на мгновение опередил его, бросив свой кинжал из когтя дрона. Кровь хлынула из раны на шее, и воин выронил копьё, а затем и сам сполз с коня. Ивашка успешно отбил атаку своего противника, подрубил ноги лошади, а пока тролль выбирался из-под завалившегося на бок животного, проткнул его насквозь своим мечом. Эльф сбил удирающего степняка молнией, и можно, наконец, было перевести дух.

Дымилась земля, воняло палёным мясом, бились в агонии раненые кони, стонал обугленный, но ещё живой тролль. Жуткая картина. Ивашка отыскал глазами главнокомандующего, тот, сгорбившись, лежал на земле, его тошнило от пережитого ужаса. Шкипер первым делом собрал оружие, вытащил из убитого свой кинжал и протёр о плащ врага. Затем зарядил все четыре арбалета. Толстун в это время собирал оружие троллей и своё. Эльф сгонял разбежавшихся лошадей, своих и троллей. Всего набралось пятнадцать, Ивашка с Толстуном взвалили потерявшего сознание полководца поперёк пони и, быстро упаковавшись, снялись с привала, уходя в противоположную сторону от той, откуда появились тролли. Эльф, истративши на молнии слишком много энергии, сразу отключился, едва оказался в седле. Наши друзья ехали молча, всё ещё переживая эту яростную схватку.

— Не видел, ушёл из них кто-нибудь? — наконец нарушил тишину Ивашка.

— Честно говоря, не заметил. Эльф одного, попытавшегося удрать, сбил молнией, а других я не заметил, — устало выдавил из себя Толстун.

— Да напросились мы на приключение, — вздохнул шкипер.

— Ну, ничего, будет знать эта дворцовая падаль, как другим яму рыть. Теперь нескоро решиться следующий раз с нами на приключения напрашиваться, — Толстун подъехал к лошади вёзшей генерала и потрогал шею у Гая, есть ли пульс, — жив, спит, наверное.

— Надо пришпорить коней, как бы погоня не началась. Быстрее бы на свою сторону перебраться.

К счастью больше троллей не видели. К реке подъехали, когда уже смеркалось, и сразу с ходу перебрались на свой берег. Только теперь Ивашка и Толстун вылезли из комбинезонов из змеиной кожи. Эльф восстановил силы и сейчас замыкал отряд, подгоняя строптивых степных лошадей. Отъехали от реки ещё с милю и, когда совсем стемнело, что и дороги уже не различить, сделали привал. Первым сторожить сон товарищей вызвался Гай Стальной

меч, после того как он пришёл в себя. Главнокомандующий ехал всю дорогу молча, свесив голову на грудь.

— «Может, раскаивается, что хотел нас в трусости объявить, а сам от страха облевался» — решил Ивашка.

Но нет. Эльф перед привалом подошёл к Ивашке, когда тот разнуздывал лошадей и шепнул:

— Ты будь поосторожнее с генералом, по-моему, он задумал нас на привале убить спящих, чтобы мы никому о его позоре не рассказали.

— Не может быть, — не поверил Ивашка, — мы ему жизнь спасли.

— Я его мысли прочёл, — пожал плечами эльф, — он только об этом и думает.

— Вот негодяй. Хорошо, я спать не буду, послежу за ним. А, вообще, что с ним делать-то? Может связать?

— Ну, это чересчур, просто дай понять, что не спишь, когда он решится. А в открытую он на нас не нападёт, понимает, что не по зубам.

И вот Ивашка лежит, положив, голову на седло, и, укрывшись одеялом, пытается не заснуть. Глаза словно чугуном налились, так и норовят закрыться. Приходится постоянно пощипывать себя, чтобы окончательно не вырубится. Гай же вышагивал вокруг лагеря, всё так же повесив голову, и изредка, воровато оглядываясь, подходил то к одному, то к другому, прислушиваясь к дыханию спящих. Несколько раз и над Ивашкой останавливался. Боясь, что генерал решится и набросится неожиданно с мечом, Ивашка всякий раз переворачивался с бока на бок, стараясь держаться к царедворцу лицом. Гай сразу отступал и снова принимался вышагивать вокруг лагеря. Наконец, он всё-таки решился, достал из-за пояса кинжал и стал подкрадываться к Толстуну. Ивашка понял, что дальше медлить нельзя, сон словно рукой сняло. Он вскочил на ноги и двинулся в сторону друга. Гай заметил Ивашку и попятился, выронив кинжал. Шкипер подошёл, поднял упавший клинок и протянул его главнокомандующему.

— Выспался я. Теперь моя очередь дежурить. Не ваш нож-то.

Генерал замахал руками, отказываясь от кинжала, и где стоял, сразу лёг на землю, и завернулся в плащ. Раздалось жалобное всхлипывание.

А Ивашка постоял над ним, поражаясь в душе, что и среди гномов есть такие мелкие душонки, что из-за своих амбиций могут убить гнома или эльфа, которые ему только что жизнь спасли.

В город приехали на четвёртый день. Всё время шли дожди и мокрый снег. Лошади тащились еле-еле. Бурчал что-то себе под нос Гай Стальной меч. Ивашка простыл, его временами одолевали чудовищные приступы кашля. Если бы не огни Агавы вообще слёг бы. А так, за полудрёму по ночам, с одной стороны прикрываясь от жары костра, а с другой трясясь от холодной сырости стекающей по спине, всё-таки удавалось немного восстановить силы. К счастью, на третью ночь добрались до обжитых мест и в тёплом придорожном трактире привели себя в порядок. Стражники, встретившие путешественников у городских ворот, вызвались проводить главнокомандующего во дворец к губернатору, сняли с плеч Ивашки эту ношу. Зато вдруг встал вопрос, куда девать целый табун лошадей. Приступы кашля продолжали выворачивать моряка наизнанку, и хотелось быстрее домой к тёплой ванне и чаю с вареньем, к баньши с его умением лечить, к Натали, наконец. А тут эти лошади. Но нет худа без добра. Гном, пропустивший их в городские ворота, похвалил королевских пони и коней троллей, и Ивашка как за соломинку ухватился за него.

— Не знаешь ли кому можно их продать? — в перерывах между приступами кашля, выдохнул шкипер.

— Всех сразу? Или часть? — сразу заинтересовался стражник.

— Всех: и пони, и тролльских коней, — махнул рукой на табун Ивашка.

— Мой отец занимается продажей и покупкой коней. Сейчас я за ним сбегаяю. Он недалеко живёт, — и умчался в пелену густо падающего снега.

— Все приехали? — окликнул Ивашка Толстуну и эльфа. — Снимайте поклажу.

Втроём друзья сняли с лошадей свои вещи и то оружие троллей, что решили себе оставить, ну и конечно большие арбалеты. Получилась целая гора оружия

— И как мы это уволочём? — недовольно пробурчал Толстун.

В это время подошёл стражник со своим отцом. Дородный купец внимательно осмотрел всех лошадей. Особенно долго задержался у одного коня, из захваченных у троллей.

— Итак, господин капитан, — обратился он к Ивашке, — Вы желаете продать всех этих коней.

— Да, и чем быстрее, тем лучше, — опять закашлялся Ивашка.

— Пони из конницы короля, — вмешался Толстун.

— Я вижу. Все лошади очень дорогие. А вот этому жеребцу, — гном указал на тролльского скакуна, — просто нет цены. Давайте так, за всех пятнадцать я вам дам полторы тысячи дублонов сразу и полторы тысячи через неделю, когда надеюсь продать их.

— Так много? — не поверил Ивашка.

— Я думал, вы скажите: «Так мало». Это хорошая цена. И я на них неплохо заработаю. А сёдла, оружие. Что делать с ними? — спросил купец.

— Забирайте их тоже, — опять прокашлялся Ивашка.

— Да, я смотрю, вы не купец, — покачал головой покупатель. — Я дам вам ещё тысячу дублонов. Надеюсь, если в следующий раз у Вас будет такой же товар, вы вспомните обо мне.

— Я тоже надеюсь, — улыбнулся усталый шкипер, — у меня только просьба. Доставьте вот то оружие и припасы ко мне домой.

— С радостью. Услужить таким сговорчивым продавцам мне доставит удовольствие.

А ещё через полчаса Ивашка был дома. Как всё-таки приятно возвращаться домой, когда тебя там ждут. Хлопотала Натали, вешался на шею Дюшка, варился чай. Грелась вода для ванны. Стоит уходить в походы, чтобы испытать радость возвращения. Радость встречи с теми, кто тебя любит.

На следующий день Ивашка болел. Провалился всё утро в постели. И хотя всю ночь огни Агавы из кулака не выпускал, всё равно душил кашель. После завтрака к нему зашёл баньши и поил каким-то горьким отваром, заклинания читал. То ли от отвара, то ли от заклинаний, но голова у Ивашки отяжелела, и он снова провалился в сон. А вот под вечер, проснувшись окончательно, моряк почувствовал голод и все кости уже не так болели, кашель прошёл. Дело пошло на поправку.

Событие тридцать второе

Подкрепившись куриным бульончиком, шкипер даже попробовал встать, но ноги были как ватные, и голова побежала так, что не догонишь. Пришлось снова ложиться, ещё и выговор получил от Натали.

Дюшка пришёл насупленный. Оказывается, когда Ивашку раздевали, он обнаружил у него в кармашке орден «Бесстрашное сердце» и нацепил его на комбинезон. Натали увидела и отшлёпала его, и орден отобрала, и наругала. Ивашка их к себе прижал и помучил.

— Пусть мальчик поносит. Если бы не он, я бы плавал боцманом вдоль побережья на старой своей посудине. И ни ордена бы у меня не было, ни дома, ни корабля, ни тебя, — он чмокнул Натали в лоб.

— Он, этот орден, стоит, наверное, дороже корабля. Смотри, весь бриллиантами усеян, — не сдалась сразу учительница, — а если потеряет, или отнимет кто.

— Ну, я только в доме, — заканючил гномик.

— Эх ты, «Бесстрашное сердце». Ладно, носи, — засмеялась Натали.

«Как всё-таки хорошо быть дома!» — в сотый раз за сегодняшний день подумал Ивашка.

А на третий день повалили деньги со всех сторон. Первым пришёл Саныч и вручил Ивашке тысячу дублонов за карты, и, кроме того, подарочную карту с красивыми рисунками морских птиц и чудищ, просто не карта, а картина. Потом неожиданно пришёл гном купивший лошадей и оружие. Ивашка даже и не знал, как его зовут, и когда ему сказали, что пришёл купец Эдвард, сначала и не понял, о ком речь. Эдвард, однако, явился с радостным известием, что большую часть лошадей, он уже продал, и поэтому принёс все четыре тысячи дублонов сразу. Ивашка пересыпал все деньги в сундучок и даже сам поразился, как много их там оказалось. А под вечер пришёл Стеньга, узнавший от Толстуна, что его заказчики вернулись, и тоже принёс деньги. Две тысячи дублонов за работу Хулкура по просушке древесины и выращивание сосен для мачт. Ивашка стал его расспрашивать, как продвигаются дела с постройкой судна, и Стеньга его в сотый раз заверил, что спустит бриг на воду в назначенный день.

— Да, вы приходите завтра и сами всё посмотрите, — прощаясь, пригласил он.

— Конечно, зайдём, — пообещал Ивашка.

Здоровье его заметно улучшилось. Он даже уже по дому разгуливал. Высыпав и эти две тысячи в сундучок, Ивашка вдруг ощутил, что он за один день стал богатым и важным гномом. А под вечер к нему в комнату пришёл эльф и принёс мешок золотых дублонов, которые ему в качестве награды вручил король.

— Не возьму я их, — замахал руками на мага шкипер.

— Брат Вандермаст, — покачал головой эльф, — я тебе уже сто раз говорил, мне ваши гномские деньги ни к чему. У нас эльфов деньги напечатаны на бумаге.

— Но ведь это золото, — не сдавался Ивашка.

— Золото у эльфов это просто металл, как железо, как бронза. Зачем мне мешок железа, я не кузнец.

— А ты можешь на эти деньги у нас что ни будь купить, а затем взять с собой.

— Единственное, что я хочу взять с собой — это пару книг из твоей библиотеки. Они

для меня дороже всего вашего золота.

— Я их тебе так отдам.

— А я тебе так отдам золото.

Вот таким образом Ивашка стал за один день обладателем капитала в семнадцать тысяч дублонов и, скорее всего, одним из самых богатых жителей города. Когда он рассказал об этом Натали, и показал ей целый сундук денег, учительница только руками всплеснула.

— Семнадцать тысяч? Надо их спрятать, а то украдут.

— А может отдать какому-нибудь хорошему купцу, чтобы он их в дело пустил.

— Столько денег. Да он их возьмёт и убежит, — засомневалась Натали.

— Ладно. Я завтра буду ходить как раз по купцам, закупать всё для плавания. Вот с ними и поговорю.

Утром Ивашка проснулся совсем здоровым. И погода на улице разгулялась. На небе ни облачка, солнце во всю жарит, прямо весна настоящая. На завтрак пришёл Толстун, и, поев всей компанией, с баньши и эльфом пошли в порт.

Корабль действительно был почти готов. Не хватало мачты и оснастки, а так хоть сейчас спускай на воду, даже покрашен. И конечно в любимый гномами голубой цвет.

Работа кипела, и даже сомнения не возникало, что в срок корабль не будет готов.

Из верфи также вместе направились в квартал кузнецов и оружейников. Ивашка договорился, чтобы на судне установили десяток арбалетов его любимой конструкции и закупил массу другого оружия, в том числе и две катапульты. Одну для стрельбы горшками с зажигательной смесью, а вторую, очень мощную, предполагалось использовать для бомбардировки неприятельских кораблей огромными каменными ядрами. У того же купца шкипер спросил, не берёт ли он деньги под проценты. Оружейник поблагодарил за большую покупку, но деньги в рост взять отказался, однако посоветовал Ивашке обратиться к купцу Джону Стеклянному глазу. По словам оружейника, этот Джон известный в городе ростовщик, и он охотно берёт и отдаёт деньги в долг.

Джон Стеклянный Глаз жил в большом доме в этом же квартале, и первый же встречный гном указал нашим друзьям дорогу. Дом был не хуже, чем у Ивашки, только садика не было. Хозяин оказался высоким стариком, полностью седым, но с живыми хитрыми глазами молодого гнома.

Увидев, уже известных в городе героев двух походов, морского и сухопутного, старик рассыпался в поклонах и восклицаниях какие дорогие гости к нему пожаловали. Глаза же его ощупывали вошедших без всякой радости.

— Собираетесь в новое плавание, я слышал, — усадив гостей, начал Джон.

— Да, — кивнул головой Ивашка, — вот хочу отвезти домой этих колдунов.

— Наслышан я об этом, наслышан, — тоже закивал головой ростовщик, — интересные вещи происходят в последнее время. Гномы подружились с магами и стали побеждать гоблинов и троллей. Все капитаны вдруг засобирались за скорлупой драконьих яиц. К добру ли это? — и впился своими глазками в Ивашку.

— Насчёт скорлупы не знаю, — пожал плечами шкипер, — а вот насчёт магии, думаю, гномам это пойдёт на пользу. Сами посудите. И гоблины, и тролли, о которых вы сейчас говорили, побеждены не без помощи магии.

— И как скоро вы отправляетесь? — резко сменил тему Джон.

— Через недельку примерно, — Ивашка оглянулся на друзей, ища поддержки, те дружно закивали.

— И вам нужны деньги для оснащения чудесного корабля, который строит сейчас Стеньга, — победно заключил ростовщик.

Ивашка улыбнулся:

— Напротив.

— Что напротив? — не понял Джон.

— Мы, вернее я, хочу отдать вам деньги в рост, пока я буду в плавании.

— Вот как? — не верил своим ушам хозяин

— Да, месяца на три-четыре, — уточнил Ивашка.

— Отлично, — с ростовщика словно груз сняли. Он даже выше ростом стал, — а какой суммой Вы располагаете?

— Пятнадцать тысяч дублонов.

— Пятнадцать тысяч?

— Пятнадцать тысяч, — повторил шкипер.

— Да, интересные вещи творятся в гномском королевстве в последнее время. Как только я вас увидел, то решил, что вы пришли выпрашивать у меня в долг несколько тысяч на организацию плавания и непременно под очень низкие проценты. Как же, ведь вы герои. И что происходит на самом деле, простой моряк приходит ко мне и говорит, что у него есть пятнадцать тысяч дублонов, хватает денег на корабль, новый дом, на снаряжение целой экспедиции на Западный материк. И он, этот моряк, хочет дать мне в рост огромное состояние, которое я зарабатывал всю жизнь. Удивительные вещи творятся в гномском королевстве.

— Так вы возьмёте деньги или нет? — устал всё это слушать Толстун.

— Ха! — чуть не подпрыгнул Джон. — А у Вас молодой человек нет пятнадцати тысяч?

— Вообще то, я хотел построить дом, но видно до плавания не успею. У меня есть четыре тысячи дублонов, — подумав, спокойно ответил Толстун.

— Ну, вот теперь уже девятнадцать тысяч, — хлопнул себя по колпаку хозяин, — не круглое число, может, доберёмся до двадцати. Тогда я всем вам через четыре месяца двадцать пять тысяч отдам. Это очень большие проценты, господа, — сразу стал серьёзным ростовщик

— Хорошо, — Ивашка подмигнул Толстуну, — я добавлю ещё тысячу. Пусть будет шестнадцать и четыре. Отдадите двадцать и пять.

— Приятно иметь дело с героями, — поклонился Джон Стекланный Глаз.

— Деньги мы через часик принесём.

— А я приглашу нотариуса, — ещё раз поклонился хозяин.

Наши друзья уходили, а за их спиной ростовщик в десятый, наверное, раз, воскликнул: «Интересные дела творятся в гномском королевстве в последнее время».

На следующий день набирали команду. Помог губернатор, вернувшийся из столицы. Первым делом он захотел повидать Ивашку, узнать подробность обратного похода через Западные пустоши.

Ивашка не стал ничего говорить о Гае Стальном мече. Пусть живёт, как знает. Разговор коснулся и предстоящего плавания. Ивашка посетовал, что вот всё некогда начать набирать команду.

— Так это я помочь могу, — обрадовался губернатор.

— Как?

— А вот как. Завтра я с утра пошлю по городу двух королевских глашатаых. Пусть ходят

по всему городу и кричат, что знаменитый победитель гоблинов и троллей, кавалер ордена «Бесстрашное сердце» и будущий министр и советник короля, объявляет набор команды на новый бриг... Стоп, — остановился разошедшийся чиновник, — как будет называться бриг?

— Вообще то, я ещё не придумал название, — смутился шкипер

— Так думай быстрее.

— «Молния»! — выпалил моряк.

— ...Объявляет набор команды на бриг «Молния» для похода к Западному материку.

Годится?

— Я же не могу всех, кто придёт взять на корабль. Гномов двадцать — двадцать пять.

— А ты всех и не бери. Выбери лучших.

— Здорово. Это мне кучу времени сэкономит, — обрадовался моряк.

— Вот завтра и начнём, — встал, прощаясь губернатор.

Ивашка на следующее утро пришёл в порт, вместе с Толстуном и эльфом, и стал ждать матросов. Эльф сначала отказывался, но шкипер его уговорил.

— Ты с ним даже не разговаривай, просто послушай, о чём они думают, а то вдруг кто-нибудь захочет там корабль захватить или что-нибудь в этом роде.

Эльф ещё немного отнекивался.

— Но ведь это я тебя домой повезу, — напомнил ему Ивашка, — и потом не забывай про остров «Дохлого дракона».

— Хорошо, Вандермаст, — согласился эльф, — но ты ведь можешь заглядывать в мысли других не хуже меня. Вспомни баньши на корабле.

— Я тоже буду пытаться, — заверил мага Ивашка.

Матросы, они повалили просто. Уже к полудню у Ивашки был список из восьми — десяти кандидатов. Пятерых шкипер отобрал сразу — с ними он плавал раньше. Насчёт остальных стал советоваться с эльфом. Но это почти ничего не дало. Отсеялось только двое. Оба хотели просто добраться до «Медузы», а там сбежать с корабля. У остальных мысли были похожи. Все хотели разбогатеть, прославиться и надрать хвост гоблинам.

Толстун предложил устроить соревнование на меткость стрельбы из арбалета. Правда это затянулось на несколько часов, и собрало полгорода зрителей, но зато позволило выявить десяток просто отличных стрелков, не уступающих ни Толстуну, ни Ивашке. Труднее всего оказалось с офицерами и боцманами. Тут на одно место оказалось по пять претендентов. Штурмана Ивашка выбрал сам, и в последствии очень гордился своим выбором. Пожилой гном, весь высушенный горячими ветрами тропиков и знающий окрестности «Медузы» не хуже своей каюты, он уже три десятка лет проплавал на различных судах в районе островов и даже занесённый бурей к Западному материку. Штурмана звали Серж Рваное Ухо — мочка одного уха у него была разорвана. Объясняя свое прозвище, Серж невесело улыбнулся: «Как-то в кабаке, на «Медузе», подрался с троллем. Ну, он мне серёжку с куском уха и оторвал».

— А ты? — поинтересовался Ивашка.

— А я ему, оба уха, отрезал, — с той же улыбкой ответил Серж.

Боцманом в помощь Толстуну взяли родного брата «Колотушки» погибшего в прошлом плавании от зубов чёрных морских змей. Младший «Колотушка» был ещё на голову выше своего брата и в плечах пошире. Такой может и на гоблина с голыми руками выйти и ещё неизвестно кто кого одолеет.

Мичманом взяли старого Ивашкиного знакомого ещё по прошлым плаваниям, гнома по

прозвищу «Зубоскал». Он всегда был душой компании, знал и умел рассказывать анекдотов про гоблинов и троллей, про островных гномов. Но при всей его несерьёзности матросы всегда выполняли все его команды. Любили, наверно?

С трудом нашли специалиста по парусам. У гномов основным видом судна является галера. А там управлять парусами не сложно. Другое дело бриг. Здесь нужно умение и опыт. К счастью нашёлся один матрос, плававший на гоблинском судне рабом и изучивший парусное дело не по книжкам, а по ударам плетью по спине. Звали его «Тигр» за полосатую от плетей спину и неукротимую ненависть к троллям и гоблинам. Его и взяли боцманом по оснастке.

Остальных матросов отобрали просто. Зачислили самых сильных и здоровых, из тех, кто плавал в южных широтах. Так что день, можно сказать, прошёл плодотворно, команду набрали. А в сумерках уже Ивашка всё-таки не удержался и зашёл на верфь. У брига появилась мачта. И из обрубка, стоящего вчера на стапелях, он превратился в красавец бриг, готовый распустить крылья (паруса) и умчаться на юг к бирюзовой волне, ветрам с запахом тропических, к земным островам.

А на утро все матросы и офицеры были в порту на верфи. Ивашка спросил Стеньгу не помешают ли ему двадцать пять помощников, совершенно бесплатных. Корабел даже думать не стал, за полчаса всем нашёл работу: кому красить, кому прибивать, кому шпаклевать. И работа закипела с новой силой, ведь моряки знали, что работают для себя, ускоряя открытие новых земель, обогащение. Да просто солнце приближая, в конце концов! Все так устали от зимы с её дождями и снегами.

Вечером же новоявленного капитана ждал скандал.

— Когда отплываем? — спросила за ужином Натали.

— Через несколько дней, — механически ответил Ивашка, пережёвывая большущий кусок пирога.

— Дак нам пора собираться, — всплеснула руками учительница.

— Ура! — завопили во весь рот Дюшка и Леночка.

— Стоп, стоп. Какое, ура? — охладил их пыл шкипер.

— Как какое. Разве мы не договаривались ехать все вместе за кладом. Разве не ждала я этого, пока ты сидел в тюрьме и скитался по всей планете. Всё. В этот раз я еду с тобой, — упёрла руки в бока Натали, — и дети поедут.

— Но ведь там драконы, гоблины, штормы, чёрные змеи и ещё, наверное, куча всякой гадости, — пытался защищаться Ивашка.

— Разве мы не видели штормов или здесь не было гоблинов. И потом, я понимаю, что мы плывём во всеоружии. Эльф, Хулкур, Толстун, ты — разве есть более надёжная защита от всех этих опасностей.

— А дети, — упорствовал моряк.

— Помнится, ты говорил, что вышел в море первый раз юнгой, когда был такой же, как Дюшка.

— Ну ладно, Дюшка пацан, может, ему и на самом деле пора в первое плавание. Но вы?

— Знаешь, какая была любимая песня у моего отца, — спросила вдруг Натали.

— Нет.

— Ну, так слушай:

Остаётся берег за кормой,

И стихает чаек крик вдали,
Обещаю, я вернусь домой,
Машут парусами корабли,

И уходят, оставляя след
В клочьях пены ровно на мгновенье.
Не желай любимая мне бед,
Пожелай мне лучше возвращенья.

С берегов, укутанных в песок,
С берегов, усеянных цветами,
Буду плыть всегда я на восток,
Сокращая мили между нами.
Поднимусь я из любых глубин,
Сто штормов в пути преодолею,
Только б не добавить у тебя морщин,
Вот об этом только я жалею,

Что уходят годы без тебя.
Почему нельзя брать жён с собою?
Почему же море люблю,
Расставаться должен я с тобою?

Почему я должен выбирать
Между ласками твоими и прибой?
Почему не может в жизни стать,
Чтоб всегда вас с морем было двое?

Голос учительницы ещё продолжал звучать, отражаясь от стен и потолка, а Ивашка уже понял, что на самом деле гораздо лучше взять всех с собой, чем переживать во время долгого плавания: «Как там они без меня».

— Хорошо, — сдался шкипер, — вы поплывёте со мной. Но на корабле все подчиняются строгой дисциплине. И вам тоже придётся. Чтобы никакой самостоятельности.

— Ура!!! — раздалось в ответ, так что окна зазвенели.

На шум появились эльф с Хулкуром.

— Что случилось? — поинтересовался маг.

— Мы отправляемся в плавание с вами, — сообщила ему новость радостная Леночка.

Эльф удивлённо уставился на друга.

— Придётся взять. Я им обещал, — начал оправдываться Ивашка.

— А может и правильно, — вдруг согласился колдун, — посмотрят разные страны, увидят как живут эльфы и жёлтые баньши. Пусть плывут.

— А вы будите учить меня колдовать? — сразу воспользовался ситуацией Дюшка

— Непременно, — маг сделал вращательное движение рукой, и у него на ладони засверкал маленький огненный шарик. — Держи!

Дюшка сначала было отдёргнул руки, но потом пересилил страх и вытянул ладошку.

Шарик перекатился с узкой длинной ладони мага на Дюшкину ладошку.

— Не больно?

— Нет щекотно, — захихикал мальчик.

— А я смогу, такое, делать? — загорелась Леночка.

— Вандермаст, ты ведь помнишь, что тебе сказал король. Организовать по возвращению школу магии. Вот на корабле и потренируем это с детьми, — предложил эльф.

— Да, мысль интересная. Но ведь если ты вернешься к своим, то кто будет их учить? — хлопнул себя полбу гном.

— Ты, Вандермаст, — сразу стал серьёзным маг.

— Нет. Я сам ещё ни чего не умею, — смутился Ивашка.

— Плавание займёт месяца три. У тебя будет время поучиться, — успокоил его колдун.

Последние перед отплытием дни Ивашка проводил на верфи. Корабль быстро приобретал вид готового к плаванию судна. Мачты стоят, реи закреплены, вся оснастка натянута. Привезли якорь, доставили из кузницы якорную цепь с лебёдкой. Толстун возился с арбалетами и катапультами. Вся корма была просто напичкана этим оружием. А один арбалет боцман затащил даже на мачту, сделал там специальную площадку и теперь у стрелка был шикарный обзор. Даже если вражеский корабль будет выше брига, его борта всё равно не послужат защитой. Обстрел будет вестись вверху.

Дождь на время прекратился и ничто не мешало строителям заниматься доделкой с утра до вечера, используя весь световой день.

И вот этот день настал. Честно говоря, Ивашка не ожидал, что на спуск корабля на воду придёт столько народу. А пришёл практически весь город, губернатор со своей свитой и главнокомандующий с городскими военными. Гай Стальной меч и не пришёл бы, но ведь король спросит про спуск на воду первого гномского брига, так что пришлось ему смирить гордыню и прийти на праздник.

Пришли поглазеть на голубой красавец бриг и все моряки и их жёны, а детей было столько, что сразу было ясно все дети города здесь.

Трепетали на ветру флаги, гремели барабаны. Везде слышался смех и высокие детские голоса. Это на самом деле был праздник. Ивашка такого и не помнил. И даже неяркое зимнее солнышко специально вылезло на небо и разогнало тучи, чтобы ещё улучшить настроение гномам.

Мужчины пришли в парадных мундирах с золотым шитьём. А Ивашка с Толстуном просто сверкали на солнце своими наградами. Женщины, даже не очень богатые, надели самые красивые праздничные комбинезоны и тоже не поскупились на украшения.

Губернатор залез на трибуну, возведённую тут же из нескольких пустых бочек и, шурясь от солнца, бьющего в глаза, или от слёз радости, произнёс речь.

— Друзья, сегодня для нашего города знаменательный день. Мы спускаем на воду первый ... бриг. До этого были яхты и галеры. Это огромный шаг вперёд. Теперь по скорости наши корабли не будут уступать кораблям гоблинов и троллей. Мы больше не второсортная морская держава. И наши корабли больше не будут лёгкой добычей для врага. И ещё одно событие. Капитан этого корабля кавалер ордена «Бесстрашное сердце» отправляется от имени всех гномов устанавливать дружеские отношения с эльфами и жёлтыми баньшами. Оба эти народа издревле воюют с драконами и гоблинами, нашими известными врагами. И вот теперь, наверное, настала пора объединиться, — губернатор посмотрел в ту сторону, где стояли Ивашка, Толстун, Хулкур и эльф.

Ивашка даже оглянулся на своих друзей. Те улыбались. «А ведь и, правда, — подумал гном, — и тот и другой занимают у себя видное место и смогут влиять на решение правителей. Если они настроят свои народы на дружбу с гномами и на совместные действия против гоблинов и драконов, то это будет великое дело. Молодец губернатор».

Ещё несколько гномов выступили с речью: купцы, капитаны. Говорили они о том же. И вот наступил момент, когда губернатор перерубил канаты, удерживающие корабль, и судно медленно по каткам заскользило вниз. Скорость всё увеличивалась, и вот корабль врезался в воду. Брызги, тысячи брызг поднялись в воздух и стали медленно оседать, радуга заиграла в них и стала полукругом над кораблём. Бриг закачался на поднятой ударом волне и застыл, трепеща флагами на лёгком ветру.

Ивашка любовался голубым кораблём. Ком застрял у него в горле. Это был его корабль. Этот гордый красавец. И с ним поплывут его друзья и Натали. Это на самом деле счастливый день.

«Теперь я на самом деле шкипер», — решил Ивашка и подбросил в небо свой колпак. И сотни голубых колпаков взлетело следом.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net